

*К*РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2026 ТОМ 11 NO 1

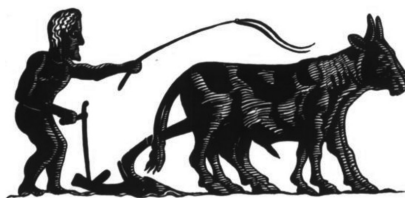
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)

А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС

М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ

И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС

И. А. Кузнецов, РАНХиГС

О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)

П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)

Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН

О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН

Н. И. Шагайда, РАНХиГС

С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова

В. Б. Безгин, Тамбовский государственный технический университет

С. М. Боррае Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)

С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)

В. Г. Виноградский, РАНХиГС

А. В. Гордеев, Государственная Дума РФ, Российская Академия Наук

А. В. Гордон, ИНИОН РАН

В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН

Ким Чан Чжин, Университет Сунгконгэ, Сеул, Южная Корея

В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН

А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС

С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)

Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)

А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова

Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)

А. Д. Радыгин, РАНХиГС

Судхир Кумар Сутхар, Университет Джавахарлала Неру (Индия)

В. Я. Узун, РАНХиГС

Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

Д. Челетти, Падуанский университет, Падуя (Италия)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 3, офис 2003

Телефон: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е. С. Никулина; Корректор И. Е. Кроть;

Дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС

В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;

Картина «Микула Селянинович». Рерих Н. К. 1910. Государственный Русский Музей. Санкт-Петербург

© РАНХиГС, 2026

Содержание

Теория

<i>Brutskus B.D.</i> Agricultural Economy: National-Economic Foundations. Chapter 14. General Principles of Agricultural Cooperation	6
<i>Schneider S., Tomazzoni G.C.</i> Panorama of cooperativism in Brazilian agriculture in Alexander Chayanov's perspective	25

История

<i>Ляпин Д.А.</i> Почвенный фактор и историко-географическое развитие сельских поселений Центрального Черноземья в XVII — начале XVIII века	55
<i>Шарапов С.В.</i> Неформальная (эксплоярная) экономика колхозной деревни Западной Сибири в 1939–1953 годах	72
<i>Потемкина М.Н., Кожухова Е.Л.</i> «Грядки возле цехов»: опыт металлургических заводов по самообеспечению работников продовольствием (1941 – 1945 гг.)	89

Современность

<i>Стародубровская И.В.</i> Постсоветская социальная трансформация северокавказских сельских сообществ (на примере Дагестана)	113
<i>Петухова И.С., Парфенова О.А., Галкин К.А.</i> Здоровье пожилых в российской деревне	137
<i>Колдобская Н.А.</i> Региональные аспекты вышивки как объекта нематериального культурного наследия России	161
<i>Марков А.В.</i> Майка Лунёвская: в поисках новой сельской поэзии	187

Рецензии

<i>Троцук И.В., Ишмухаметов Р.Р.</i> Сообщество как основа социального благополучия: государство, рынки, школы и другие субъекты «инклюзивного локализма»	203
<i>Гусаков Т.Ю.</i> Не остаток прошлого, а пространство будущего: к вопросу о трансформации сельских территорий	217

Научная жизнь

<i>Овчинцева Л.А.</i> Стратегии развития сельских территорий России	226
<i>Слепнёв И.Н.</i> XL сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы	235
Памяти Олега Борисовича Божкова	244

Russian peasant studies

Vol. 11. 2026. No 1

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Deputy Editor, RUDN University, RANEPA
I. A. Kuznetsov, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T. G. Nefedova, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil), RANEPA

ADVISORY BOARD

A. I. Alekseev, Moscow State University
V. B. Bezgin, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation
S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordeev, State Duma of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, RANEPA
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
V. A. Il'inykh, Institute of History of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Kim Chang Jin, SungKongHoe University, Seoul, South Korea
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A. D. Radygin, RANEPA
Sudhir Kumar Suthar Jawaharlal Nehru University (India)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)
D. Celetti, University of Padua, Padua, Italy.

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

<i>Brutskus B.D.</i> Agricultural Economy: National-Economic Foundations. Chapter 14. General Principles of Agricultural Cooperation	6
<i>Schneider S., Tomazzoni G.C.</i> Panorama of cooperativism in Brazilian agriculture in Alexander Chayanov's perspective	25

HISTORY

<i>Lyapin D.A.</i> Soil factor and historical-geographical development of rural settlements in the Central Black-Earth Region in the 17th – early 18th centuries	55
<i>Sharapov S.V.</i> Informal (expolar) economy of the collective-farm village in Western Siberia in 1939–1953	72
<i>Potemkina M.N., Kozhukhova E.L.</i> “Garden beds near workshops”: Food self-sufficiency of metallurgical plants (1941–1945)	89

THE PRESENT TIME

<i>Starodubrovskaya I.V.</i> Post-Soviet social transformation of the North- Caucasian rural communities (on the example of Dagestan)	113
<i>Petukhova I.S., Parfenova O.A., Galkin K.A.</i> Health of the elderly in the Russian village	137
<i>Koldobskaya N.A.</i> Regional aspects of embroidery as Russia's intangible cultural heritage	161
<i>Markov A.V.</i> Maika Lunevskaya: In search of new rural poetry	187

REVIEWS

<i>Trotsuk I.V., Ishmukhametov R.R.</i> Community as the basis of social well-being: State, markets, schools and other actors of “inclusive localism”	203
<i>Gusakov T.Yu.</i> Not a remnant of the past but a space for the future: On the transformation of rural territories	217

SCIENTIFIC LIFE

<i>Ovchintseva L.A.</i> Strategies for the development of rural areas in Russia . .	226
<i>Slepnev I.N.</i> 40th Session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe	235
In memory of Oleg Borisovich Bozhkov	244

Agricultural Economy: National-Economic Foundations. Chapter 14. General Principles of Agricultural Cooperation¹

B. D. Brutskus

Alexander M. Nikulin (publisher), PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Irina V. Trotsuk (translator), DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

EDN: DORWDB

Abstract. This is an English translation of Chapter 14 “General Principles of Agricultural Cooperation” from the textbook published in Russian by the agricultural economist B. D. Brutskus in Germany in 1923². Boris Davidovich Brutskus (1874–1938), a liberal economist, always emphasized the importance of the multi-structured national economy in which various social institutions can have goals and values different from those of entrepreneurial enterprises of the capitalist market economy. Brutskus recognized the specificity of agriculture compared to other economic sectors, in particular the different organization of the peasant economy and the capitalist enterprise. Thus, he was a like-minded colleague of scholars from Alexander Vasilyevich Chayanov’s organization-production school. The Soviet government declared Brutskus a reactionary bourgeois economist and expelled him from the USSR in 1922 for his profound and witty critique of the political-economic foundations of the socialist economy³.

While in exile, Brutskus presented his agrarian-economic views as a textbook on agricultural economy. In both Tsarist Russia and Soviet Russia of the 1920s as a primarily agrarian country, such textbooks were very popular. Brutskus’s textbook had two distinctive features: first, since the author was an agronomist by basic education, he placed a strong emphasis on agricultural biological processes in relation to agrarian economy; second, two final chapters of the textbook focused on agricultural cooperation, which was also unusual for textbooks that certainly included information about cooperation, but not in such large volumes and not in such a structured manner.

Brutskus’s textbook attracted attention not only in the Russian emigrant community, but also in Soviet Russia, where it was reprinted and widely used in universities until the start of collectivization in 1929, despite the fact that the author was in exile and

-
1. The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research program
 2. Brutskus B. D. (1923) *Agricultural Economy: National-Economic Foundations*, Berlin: Publishing House “Cooperative Thought”, p. 316–334.
 3. For more detailed information on Brutskus’s intellectual biography, see the abstract: Brutskus B. D. (2025) Elimination of the world crisis. *Russian Peasant Studies*, vol. 10, no 1, pp. 6–15.

had been declared an enemy of Soviet power. However, in the USSR the textbook was published without two last chapters on cooperation due to Soviet censorship. Bratskus commented on this ban in the article on cooperative ideology published in the German newspaper in Russian: "Recently, the Soviet government showed minimal liberality towards my academic work. After 15 months of censorship, my course on agricultural economy was cleared for publication⁴... But in one respect censors showed extreme intolerance: two chapters on agricultural cooperation were cut from the first page to the last. Although there is nothing specifically political in these chapters. However, the Bolshevik censorship could not accept my description of cooperation as a unique principle of economic construction, different from socialism"⁵.

According to Bratskus, cooperative social institutions — a special economic phenomenon, a unique third force, different from institutions of both capitalist and state-controlled, socialist economies; however, cooperation always faces the risk of being incorporated and absorbed by both market entrepreneurship and state bureaucracy. The past hundred years seem to have convincingly confirmed many of Bratskus's ideas of cooperation and his concerns about the distorting influence of both capitalism and socialism on cooperation. We publish this chapter from Bratskus's book in English as a still-relevant example of the classic legacy of Chayanov's school from its golden age.

Key words: cooperation, agrarian policy, market, peasantry, capitalism, socialism

1. Entrepreneurial economy and the reaction against it

In most countries, the involvement of the peasant labor economy in exchange relations and its transformation into the main supplier of agricultural products for the market, which pushed capitalist agriculture into the background, was significantly facilitated by the successful development among the peasantry of a unique economic organization of the new era — the cooperative. In very many cases, the peasantry would undoubtedly have failed to solve the problems created for them by the market without cooperative organization. Given the great significance that cooperation already has in the life of the peasantry and even greater significance it is destined to acquire, we consider it necessary to conclude the book by describing this new phenomenon of economic life.

The contemporary exchange economy is a complex interaction of enormous masses of economic entities. Only in their primitive forms exchange relations are visible to their participants and the producer-consumer connection can be direct. The peasant can sometimes deliver milk directly to the consumer, the craftsman can make boots to the peasant's order. But when exchange relations expand, they become completely boundless, and the direct producer-consumer connection cannot be preserved. A batch

4. Bratskus B. D. (2024) On cooperative ideology. *Steering Wheel*, no 1103, July 22, p. 2.

5. Chapter 14 "General Principles of Agricultural Cooperation" and Chapter 15 "Specific Types of Agricultural Cooperation": Bratskus B. D. (1923) *Agricultural Economy: National-Economic Foundations*, Berlin: Publishing House "Cooperative Thought", pp. 316–360.

of peasant grain merges with numerous other batches, is ground in some large mill, and as part of a huge batch of flour reaches quite distant consumers. Peasants buy mineral fertilizers at a warehouse, but they did not agree to order a large batch to a given area and perhaps do not even know where fertilizers were delivered from. Hundreds, even thousands of workers work harmoniously on a sugar latifundia, but they did not agree to come to this estate to work and did not divide work among themselves.

This complex interaction of enormous human masses, which ultimately turned the entire globe into a certain unity, became possible because society acquired entrepreneurs who organize such interaction. Their functions consist primarily of mediation between producers and consumers, who are spatially separated and cannot be directly connected. Entrepreneurs concentrate in their hands the goods of small producers to make large batches, to send them to places with greater need for such goods than at the place of production and, consequently, with higher value, and finally to distribute goods among consumers willing to pay the highest possible price for the product. These functions are usually distributed among entrepreneurs — the buyer, the wholesaler, and the shopkeeper. The trader is a prerequisite for the transformation of exchange economy from the small-district type, in which the producer is still in direct contact with the consumer, to higher types of national and world economy.

The entrepreneur's strength is determined not only by his organizational functions but also by capital at his disposal, which is necessary to concentrate goods in large quantities and is due to a considerable period between leaving the producer's hands and getting to the consumer's hands. In industry, the role of the entrepreneur is not limited to regulating exchange — he often goes further, making producers dependent on him and ultimately concentrating them as workers in his large-scale production.

In agriculture such concentration is impossible⁶. In agriculture, large-scale production developed from the landowner's household economy — first in the form of corvée economy, which gradually

6. P. I. Lyashchenko in *Essays on Economic Evolution* (vol. I) tries to present the peasant economy selling its grain to the buyer as a national form of capitalist production. This idea does not correspond to reality, since it completely ignores the nature of the peasant economy as excluding the possibility of its complete subordination to the buyer. First, the semi-natural character of his economy makes the peasant to a certain extent independent of the economic environment in satisfying his basic needs. Second, products of the peasant economy and its means of production are too diverse for one buyer to manage the sale of all these products and the supply of all these means. Finally, the very nature of the market for agricultural products excludes the possibility for the peasant to be connected to it through only one buyer. The German scientist Bücher, who was the first to describe the national form of capitalist industry, considered it a stage in the development of industrial but in no way agricultural production.

transformed into capitalist economy with its own equipment and free labor. Capitalism with its profit-seeking entrepreneurs created the contemporary exchange economy. Since conditions favored the development of the exchange capitalist economy, there was a huge growth in productive forces and in the population density; the level of masses' well-being in the advanced capitalist countries did not fall but increased.

However, already in the first half of the 19th century, negative aspects of the entrepreneurial economy were recognized. The benefits of this economy's successes were used one-sidedly by capitalists, which was more possible at the early stages of exchange economy. Capital was scarce and expensive, risk was great, because the insurance business had not yet been established and competition between capitalist entrepreneurs was insufficient, — all this increased the income of the capitalist entrepreneur, leaving other classes with a small part of benefits of developing exchange economy. When the economically strong capitalist entrepreneur confronted unorganized workers or small producers, they did not always succeed in defending remuneration according to the marginal productivity of their labor; most importantly, the economy was built on saving (low) wages. Finally, capitalism was blamed for crises — constant companions of the developed exchange economy.

All this gave rise, on the one hand, to the socialist movement, which sought to radically reorganize the existing social order through state power, and, on the other hand, to many institutions that were supposed to correct the system of free competition (trade unions, factory legislation, workers' insurance, and municipal socialism). The cooperative movement is one of such movements that aimed at integrating into capitalist economy and gradually transforming it from within.

2. The essence of cooperation

The task of the cooperative movement is to create cooperatives which we define as *collectively organized enterprises, whose members strive to satisfy their specific economic needs autonomously, i.e., independently of entrepreneurs*.

As enterprises, cooperatives are subject to the economic principle; they are to provide benefits to their members, and such benefits can be monetary. Cooperatives satisfy economic needs of their members and can provide services to non-members but not for income, while the goal of the entrepreneur is to get income by satisfying economic needs of others. The inner essence of the cooperative determines some features of its organization, reflecting the collective nature of such enterprises. However, cooperatives often take the external form of capitalist enterprises, or, on the contrary, capitalist enterprises take the external form of cooperatives, which is why only the nature of the goals pursued sometimes allows us to distinguish a coopera-

tive from a capitalist enterprise⁷. People of different classes can satisfy their economic needs on a cooperative basis, but cooperation is of the greatest importance for the economically weak, and the cooperative movement is predominantly democratic.

3. Benefits provided by the cooperative to its members

Since the start of the cooperative movement, its initiators believed that it was intended to destroy the profits of capital, i.e., the cooperative was primarily to create its own social capital, which would make it independent of the money market. However, efforts to create a working capital that fully satisfies the needs of the cooperative are too burdensome for its members and in fact unnecessary. Interest on capital is a logical economic category, and the cooperative cannot eliminate it from economic life. The task of cooperation is to transform capital from the manager of enterprise into its service force.

At the same time, the cooperative can make savings on other elements of capitalist profit for the benefit of its members. Thus, members of the cooperative take on its risk, eliminating the entrepreneur's reward for overcoming such a risk. When the risk essential for the capitalist is distributed among many cooperative members, it becomes insignificant for each of them. At the same time, the cooperative with its entire organization strives to reduce this risk. The credit association issuing loans runs less risk than the capitalist due to moral ties with its members, which the capitalist does not have. The consumer association is more confident that its members will buy its goods than the shopkeeper, because the consumer society has internal ties with its members, which the shopkeeper does not have. If the risk is determined by such insurmountable external conditions as the world market, if market conditions change quickly and dramatically, the corresponding industry is generally not suitable for cooperation, because successful regulation of its economic activity requires such determination and speed of action that cannot be expected from a cooperative organization.

Since the cooperative works with other people's capital, the interest paid is made up of remuneration for capital and remuneration for subjective risk. To minimize this risk, the cooperative is based on mutual responsibility of its members for its obligations. In the early days of the cooperative movement, it was recommended to make this responsibility unlimited, i.e., members were to be liable for the partnership's obligations with all their wealth. However, cooperatives have proven to be so economically sound that the need for members' unlimited liability disappeared with the development of the cooperative movement. Well-organized coop-

7. Cooperation is often defined by the external organizational features, which is insufficient.

eratives provide cheap credit from the masses' savings and through their central institutions use cheap credit from the capitalist money market.

In addition to the fact that cooperative members, who have taken over the risk of the enterprise, receive the same compensation for it as capitalists, they can also save on the remuneration that the entrepreneur receives for managing the business (entrepreneurial income). Entrepreneurial functions are to some extent performed by all members of the cooperative at general meetings and by the elected members of its council and board, who work either for free or for minimal pay. If the cooperative does need a paid economic manager, he is cheap for it. Cooperation destroys monopoly of capitalists and their trusted ones on the economic management of society and democratizes the economic-entrepreneurial spirit, thus getting the opportunity to recruit managers from a wider social circle and reduce costs of entrepreneurial labor.

However, advantages of cooperation are not only that its members get a part of profit as a reward for risk and a certain saving on entrepreneurial income. The most important types of cooperation have the capacity for internal growth or at least for partial coordination of actions, which ensures for cooperation all advantages of the largest capitalist enterprises. In capitalist production, there is also a strong trend toward concentration of production, which in general corresponds to the interests of national economy due to a reduction in production costs. But this trend is opposed by the interests of individual entrepreneurs, which slows it down considerably. In most cases, the stronger enterprise should break the weaker enterprise in a competitive struggle to concentrate production; only at higher stages of capitalist development, there is a voluntary merger of large enterprises into trusts, syndicates and cartels, but society does not always benefit from this. The expansion of cooperatives or coordination of their activities does not encounter obstacles in the interests of individual entrepreneurs, which quickly provides cooperative members with all benefits of the large enterprise. Thus, consumer societies unite to make joint purchases, credit unions establish cooperative banks to move their funds and enter the money market, dairy unions expand and unite to organize the sales of their products in distant markets. The same competition between entrepreneurs, in which consumers are not interested, determines high advertising costs, ultimately falling on the price of the product; there is no such competition and corresponding costs in cooperation.

In the national-economic perspective, the task of the capitalist enterprise is to satisfy certain economic needs of society. But for the capitalist, satisfying the economic needs of society is only a means to achieve his goal — the greatest profit. Thus, the entrepreneur's interests are in some antagonism with his society's interests, which makes it extremely difficult to solve many problems. The buyer, especially the rural one, when dealing with the small trader, cannot be confident that he receives goods of proper quality, not counterfeit;

such confidence is extremely necessary when buying means of production, for instance seeds and mineral fertilizers. On the other hand, the owner of a capitalist dairy cannot be confident that peasants feed cows properly, supply good milk and do not adulterate it. If peasants do not treat the matter conscientiously, the quality of milk will be low, and it will be valued accordingly by the market. Thus, the capitalist organization can only to a very small extent promote mineral fertilizers or dairying among peasants.

Moreover, there are economic problems that cannot be solved at all given the inevitable introduction of antagonistic interests into the economic organization by the entrepreneur. In the insurance business, since it is organized capitalistically, there is a risk that the insured would be careless about possible accidents and in certain cases may even consider advantageous to organizing an accident. In life insurance, such fears are impossible; in fire insurance the capitalist entrepreneur should constantly be on guard against this very real danger; cattle insurance cannot be organized at all without cooperation, given the antagonistic interests of the insurer and the insured. Cooperation makes this problem solvable: close ties between cooperatives are a guarantee against abuses that cannot be eliminated not only by capitalist but also by local-government organization of insurance.

All benefits of the cooperative for its members can take the form of profit, although this term can be applied to the cooperative only conditionally, by analogy with the capitalist enterprise in which profit is something unlimited like monetary income of the entrepreneur. However, income of the cooperative is income of its members, and it is not clearly defined. A consumer society can sell goods to its members at the same prices as a capitalist store; by the end of the year, it will accumulate a large profit which will be distributed among its members. On the other hand, a consumer society can sell goods to its members at prices lower than in a capitalist store; at the end of the year, it will have little profit, nevertheless, the cooperative will still be profitable for its members. The task of the cooperative is not to make profit but to cheaply and perfectly perform certain economic functions for the benefit of its members; concentration of a certain part of income in its cash register is advisable for economic consolidation but not essential.

Although the basis of the cooperative movement is formed by cooperatives, from which members receive quite definite, measurable in money and therefore real benefits, this movement is not limited to cooperatives. Solidarity of the cooperative movement is also expressed in the creation of other institutions which show certain connections with economic activities, but their significance is not limited to monetary income. For instance, activities of agricultural cooperatives lead to the creation of agricultural societies and syndicates, which unite rural population to discuss agricultural issues, organize lectures, conduct experiments, etc. Cultural activities are developed collectively, promote and strengthen the idea of cooperation: in essence, the eco-

conomic strength of the cooperative is based on the conscious attitude of its members to the matter, on the level of their culture.

Unlike capitalism building economic life on the basis of personal interests, the cooperative movement strives to solve economic problems on the basis of solidarity and collective interests. This brings to the forefront of economic life those social feelings that previously played a very modest role, making very clear their real significance. Raiffeisen, the founder of agricultural cooperation, opened its credit offices on the basis of the assumption that members of their boards and councils would work for free. His idea was realized, and the grand building of the German agricultural cooperation was based on the unpaid work of board members.

4. The relationship of cooperation with socialism and capitalism

Cooperation and socialism arose from the same motive — to limit the power of capital in economic life, but the paths of these two movements to this goal are profoundly different. Socialism gravitates toward organizing the economy with the coercive force of the state, while cooperation is based on voluntary associations. Thus, the consistent construction of socialism is difficult to combine with cooperation; therefore, at the stage of its greatest development in Russia, communism partly destroyed cooperation and partly transformed it into an official body of the state power.

As for capitalism, although cooperation strives to rebuild society on its own principles, the coexistence of capitalist and cooperative organizations within one free exchange system is completely normal. Just as capitalist organizations compete with each other, they compete with cooperative organizations, and gradually under this competition capitalism and cooperation strengthen in performing those economic functions they are best adapted to.

5. Cooperation and the state

Initiators of the cooperative movement treated state aid with great caution, because their main idea was self-help of cooperative members. External support could deprive the cooperative of what should constitute its strength — weaken the initiative of its members. And indeed, there are cases in the history of cooperation when benevolent aid of the state harmed cooperation. Thus, the French government, wishing to help the agricultural cooperative movement, provided it with an interest-free loan, which ultimately prevented the strengthening of cooperation, because the cooperative movement, spoiled by this interest-free loan, did not bother to attract people's savings by paying certain interest, but only these savings can create a solid ba-

sis for cooperation. Another danger of state aid is that the state can exert pressure on cooperation in its own interests. The cooperative is to serve the interests of its members, while the state power can represent class interests alien to the interests of cooperative members.

However, cooperation almost nowhere managed to maintain the firm position of not using state aid. Every new production organization in the first steps of its development needs external support, which capitalism also enjoyed in the first stages of its development.

As for Russia, capitalist industry was directly imposed by the government in the first half of the 18th century, which implies that cooperation, uniting democratic strata of population, has the right to claim state aid. However, cooperation must not let its guard down in order to prevent the state from imposing on it alien tasks and weakening its internal principle of self-help.

6. Organization of cooperative management

According to the cooperatives' goals, their management is organized on the following principles: the main manager of business is the general meeting of members; the general meeting selects a board for executive functions and a council for control and other regulatory functions. As a rule, members are equal; if the scope of their rights is not the same, differences are determined not by capital contributed but by real participation in the cooperative, for instance, the influence of members in a consumer society can depend on volume of supplies, in a dairy partnership — on amount of milk delivered.

7. Bases for classifying cooperatives

Cooperatives can perform various economic functions: some promote the cheapest and most perfect organization of consumption, others — successful development of small-scale production or the most profitable use of labor of members. Cooperatives serve the interests of various classes: proletarians, employees, peasants, artisans, small traders.

However, certain economic tasks and services to certain classes cannot be a sufficient basis for classifying cooperatives, since the same cooperative can serve different needs and different classes. For instance, the rural consumer society ensures the proper organization of consumption and usually also supplies its members with means of production. The credit partnership serves mainly small-scale production but also partly the needs of consumption. The urban consumer society often serves people from diverse classes — workers, small employees, artisans, etc., which also applies to credit partnerships. Nevertheless, the study of the cooperative movement from the perspective of its specific functions or classes it serves can be quite useful.

Classification of cooperatives should be based on their internal structure, and from this perspective, there are three clear groups of cooperatives. Two of them are cooperatives whose members strive to autonomously satisfy their needs in the sphere of circulation. On the one hand, these are associations of buyers, in relation to which the cooperative is a seller. On the other hand, these are associations of sellers, in relation to which the cooperative plays the role of a buyer. Associations of workers, in relation to which the cooperative is an employer, are of a profoundly different nature.

Cooperatives from the sphere of exchange can invade the sphere of production. Thus, a consumer society may not limit itself to selling ready-made bread but prefer to buy flour and open its own bakery or even buy grain and grind it in its own mill. In the same way, rural owners united in a cooperative may find it unprofitable to sell milk together and prefer to process it in a collective dairy. However, this does not change the fundamental nature of these cooperatives and does not bring them closer to the workers' cooperative.

Let us imagine a dairy of a consumer society, a cooperative dairy of peasants, processing their milk for sale as butter, and a dairy established by butter makers for the most profitable use of their labor. All three dairies may be physically identical, but their economic nature will be extremely different. The dairy of a consumer society aims at delivering butter to its members at the lowest possible prices; therefore, it should buy milk as cheaply as possible and process it as cheaply as possible. The dairy of cooperative peasants aims at paying its members the highest possible prices for milk; therefore, it should process milk as cheaply as possible and sell butter as expensively as possible. And the cooperative of butter makers aims at paying the highest possible wages for processing butter; therefore, it should pay for milk as cheaply as possible and sell butter as expensively as possible. In the first two cases, butter makers are hired workers of the cooperative; in the third case, the dairy belongs to its workers.

Success of cooperative development depends on the solidarity of the interests of cooperative members and on the complexity of demands that the cooperative organization makes on them. Thereby, cooperatives can be divided into buyers', sellers' and workers' cooperatives. The interests of buyers are generally solidary; the larger the purchases, the more profitably they can be made. At the same time, buyers' cooperatives make the least demands on their members in terms of discipline.

The degree of solidarity of the interests of members of the sellers' cooperative can be very significant in a broad market where the quantity of the cooperative's products is negligible. On the contrary, if the market can hardly accommodate the cooperative's product, the solidarity of sellers' interests can be violated: it may be advantageous for each of them to take over the market behind the backs of fellow members. The sellers' cooperative makes great demands on its members: they should not be tempted by random profitable op-

portunities to sell a product outside the cooperative. The cooperative also makes certain demands on the quality of products delivered by its members.

Finally, workers' cooperatives face the greatest challenges. Any production requires a more or less complex division of labor and a more or less complex hierarchy, which presupposes differentiated payment for team members and determines many antagonisms between them. Since the workers' cooperative covers almost the entire economic activity of its members, it demands great discipline from them. In general, production is easily organized by the capitalist, who concludes an agreement with each worker and authoritarily assigns all workers certain places in the production hierarchy; it is extremely difficult to create such an organization based on a collective agreement. Although at the initial moment of the cooperative movement labor cooperation was at the center of attention with the greatest hopes placed on it, labor cooperation did not justify these hopes at all, and only buyers' and sellers' cooperatives acquired serious significance in economic life, showing a strong trend toward penetrating the sphere of production.

Our task is to characterize agricultural cooperation, i.e., cooperation that serves the farmer, primarily the small one, as a producer.

8. Schulze-Delitzsch and the history of the urban petty bourgeois cooperation

Cooperation designed to serve the small producer first developed in the West, in the city, among artisans, because this environment is more cultural and open to innovation. Somewhat later, cooperation spread in the more inert environment of farmers. However, once it penetrated the village, it finds a more solid ground here than among urban artisans or small traders.

The guarantee of the strength of agricultural cooperation is that peasants are not competitors but potential partners in production. The market for agricultural products is unlimited compared to the quantity of products that each farm or even a significant group of farms can supply. The size of production of an individual owner or even a significant group of owners is almost predetermined by the land area. Thus, the interests of peasants not only as buyers but also as sellers are solidary, which provides extensive prospects for agricultural cooperation. On the contrary, artisans usually face a limited market that each of them can take over by expanding production. Artisans are competitors, which clips the wings of craft cooperation that has not justified the great hopes placed on it.

The most important factor of the normal development of small economy is credit. The lack of working capital is the main factor causing or accelerating the decline of small economy. Therefore, the start-

ing point for the development of agricultural cooperation is the system of credit societies established by Raiffeisen in West Germany in the 1860s in the interests of small peasants.

Raiffeisen's predecessor was Schulze, interested primarily in the fate of artisans. Schulze, who added to his surname the name of his hometown (Delitzsch), where he began his public work, was a liberal; he hoped that on the basis of free initiative it would be possible to strengthen the economic position of artisans to such an extent that competition with factory production would not be a threat to them, and eventually they would develop cooperative production. Schulze-Delitzsch began his work in the 1840s with the organization of credit offices on the principle of charity, but soon he realized that nothing significant could be done for the artisan class on this basis. Only observations of attempts at mutual assistance among German artisans led Schulze-Delitzsch to the right path to solving the problem. Artisans quite often united for joint purchases of raw materials or on the principle of joint responsibility to get a loan for such purchases. This led Schulze-Delitzsch to the idea that it was necessary to separate the task of helping those in poverty, because they had no viable production, from the task of helping those with viable production. The task of helping the former was charitable, while the task of helping the latter was economic, and Schulze-Delitzsch focused his energy on the second task.

Initially he aimed primarily at promoting raw materials, sales and production partnerships, and only in addition to them organized credit partnerships to supply the above-mentioned partnerships with funds. However, it was precisely credit partnerships that had lasting success and that Schulze-Delitzsch managed to organize on solid principles. Soon he realized that artisans, farmers and merchants with viable production, even if each of them had very modest collateral security, could get loans if bound by collective liability. Given the novelty of the matter, initially Schulze-Delitzsch demanded that this liability be unlimited. Moreover, to ensure a solid basis for the credit partnership, its members were to make fixed capital from their contributions and shares and subsequently, by adding a share of profits to fixed capital, to strive to increase it in every possible way. Funding for the partnership can be largely obtained from workers — by attracting their savings. Therefore, Schulze-Delitzsch credit societies have a dual function — they are credit-saving: they supply working people with working capital and at the same time teach them to save money. To attract deposits and get loans, interest is to be paid; therefore, credit transactions are to be interest-bearing. People with profitable production cannot be afraid of paying interest, because they put funds into circulation in their production and return money with a profit. Interest charged on credits should be higher than interest paid on deposits and loans, since the surplus covers expenses and ensures dividends to strengthen the partnership's capital. Thus, Schulze-Delitzsch strove to provide his credit societies with such an organizational form that would best meet the needs of the urban petty bourgeoisie.

During the 1850s, Schulze-Delitzsch's work on creating urban cooperatives was so successful that in 1859 he organized their first congress and founded their union which still exists today (Allgemeiner Verband der deutschen Erwerbs- und Wirtschaftsgenossenschaften — General Association of German Commercial and Economic Cooperatives).

At first, the Prussian government was hostile to Schulze-Delitzsch's activities and created many obstacles to his work, taking advantage of the absence of a civil-law basis for recognizing cooperatives as legal entities. Schulze-Delitzsch wanted to develop the cooperative movement only on the self-help basis and did not seek government assistance. Only in the mid-1860s, the government decisively changed its attitude toward Schulze-Delitzsch's activities, and in 1868, under his influence, adopted the first cooperative law which was quite liberal and became a model for other countries.

9. Raiffeisen and the history of agricultural cooperation

The founder of agricultural cooperation, Raiffeisen, was a deeply religious person, and it was even more difficult for him than for Schulze-Delitzsch to give up the idea of helping the peasantry on the basis of Christian charity. However, his acquaintance with the successful activities of Schulze-Delitzsch convinced him that workers could improve their situation only through self-help and that self-help institutions should have a completely different structure than the charitable ones. Nevertheless, Raiffeisen did not copy the structure of Schulze-Delitzsch's credit partnerships but made significant changes to it. While Schulze-Delitzsch aimed at the possible expansion of the partnership so that it would include as many members as possible, Raiffeisen demanded localization so that the area of the partnership's activity would be as small as possible, for example no more than a parish. Unlike Schulze-Delitzsch, Raiffeisen considered cooperative shares harmful and had the same negative attitude towards dividends. In his opinion, dividends could lead to the degeneration of credit unions into small joint-stock banks, which did happen to some of Schulze-Delitzsch's partnerships. Later, under the legislative pressure, Raiffeisen introduced share contributions but sought to reduce them to a minimum; all profits were to cover the costs of forming an indivisible "founding" fund intended for public benefit purposes.

Raiffeisen wanted to ensure that life of the cooperative was imbued with certain moral principles and a religious spirit, which is why he insisted that members of council and board work for free. Loans were not to be issued on formal grounds — the board had to delve into the needs of members and, if possible, guide them in economic activities. Therefore, credit can be not only short-term, as Schulze-Delitzsch insisted, but also long-term. The credit cooperative should

not be limited to credit functions but should become an integral cooperative, organizing joint purchases, collective sales of products and their processing, and guiding technical progress of the peasant economy, while Schulze-Delitzsch defended specialization of the cooperative's functions. Raiffeisen insisted on the principle of unlimited liability with even greater persistence than Schulze-Delitzsch.

Since the 1860s, due to Raiffeisen's efforts, rural credit offices spread rapidly in West Germany. From the very first steps of the cooperative movement, Raiffeisen began to merge these offices into provincial cooperative banks and in 1876 replaced them with a single central bank (*Landwirtschaftliche Zentral-Darlehenskasse*) in Neuwied. At the same time, he founded a general union of his cooperatives. Raiffeisen used the Central Bank and this Union for the most consistent and strict implementation of the basic principles of his cooperative movement, in contrast to Schulze-Delitzsch, who allowed cooperation to develop more freely.

Schulze-Delitzsch and Raiffeisen had a heated debate about the principles on which cooperation should be built, and each of them insisted on the general validity of his approach, although developed cooperation in different environments. Schulze-Delitzsch worked with the urban petty bourgeoisie, which had a higher level of culture and little need for external guidance and was accustomed to the fast urban money circulation. Raiffeisen focused on poor elements of the peasantry, who were just beginning to master modern technologies. These elements needed much more careful guidance and some assistance from the rural intelligentsia, and this assistance is possible only provided a certain spirituality of the entire cooperative movement. In agriculture, it was impossible to do without long-term credit which requires more attention and control of the board over the use of funds than short-term credit. Raiffeisen organization met all these requirements: localization made strict control over loans possible, created a certain intimate atmosphere, made it possible to use free labor of board and council members, which would have been difficult to pay for; such control ensured security of long-term loans. Insufficient cultural forces required unification of all forms of cooperative work around the credit office.

Raiffeisen intended to turn his cooperative principles into unshakable dogmas and to enshrine them forever with the help of his central organizations, demanding strict adherence to these principles. As German agricultural cooperation grew stronger and the cooperatively united peasantry gained self-confidence, peasants needed less and less guardianship. Thus, the cooperative movement needed more flexible organization. In particular, the principle of unlimited liability constrained cooperation, which explains why the Hessian Union of Agricultural Cooperatives, which was founded in the 1880s on more flexible liberal principles, gradually turned into an all-German union, pushing Raiffeisen organization into the background. Nevertheless, Raiffeisen is credited with the great world-historical merit of bringing

to life the idea of agricultural cooperation. He solved the most important problem — proved that the peasant economy through self-help could obtain capital, enter the path of technical progress and adapt to the market demands; proved that the basis of the peasantry's economic strength could be their labor savings. These ideas made a huge impression and were followed in other countries.

Nevertheless, the paths of the development of cooperation in each country and even in each region are unique due to the infinite diversity of both natural and economic conditions. In some countries, the starting point of this development was not the credit partnership, since there was no urgent need for credit everywhere. In France, the village was so rich in savings that the need for credit was not acute. In Italy, urban people's banks that developed in the 1860s extended their activities to the village. In both France and Italy, the starting point of agricultural cooperation were syndicates, i.e., professional organizations of agricultural population. In the same way, in Denmark, the problem of credit in the village had already been more or less satisfactorily solved by parishes supported by urban savings banks, and the starting point of the cooperative movement in agriculture were cooperative dairies.

10. History of agricultural cooperation in Russia

Russian intelligentsia, sensitive to all advanced movements of the West, immediately noticed the fruitful activity of Raiffeisen and tried to develop similar credit-savings partnerships. In 1871 in Moscow, the Committee on Rural Credit-Saving and Industrial Partnerships was created to develop the cooperative movement in Russia; its branch in Petrograd was especially active. In the 1870s, some zemstvos became interested in small credit, and with their assistance almost 1,000 credit offices were opened. However, the Russian peasant economy was not sufficiently involved in exchange relations; peasants were not accustomed to credit, and small credit institutions could not take root among them. The entire cooperative movement was still artificial and fragile. Both the zemstvo and the intelligentsia, after a series of failures, lost interest in developing small credit.

However, over time, conditions for the development of the peasant cooperative movement in Russia improved, because the peasantry was increasingly drawn into the cycle of exchange economy, and their cultural level was rising.

In 1895, the Minister of Finance S.Yu. Witte passed the new Regulation on small credit institutions. According to this law, formalities for establishing such institutions were somewhat simplified, and the model charter was revised. Before this Regulation, the law provided only for credit-saving associations, which in their structure were close to the Schulze-Delitzsch type. The model charter required large shares, which was unaffordable for the average peasant. The new Regulation provid-

ed for a new type of small credit institutions, the so-called credit partnerships, which in their organization were close to the Raiffeisen type. There are no share contributions in credit partnerships, their fixed capital is made up of the initial loan. The new Regulation provided for the State Bank's long-term loans for the basic capital of credit partnerships which became subject to the supervision of the State Bank officials.

Under the new Regulation, small credit institutions began to develop, and the new cooperative movement was no longer artificial, as it had been in the 1870s. Small credit partnerships developed especially successfully on the outskirts, where the peasant economy was more involved in exchange relations. Since the beginning of the current century, credit partnerships, more in line with the needs of the ordinary peasantry, have been established in greater numbers than credit-saving partnerships. In the decade from 1895 to 1904, 1,095 small credit institutions were authorized; the cooperative movement developed at such an accelerating pace that in 1904 alone more than 300 small credit institutions were authorized. Thus, since the beginning of the current century, cooperation has become a noticeable factor in the economic life of the peasantry in some Russian regions.

In 1905, the cooperative movement entered a new stage of development. On June 7, 1904, the new Regulation on Small Credit was adopted, which to some extent reflected the pressure of the developing social movement. The right to authorize small credit institutions, which had previously belonged to central authorities, was transferred to the Provincial Committees on Small Credit, which simplified intermediary collateral transactions. The State Bank established the Department of Small Credit, which was to promote and monitor partnerships created with loans from the State Bank.

The new, somewhat more liberal Regulation, more generous assistance from the State Bank and an extensive staff of small credit inspectors led to a huge expansion of the network of small credit institutions in Russia. By January 1, 1905, there were 1,413 of them, and in 1915 — 10 times more, 14,548, and this enormous growth was not artificial. Small credit institutions took root among the peasantry, which is explained by the fact that the involvement of the peasant economy in exchange relations had advanced significantly, that the peasant economy had entered the path of progressive development, that the cultural level of peasant masses had risen, and that the 1905 Revolution, although it did not fulfill its promises, had awakened the people's energy and made peasants seek new ways to improve their economic situation.

That credit cooperatives became a serious factor in the economic life of population is confirmed by the fact that on the eve of the revolution, the number of cooperative members exceeded 10 million, and the number of members of credit partnerships, which developed almost exclusively in rural areas, exceeded 8 million. The development of partnerships was especially successful in the east and south of Russia, where agriculture is an important source of cash income for

rural population; but the cooperative movement covered all regions of Russia. That this movement was fed by internal juices can be proved by the fact that by mid-1912 small credit institutions had used 69 million government loans; on January 1, 1912, the sum of their deposits and loans was 242 million, and two years later, on January 1, 1914, — 424 million, of which almost 200 million came from credit partnerships. On the eve of the war, government funds constituted only 20% of the working capital of small credit institutions. Thus, government activity should be considered only an external impetus for the cooperative movement, which then developed on its own.

The State Bank with its small credit inspectors to some extent acted for the Russian credit cooperation as union organizations, the development of which the government prohibited to keep cooperatives under its guardianship. In some regions, zemstvo small credit offices competed with the State Bank in this regard. In 1911, the government finally allowed to found the Moscow People's Bank, which became the central bank of Russian cooperation, but the state continued to stubbornly hinder the creation of local associations of credit cooperatives with financial functions. Only during the war, when the task of strengthening cooperation acquired state significance, union associations of credit cooperatives were allowed, and regional unions of credit partnerships were created at an accelerated pace.

In general, credit was a prerequisite for the reconstruction of the Russian peasant economy on an exchange basis; therefore, credit cooperation was supposed to become the backbone of all Russian cooperation, in connection with and around which other forms of cooperatives were to develop. The situation was different in Western Siberia: on its wide land expanses the peasant economy was economically stronger than in European Russia; rich in livestock, it could immediately provide a valuable livestock product for export — milk that had to be first turned into butter. Thus, in Western Siberia, as in Denmark, cooperative dairies became the center of the cooperative movement.

Russian cooperation reached its peak at the beginning of the war, when the state was in dire need of various supplies, willingly turned to cooperation for help and finally gave it freedom of development. The freedom of cooperative development was secured after the February Revolution in the law of March 20, 1917. However, the destruction of the Russian national economy caused by the war and revolution would inevitably affect agricultural cooperation.

With the establishment of communist policy, the government transformed consumer cooperation into a distribution body of the socialist state, subordinated all other forms of cooperation to its supervision, and in 1920 completely liquidated credit cooperation as not corresponding to the principles of socialism as a system that denies both the principle of interest on capital and the entire monetary system. At the beginning of 1921, the refusal to immediately build communism would inevitably change the policy of the socialist govern-

ment towards cooperation. Nevertheless, the government had not yet abandoned the idea of consumer cooperation as necessarily uniting all workers. The development of agricultural cooperatives on the basis of voluntary membership is recognized, since the state accepts the basic principle of cooperation. The previous experience of cooperative development creates psychological prerequisites for the rapid revival of cooperation. It is the highest stage of the developed free exchange economy, but its restoration has just begun, monetary system has not yet been stabilized, civil law and order are still in the process of formation; therefore, many external prerequisites for the sustainable development of such a complex economic form as cooperation are still lacking. Nevertheless, the first steps towards the revival of agricultural cooperation in the new situation are already being taken.

Экономия сельского хозяйства: Народнохозяйственные основы. Глава 14. Общие основы сельскохозяйственной кооперации⁸

Бруцкус Борис Давидович

Публикатор:

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

Переводчик — *Ирина Владимировна Троцук*, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, просп. Вернадского, 82.
 E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Данная публикация — английский перевод Главы XIV «Общие основы сельскохозяйственной кооперации» из учебника, изданного аграрным экономистом Б. Д. Бруцкусом на русском языке в Германии в 1923 году⁹. Борис Давидович Бруцкус (1874–1938), будучи экономистом либерального направления, всегда отмечал важное значение в экономической жизни общества многоукладного народного хозяйства, социальные институты которого могут иметь цели и ценности, отличные от предпринимательских хозяйств рыночной капиталистической экономики. Бруцкус признавал специфику сельского хозяйства в сравнении с другими отраслями экономики, отмечая отличие организации крестьянского хозяйства от капиталистического предприятия. В этом он был фактически единомышленником и коллегой ученых из организационно-производственной школы Александра Васильевича Чаянова. Советская власть заклемила Бруцкуса как реакционного буржуазного экономиста и изгнала его из СССР в 1922 году за то,

8. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

9. *Бруцкус Б. Д.* (1923). Экономия сельского хозяйства: Народнохозяйственные основы. Берлин: Кооперативная мысль. 360 с.

что он подверг глубокой и остроумной критике политические и экономические основания социалистической экономики¹⁰.

Находясь в эмиграции, Бруцкус постарался систематически изложить свои аграрно-экономические взгляды в виде учебника по аграрной экономике. В царской, а затем в советской России 1920-х годов, стране прежде всего аграрной, такого рода учебники были очень популярны. Учебник Бруцкуса отличали две особенности: во-первых, автор по базовому образованию был прежде всего агрономом, и в книге сделан акцент на сельскохозяйственных биологических процессах, конечно, в особой связи с аграрной экономикой; во-вторых, учебник завершался двумя главами, посвященными сельскохозяйственной кооперации, что было не совсем обычно для аналогичных учебников, которые обязательно включали в себя информацию о кооперации, но не в таких больших объемах и столь структурированную.

Учебник Бруцкуса привлек к себе внимание не только русской эмиграции, но и в советской России, где был переиздан и широко применялся в университетском образовании до начала коллективизации в 1929 году, несмотря на то что автор находился в эмиграции и был объявлен врагом советской власти. Однако в СССР учебник Бруцкуса издавался без двух последних кооперативных глав — их запретила печатать советская цензура. Сам Бруцкус так прокомментировал запрет в своей статье о кооперативной идеологии, опубликованной в русскоязычной немецкой газете: «Недавно советская власть проявила минимальный либерализм к моей научной работе. После 15-месячного пребывания в цензуре мой курс экономики сельского хозяйства был разрешен к печати¹¹. Но в одном цензура проявила крайнюю степень нетерпимости: две главы, посвященные сельскохозяйственной кооперации, вырезаны от первой до последней страницы. А ведь и в этих главах нет ничего специфически политического. Но большевистская цензура не могла помириться с тем, что я характеризую кооперацию как совершенно особый принцип экономического строительства, отличный от социализма»¹².

По мнению Бруцкуса, социальные институты кооперации — особое экономическое явление, своеобразная третья сила, отличная как от институтов капиталистической, так и государственной, социалистической экономики, но у кооперации всегда есть риск быть инкорпорированной, поглощенной как рыночным предпринимательством, так государственной бюрократией. Прошедшие сто лет, кажется, убедительно подтвердили многие характеристики кооперации, данные Бруцкусом, а также и его опасения о деформирующем влиянии на кооперацию как капитализма, так и социализма. Мы публикуем эту главу из книги Бруцкуса в английском переводе как не утративший своей актуальности образец классического наследия золотого века школы Чаянова.

Ключевые слова: кооперация, аграрная политика, рынок, крестьянство, капитализм, социализм

10. Более подробные сведения об интеллектуальной биографии Бруцкуса см. в аннотации к статье: *Brutskus B. D.* (2025). Elimination of the world crisis // *Russian Peasant Studies*. Vol. 10. №1. P. 6-15.
11. *Бруцкус Б.* О кооперативной идеологии // *Руль*. 1924. № 11с3. 22 июля. С. 2.
12. Глава XIV «Общие основы сельскохозяйственной кооперации» и Глава XV «Отдельные виды сельскохозяйственной кооперации» // *Бруцкус Б. Д.* (1923). *Экономика сельского хозяйства: Народохозяйственные основы*. Берлин: Кооперативная мысль. С. 316–360.

Panorama of cooperativism in Brazilian agriculture in Alexander Chayanov's perspective

S. Schneider, G. C. Tomazzoni

Sergio Schneider, DSc (Sociology), Full Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul. Farroupilha, Porto Alegre, State of Rio Grande do Sul, 90010-150, Brazil. E-mail: schneide@ufrgs.br

Gean Carlos Tomazzoni, PhD (Management), Associate Professor, Federal Technological University of Paraná. Av. Sete de Setembro, 3165, Rebouças, 80230-901, Curitiba, State of Paraná, Brazil. E-mail: tomazzoni@utfpr.edu.br

Abstract. In the last decade, Brazil has witnessed a significant expansion of cooperativism in agriculture. However, the cooperative movement did not follow a uniform pattern, revealing asymmetries and inequalities in Brazilian cooperativism. The article aims at describing cooperativism in Brazilian agriculture, for which the authors analyze data of agricultural censuses (IBGE, 2006; 2017), using markers to distinguish social-political categories of family and non-family agriculture. In addition, the authors examine variables related to gender and education characteristics of farmers, distribution of rural units by area, purpose of agricultural production, sources of income, and access to technology. According to the results, there is a significant number of farmers affiliated with cooperatives in Brazil. However, cooperativism is concentrated in one of the five macroregions of the country and is more typical for non-family rather than family agriculture. Moreover, there are differences in cooperativism by size of property, and units associated with cooperatives in Brazil are more focused on marketing their production than the non-cooperative ones, which is reflected in the share of agricultural income in the total income of farmers and their families. Based on the results, the authors reconsider the ideas of Alexander Chayanov (2017) to assess the potential of cooperativism in the development of Brazilian agriculture if based on a more planned society and economy.

Key words: cooperativism, agriculture, Brazil, Alexander Chayanov

EDN: DRJNJY

Introduction

Cooperatives were originally established in Europe in the mid-19th century to address social inequalities and promote economic equity. Thus, the cooperative movement spread from Europe across the Western world, uniting cooperatives around shared values, principles, identity, and a common brand (Bancel, 2022). In Brazil, cooperativism has historically been rooted in a wide range of organizations, particularly of farmers who sought to create and consolidate their organizations to resist changes in the country's agrarian landscape over

the past 130 years. Although not limited to rural areas, cooperative practices were experimented with and disseminated throughout Brazil, revealing the ability of farmers to design their social, economic, and political organizations.

The official introduction of cooperativism in Brazil dates back to 1889 — the founding of the Economic Cooperative of Public Employees of Ouro Preto, organized for the consumption of agricultural products. The first agricultural cooperative in Brazil was founded shortly after, in 1892, — the *Società Cooperativa delle Convenzione Agricoli* was organized by small farmers in the state of Rio Grande do Sul to make their small-scale production viable. Thus, the start of cooperativism in Brazilian agriculture is determined by survival strategies in response to the challenges faced by European immigrants who colonized the region (Gaiger, 2013).

In the second half of the 20th century, cooperativism in Brazilian agriculture entered a period of expansion, particularly in the South and Southeast macroregions, under the expansion of markets for wheat and soybeans and modernization policies actively implemented since the 1960s. The peak of this second major phase of Brazilian cooperativism can be attributed to the Law 5.764, which defined the National Cooperative Policy, formed the legal framework for cooperative societies, and created the Brazilian Cooperative Organization (OCB) to present the national cooperative system.

In this period, agricultural cooperatives showed a strong tendency to become large corporations which consisted of many members and were engaged not only in commercialization of agricultural production but also in agro-industrialization, sales of inputs and agricultural machinery, and access to rural credit (Delgado, 1985). Such cooperatives often reproduced traditional organizational practices of private companies (Santos, 1978; Delgado, 1985), thus developing a cooperative model highly sensitive to competitive markets and financial power.

Thus, although cooperativism in Brazilian agriculture developed as a survival strategy for small farmers, its rapid expansion in the 20th century determined active participation of large rural producers who sought to invest in new machinery and equipment and were engaged in large-scale, specialized market-oriented production (Benetti, 1992). As a result, the wave of agricultural modernization policies positioned cooperativism as a strategic mechanism of the national agricultural policy, related to the “new rural” (Vasconcelos, Castro, 1999) under the Green Revolution.

Among the consequences of the cooperative model developing since the second half of the 20th century, the most disastrous was the movement of “breaking up” agricultural cooperatives, which led to bankruptcies from 1985. Crúzio in the article “Why do Brazilian agricultural and agro-industrial cooperative fail?” provides the following answer: “it is cooperative superstructures, too complex to meet objectives of cooperative members” (Crúzio, 1999: 25). According to Gaiger

(2013), agro-industrial cooperativism that marked the second half of the 20th century lost its social and political support due to the trend of cooperatives turning into organizations of conventional type, with cooperation being instrumentalized as a mere means for reducing social costs just for profit.

Since the turn of the millennium, Brazilian agricultural cooperativism has undergone a third significant transformation under the new rural development policies of a more left-wing government. Thus, family farming¹ consolidated in the political-institutional arena, attracting most rural development programs and policies (Grisa, Schneider, 2014). Such rural development policies as the Food Purchase Program (PAA) and the reorganization of the National School Meals Program (PNAE) clarified interaction, articulation, negotiation, cooperation, and organizational modes within a broad framework of actors (Grisa, Schneider, 2014). Thus, more than just contracts for purchase and sale of food — public procurement programs created a fertile ground for a new model of cooperativism based on the organizational capacity of Brazilian family agriculture (Tomazzoni, 2022).

Unlike agricultural cooperativism of the 20th century, characterized by large cooperative organizations, this new model implied small and medium-sized cooperatives strongly linked to local territories and focused on solidarity and self-governance by family farmers. This new model of cooperativism is also marked by inter-cooperation as a logistics and advantages of scale strategy for meeting the geographically distributed demand determined by public procurement programs. Inter-cooperation has been used to preserve farmers' self-governance and cooperatives' connections with their local territories without losing advantages of complex large-scale operations (Tomazzoni, 2022).

Within the scope of the new cooperativism, in 2005 the National Union of Cooperatives of Family Farming and Solidarity Economy (UNICAFES) was founded as a non-governmental organization representing solidarity cooperativism, family agriculture, traditional peoples, and land reform settlements. Unlike the OCB consisting of the largest Brazilian cooperatives, UNICAFES is an institutional

-
1. Family farming is a social part of the national economic formation. However, it has been legally-institutionally defined only recently. According to the Brazilian legislation in force — the Law No. 11,326/2006 (Decree No. 9,064/2017), family farmers are producers who (Del-Grossi, 2019): a) have an area of up to 4 fiscal modules, whose units can vary from 5 to 110 hectares; b) use at least half of family workforce in production and income-generating activities; c) get at least half of family income from economic activities of their establishment or enterprise; d) manage such establishment or business solely with their family. These criteria were applied in the last Brazilian Agricultural Census (2017/2018): family farmers accounted for 3.9 million rural establishments (77% of the national total), of which only 10.6% were associated with cooperatives (IBGE, 2019).

representative body for cooperativism in family farming and solidarity economy, typical for small and medium-sized cooperatives.

Thus, the three waves of cooperativism in Brazil determined the today's two major fields in national agro-cooperativism. Despite challenges of the "breaking up" period, the traditional model of large agro-cooperatives is still present in national agriculture and constitutes one of the central pillars of Brazilian agribusiness, thus proving Carlson's (2022) ideas of the key and central role of agrarian dynamics in understanding divergent processes of economic development. Carlson highlighted important regional differences in rural property relations as leading to different production logic and investment patterns in agriculture, which greatly affect economic and industrial growth.

According to the 2025 Annual Report of the Brazilian Cooperative Organization (OCB, 2025), cooperativism is a ground for agribusiness expansion: 1,172 cooperatives in agricultural sector consist of over 1 million members and generate R\$ 438 billion off annual revenue, with a surplus of R\$ 30 billion in 2024; 49% of agro-industrial cooperatives focus on inputs and goods supply, 43% — on unprocessed plant products, and 22% — on unprocessed livestock products (OCB, 2025).

The 2023 Report of the World Cooperative Monitor (COOP, 2023) named nine Brazilian agricultural cooperatives among the 300 largest cooperatives worldwide, presenting all economic sectors: three Brazilian cooperatives — Copersucar, Coamo, and Aurora — stand out for being in the top ten global cooperatives in agribusiness based on the criterion of gross revenue per employee. Such rankings highlight the importance of cooperativism in Brazilian agribusiness structure, and the country's largest cooperatives unite thousands of farmers and generate billions in annual revenue. A notable example is Coamo located in Southern Brazil — the largest agro-industrial cooperative in Latin America with over 30,000 members and global revenues of over R\$ 30 billion.

According to the OCB Annual Report (2025), cooperatives play a significant role in exports and in positioning of Brazilian agribusiness in international markets. In partnership with the Brazilian Agency for Promoting Exports and Investments (ApexBrasil), in 2024 cooperatives supported by the program generated US\$ 8.4 billion in direct international business, which represented 2.5% of Brazil's exports, and in agribusiness cooperatives accounted for 5.2% of the sector's exports (mainly poultry meat, crushed soybeans, unroasted coffee, and pork meat). In some product categories, cooperatives accounted for the largest share of Brazilian exports, such as pork offal (43% of exports). Main international buyers were China (US\$ 2.2 billion), United States (US\$ 577 million), Netherlands (US\$ 523 million), Japan (US\$ 467 million), and Germany (US\$ 458 million) (OCB, 2025).

In solidarity cooperativism, there are cooperatives associated with UNICAFES which unites about 700 cooperative organizations across

the five macroregions of the country. Especially in the Southern region, credit cooperativism based on solidarity, just as some producer and consumer cooperatives, has grown in recent years, expanding opportunities for work, income, food production, and to improve the quality of life (UNICAFES, 2024).

While traditional cooperativism, represented by cooperatives associated with the OCB, has largely benefited from support policies since the 1970s, solidarity agricultural cooperatives, associated with the UNICAFES, developed after 1988 under socioeconomic exclusion and significant restrictions on public investment (Zanco, Zanco, Alves, 2018). Thus, solidarity cooperatives began to play a central role in production and market access for Brazilian family farming, and this social-political category was developed through the mobilization of social movements, researchers and non-governmental organizations during the 1990s.

However, since their emergence solidarity agricultural cooperatives have faced organizational challenges. According to Zanco, Corbari and Alves (2019), cooperatives associated with the UNICAFES tend to show a low level of institutional development and severe structural and operational limitations that reduce their efficiency. These limitations include weak technical and administrative management, lack of governance and training mechanisms, insufficient investments in agrarian industrialization and cooperative expansion. As a result, less than 8% of solidarity agricultural cooperatives report annual revenues over R\$50,000 and 64% do not have logistic structure for operation.

This brief historical review shows that after its introduction at the end of the 19th century cooperativism took root in Brazilian agriculture and became a fruitful alternative for social, political, and economic organization of farmers for years, centuries, and generations. Although cooperativism faced crises and transformations, collective actions proved effective for resistance and supporting Brazilian agriculture (Costa, Vizcaino, Costa, 2020; Strate, 2018). Activists, policy-makers, even commercial agents and scholars often explain the success of Brazilian agriculture by its strong cooperative base. Repeating narratives suggest that agricultural units associated with cooperatives are “more developed” compared to those not cooperated, which is supported by the argument that family units are more engaged in cooperation perceived as a way to ensure the survival and reproduction of family farming.

The analysis of the 2017 Agricultural Census (IBGE, 2017) shows that there is indeed a significant number of family farmers involved in cooperation. However, what has not been widely known is the strong presence of cooperativism in non-family agricultural units like medium-sized property owners. Moreover, the most recent Agricultural Censuses (IBGE, 2006; 2017) show that in the past decade Brazil has witnessed significant expansion of cooperativism in agriculture. The

number of establishments involved in cooperation grew by approximately 67% from 2006 to 2017. However, the spread of cooperativism in Brazil has not only followed different paths for family and non-family farming but also aggravated asymmetries between the country's five macroregions.

Given the above-mentioned expansion and asymmetries, the article aims at describing the situation with cooperativism in Brazilian agriculture, based on the data of the 2006 and 2017 Agricultural Censuses. For this, we use indicators of the social-political typologies of family and non-family farming, of gender and education characteristics of farmers, land area distribution of rural units, agricultural production purposes, sources of income, and access to technical guidance. Thus, based on the historical materials provided by the Brazilian Institute of Geography and Statistics (IBGE), we examine the development of cooperativism during the period (2006–2017) marked by the development and expansion of agricultural policies in Brazil. We believe that the results of this study would contribute to deeper analysis of the political, social, and economic context in which Brazilian agriculture operates and of how cooperativism can enhance its development.

For this purpose, the article is theoretically based on the ideas of Alexander Chayanov, the most important figure of the so-called organization-production school that created an impressive body of knowledge about rural Russia. Although his writings date back to the early 20th century, they remained largely unknown for decades. Among Brazilian scholars, Chayanov's writings have circulated widely only in recent decades, which has led to a vast body of research of his theories on the peasantry (Abramovay, 1992; 1998). Chayanov's works are frequently cited for their remarkable contributions to understanding "the morphology of the productive machine known as the peasant production unit" (Chayanov, 1986: 44).

Even less known were his writings on cooperativism, while many authors citing his works without recognizing that Chayanov was not a theorist of peasant isolation (Abramovay, 1998). In his most well-known work, Chayanov (1986) advocated cooperativism and vertical integration of peasant units, mentioning Denmark as an example of efficient agricultural collectivization. By criticizing horizontal integration, Chayanov (1986) defended cooperativism as one of the most important means of socialization of peasant labor.

For Chayanov, cooperativism represented a potentiality embedded in the very organizational dynamics of the peasantry, while vertical integration constituted a productive way to preserve existing forms of peasant social organization. These ideas are presented in *The Theory of Peasant Cooperatives*, originally published in 1919 and revised in 1927, which is considered his main work on peasant cooperativism. The book was written shortly after the 1917 Revolution to show how Russian economy could be organized on the basis of cooperative system capable of preserving private property of the peasant production

unit while vertically integrating it with agro-industries through cooperatives (Chayanov, 2017), thus forming what was later defined as agro-industrial chains.

In addition to describing the Brazilian case, the article contributes to broader debates on contemporary transformations of cooperativism under capitalism. The expansion of cooperatives in Brazilian agriculture reflects structural changes that transcend national boundaries: reconfiguration of agrarian markets, growing role of global value chains, and intensified financialization of agricultural production. In this sense, cooperativism is not only a localized organizational response but a mechanism through which agriculture seeks to integrate into markets while simultaneously preserving certain degrees of autonomy in production, labor organization, and sources of income.

The article consists of four sections: the first section describes the research methodology; the second section presents the systematized agricultural census data, providing a preliminary contextualization of the field; the third section analyzes the data in light of Chayanov's ideas (2017), assessing the potential of cooperativism for developing Brazilian agriculture; the final section presents the concluding remarks.

Methodology

This study is descriptive, empirically based on the collection, description and analysis of secondary data of agricultural censuses conducted by the Brazilian Institute of Geography and Statistics (IBGE), and its results are considered in the theoretical framework offered by the Russian agrarian economist Alexander Chayanov.

In Brazil, agricultural censuses have played an essential role in understanding the socioeconomic, environmental and productive characteristics of national agriculture, its structure and changes over time. The first national agricultural census was conducted in 1920 as part of the general census. Since then, surveys were conducted in 1940, 1950, 1960, 1970, 1975, 1980, 1985, 1995/1996, 2006, and 2017. The 2006 Agricultural Census was innovative in terms of expanding the questionnaire (Lourenço, Schneider, Gazolla, 2017), including "producer association with cooperatives and/or class organizations": Brazilian farmers reported their belonging to a) cooperative; b) class organization/syndicate; c) producer association/movement; d) residents' association. The same question was used in the 2017 Agricultural Census.

According to the IBGE (2019: 01), "cooperative is an organization formed by members of a specific economic or social group for a particular activity; cooperation is based on the participation of its members for achieving the common good". To assess cooperativism in Brazilian agriculture, the data of the 2006 and 2017 Agricultural Censuses related to the variable "producer association with cooperatives" were

quantified. It is important to note that the reference date for the 2006 Agricultural Census was December 31, 2006, while the reference date for the 2017 Agricultural Census — September 30, 2017.

Another relevant innovation introduced in the 2006 Agricultural Census and used in 2017, was the possibility to segment data by sociopolitical categories of family and non-family farming, based on the definition from the Law 11.326 of July 24, 2006, also known as the Family Farming Law.

In 2017, the criteria used by the IBGE to define family farming included legal framework and regulations in force as of September 30, 2017, i.e., the Family Farming Law and Decree No. 9.064 of May 31, 2017, which established the family agricultural production unit and the National Family Farming Register. The regulation of this Decree was based on the Ordinance Sead No. 234 of April 4, 2017, and Ordinance SAF/Sead No. 001 of April 13, 2017, which address the eligibility of farmers for the National Program for Strengthening Family Farming (Pronaf). Thus, to compare the results of the 2017 and 2006 Agricultural Censuses (the 2006 data were processed before the publication of the legal framework), the IBGE revised and introduced a new classification of family farms in 2006, according to the regulatory frameworks in force in 2017.

The available data of the 2006 and 2017 Agricultural Censuses allowed to collect the following information: gender of producers-heads of agricultural establishments; their educational level; land area of agricultural establishments; income from agricultural activities of the establishment in relation to other sources of the producer income; main purpose of agricultural production; and technical assistance received. This information was systematized to compare family and non-family agricultural establishments and also those associated and not associated with cooperatives. All secondary data of agricultural censuses are available at the IBGE's SIDRA Database.

Analysis and systematization consisted of three stages: first, data matrices in SIDRA were mapped, focusing on the category “producer association with cooperatives and/or class organizations”, especially segmented by the variable “association with cooperatives”; second, the data were systematized and tabulated using the Microsoft Excel software; third, a descriptive analysis of cooperativism in Brazilian agriculture was conducted, referring to the chosen theoretical framework.

Agricultural cooperativism in Brazil

The 2017 Brazilian Agricultural Census (IBGE, 2017) identified 5,073,324 agricultural establishments in the country, 579,438 (11.42%) were associated with cooperatives. Compared to 2006, there is a significant increase in the number of agricultural units associated with cooperatives (Figure 1).

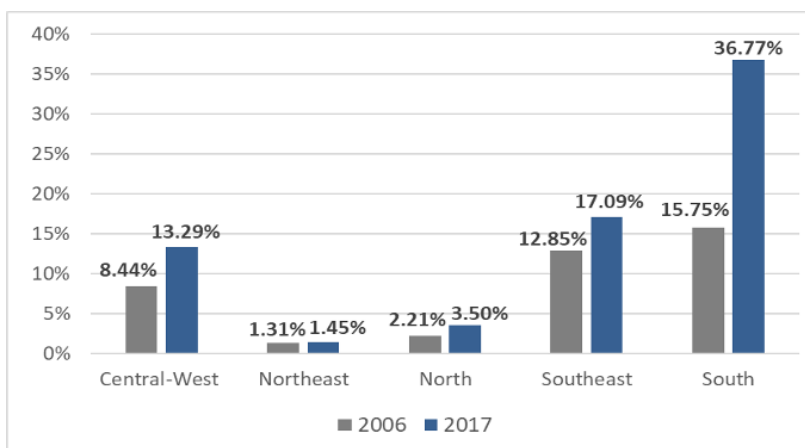

Fig. 1. Share of agricultural establishments associated with cooperatives by microregion (IBGE, 2006; 2017)

Despite the growing number of agricultural establishments associated with cooperatives in all macroregions, both the growth rate and the share of cooperative units show sharp asymmetries between Brazilian macroregions. In 2006, of the total 5,175,636 agricultural establishments 346,369 (6.69%) were associated with cooperatives, in 2017, there was a 67.29% increase in their number. In the South, the number of agricultural establishments associated with cooperatives increased from 158,428 (15.15% of the total in the macroregion) in 2006 to 313,763 (36.77%) in 2017. The 2017 census data show that although the South represents only 16.82% of all agricultural establishments in the country, it accounts for 54.15% of agricultural units associated with cooperatives. Like the South, the Southeast stood out for both growth and presence of cooperativism in agriculture. In 2006, 118,518 agricultural establishments (12.85% of the total in the macroregion) were associated with cooperatives, in 2017 — 165,630 (17.09%), demonstrating a significant consolidation of cooperatives in regional agriculture.

Unlike the South and Southeast, the Northeast macroregion showed moderate growth in cooperativism, remaining rather in its infancy. The number of agricultural establishments associated with cooperatives increased from 32,091 in 2006 (1.31% of the total in the macroregion) to 33,592 (1.45%) in 2017.

In the North, the number of agricultural establishments associated with cooperatives nearly doubled from 2006 to 2017, increasing from 10,537 (2.21% of the total in the macroregion) to 20,309 (3.5%). Despite this significant growth, the census data shows that cooperativism still plays a limited role in the agricultural strategies of this territory.

In the Central-West macroregion, widely recognized as a “world breadbasket” (Bourlegat, 2014) due to its significant production of grains (soybeans and corn), the number of agricultural establishments associated with cooperatives increased from 26,795 (8.44% of the total in the macroregion) in 2006 to 46,144 (13.29%) in 2017.

Significant differences in cooperativism between Brazil’s macroregions can be explained by land transformations and inequalities that have historically structured the country. Carlson (2022) argues that regional agrarian features have a decisive impact on long-term institutional and organizational trajectories. In his study of Brazil’s uneven development throughout the 20th century, he shows that the Southeast macroregion, especially the state of São Paulo, underwent deep agrarian transformations in the early 20th century, which were marked by small and medium-sized producers acquiring land through the market and investing in intensifying production. These transformations created strong links between agriculture and industry, expanded domestic consumer markets and provided institutional advantages for regional development. On the contrary, the Northeast macroregion retained concentrated, low-dynamic and low-productivity land structures, which limited the development of complex organizational forms like cooperatives and contributed to relative regional stagnation. Thus, the asymmetric territorial expansion of cooperativism in Brazil can be interpreted as a result of the divergent historical agrarian dynamics that determined opportunities for collective organization across the country.

Given the evident expansion of agricultural cooperativism in all macroregions of Brazil, we compared association with cooperatives by sociopolitical categories of family (Figure 2) and non-family farming (Figure 3). In 2017, the Brazilian Agricultural Census identified 5,073,324 agricultural units, of which 3,897,408 (76.82%) were classified as family farming, according to the IBGE (2017). Among these family units, 412,305 (10.58%) were associated with cooperatives. In 2006, there were 4,366,267 family agricultural units, 237,836 (5.45%) were associated with cooperatives. Thus, from 2006 to 2017, the number of family agricultural establishments associated with cooperatives increased by 73.36%. This significant growth boosted the share of cooperativism in family farming — 10.6% of family units in 2017. However, this increase was also influenced by a reduction in the total number of agricultural establishments classified as family farming by 10.73%.

As shown in Figure 2, the scale of association with cooperatives in family farming increased in all macroregions together with asymmetries between them. The South stands out for its prominent role in family farming cooperativism: in 2006, 123,264 family units (14.51% of the total in the macroregion), in 2017, this number more than doubled — 248,036 family units (37.26%). Although the South macroregion accounts for only 17.08% of Brazil’s 3,897,408

family farming establishments, there are 412,305 family units associated with cooperatives (60.16% of the total in Brazil). On the contrary, in the Northeast macroregion, the share of cooperativism in family farming was only 1.32% in 2017 (24,212 out of 1,838,846 family establishments in the macroregion). In 2006, 23,705 family farming establishments were associated with cooperatives (1.08% of this category in the macroregion). Therefore, although the Northeast represents 47.18% of family farming units in the country, it only accounts for 5.87% of Brazilian family establishments associated with cooperatives.

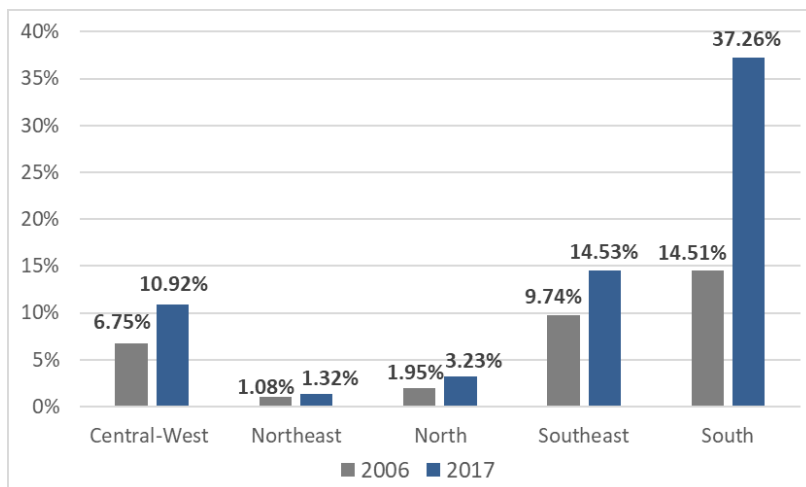

Fig. 2. Share of family agricultural units associated with cooperatives by microregion (IBGE, 2006; 2017)

In the Southeast macroregion with the second largest number of family farming units in Brazil, cooperativism grew increases in both absolute and relative terms. In 2006, 68,191 family farming establishments were associated with cooperatives (9.74% of family units in the macroregion), in 2017 — 100,129 (14.53%). The share of cooperativism in family farming also increased in the Central-West and North macroregions, although to varying degrees. In the Central-West, 14,645 family units were associated with cooperatives in 2006 (6.75% of family units in the macroregion); in 2017, this number increased to 24,386 units (10.92%). In the North, cooperativism is rather in its infancy; however, its growth from 2006 to 2017 was significant: in 2006, the macroregion had 8,031 family units associated with cooperatives (1.95% of family units in the macroregion), in 2017 — 15,542 (3.23%).

Cooperativism also showed significant growth in Brazilian non-family farming. In 2017, there were 1,175,916 agricultural establish-

ments classified as non-family farming, of which 167,133 were associated with cooperatives (14.21% of this group), while in 2006 — only 108,533 (13.41%).

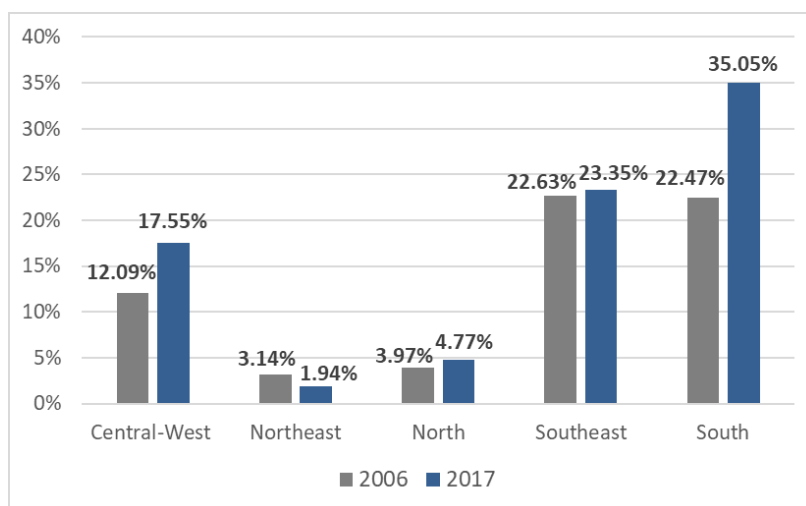

Fig. 3. Share of non-family agricultural establishments associated with cooperatives by microregion (IBGE, 2006; 2017)

Although the share of cooperativism in non-family farming increased moderately from 2006 to 2017, the number of non-family farming units associated with cooperatives increased significantly — from 108,533 to 167,133. Such moderate growth of the share is explained, among other factors, by the significant increase in the total number of non-family agricultural establishments in this period — from 809,369 in 2006 to 1,175,916 in 2017 (increase by 45.29%).

The growth of cooperativism in non-family farming is observed in all macroregions except for the Northeast in which its share decreased from 2006 to 2017. It is important to note that the number of non-family agricultural establishments associated with cooperatives in this macroregion slightly increased in this period — from 8,386 to 9,380. However, a reduction in the share of cooperativism was determined by the significant increase in the number of non-family farming units — from 266,929 in 2006, of which 8,386 (3.14% of the total in the macroregion) were associated with cooperatives, to 483,873 in 2017, of which 9,380 (1.94%) were associated with cooperatives. This increase in absolute terms combined with the stable number of cooperated establishments led to a decrease in the share of cooperativism in non-family farming.

In other macroregions, this index of cooperativism showed significant growth from 2006 to 2017. The South macroregion stands out

with the share of non-family units associated with cooperatives increased from 22.47% in 2006 to 35.05% in 2017, compared to the Central-West — from 12.09% to 17.55%. In absolute terms, the South macroregion had 156,510 non-family agricultural units in 2006, of which 35,164 were associated with cooperatives; in 2017 — 187,547 and 65,727 respectively, which shows significant strengthening of cooperativism in this territory.

In the Southeast and North macroregions, the index of cooperativism in non-family farming remained relatively stable from 2006 to 2017. In the Southeast, the index varied from 22.63% to 23.35%; however, in absolute terms the growth was more significant — the number of non-family units associated with cooperatives increasing from 50,327 to 65,501. In 2017, the stable pattern made the Southeast lose its leadership position as the region with the highest index of cooperativism in Brazilian non-family farming to the South. In the North, the share of cooperativism in non-family farming increased from 3.97% in 2006 to 4.77% in 2017 (from 2,506 to 4,767 units).

Figure 4 presents the comparative development of cooperativism in both family and non-family farming in Brazil from 2006 to 2017 (in absolute and relative terms). In family farming, there was a significant increase in the number of establishments associated with cooperatives — from 237,836 to 412,305, which is also reflected in the share of cooperatives — 5.45% in 2006 to 10.58% in 2017. Although family farming represents 76.82% of the total 5,073,324 agricultural establishments surveyed by the Agricultural Census (IBGE, 2017), it accounts for 71.16% of 579,438 units associated with cooperatives in Brazil. Non-family farming also showed significant growth — from 108,533 establishments to 167,133, with the index of association with cooperatives changing from 13.41% to 14.21%. Although non-family farming represents only 23.18% of the total agricultural units surveyed in 2017, it accounts for 28.84% of 579,438 agricultural units associated with cooperatives in Brazil. Thus, while family farming is presented by the largest number of agricultural establishments associated with cooperatives and shows greater growth from 2006 to 2017, non-family farming follows the path of stability with higher share of cooperativism.

Let us move on to the analysis of the social, productive and economic characteristics of agricultural establishments associated with cooperatives based on the most recent agricultural census data (IBGE, 2017). Figures 5 and 6 present the characteristics of heads of Brazilian agricultural establishments: most of them are male (81.02%), and among agricultural units associated with cooperatives this share is even greater (90.74%); therefore, gender imbalance is even more pronounced in agricultural units associated with cooperatives.

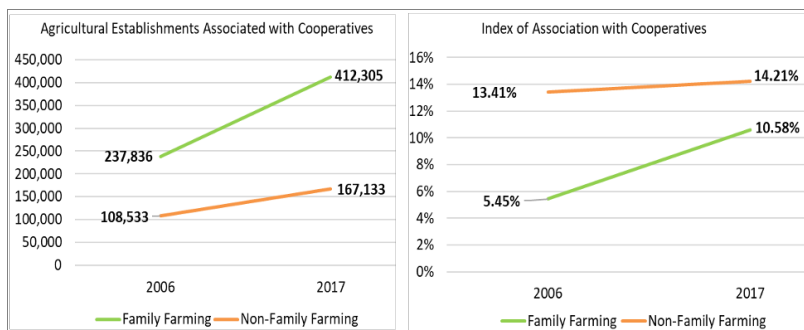

Fig. 4. Development of cooperativism from 2006 to 2017 (IBGE, 2006; 2017)

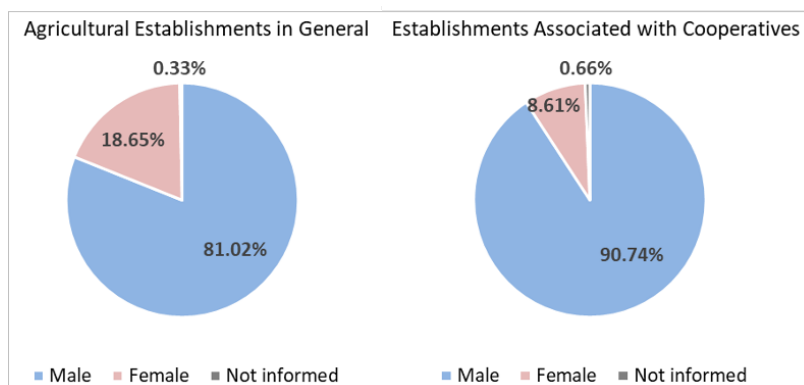

Fig. 5. Gender of heads of agricultural establishments (IBGE, 2017)

Regarding the literacy of heads of Brazilian agricultural establishments, the majority can read and write (76.71%), i.e., a significant share of 22.96% cannot. Among heads of agricultural establishments associated with cooperatives the literacy rate is considerably higher (95.81%). The higher level of literacy among cooperative members is supported by the higher educational level. In general, only 5.87% of heads of agricultural establishments have a higher education, and this share increases to 12.33% among heads of agricultural units associated with cooperatives. This suggests that cooperatives not only attract more educated farmers but may also contribute to an environment conducive to the educational development of their members.

The Table presents the distribution of Brazilian agricultural establishments by the size of land, allowing comparison of cooperated and non-cooperated units, family and non-family farming.

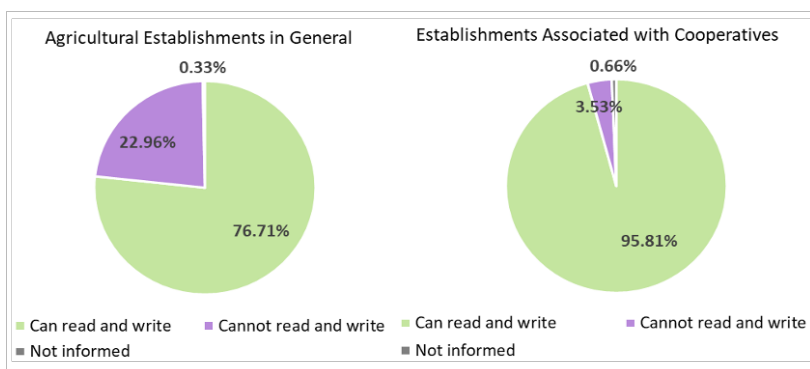

Fig. 6. Literacy of heads of agricultural establishments (IBGE, 2017)

Table 1. Distribution of agricultural establishments by area (IBGE, 2017)

Area (ha)	Non-family farming				Family farming			
	Total		Associated with cooperatives		Total		Associated with cooperatives	
	No.	%	No.	%	No.	%	No.	%
Total	1,175,916	100	167,133	100	3,897,408	100	412,305	100
No area	22,643	1.93	360	0.22	54,394	1.4	1,203	0.29
Less than 5 ha	390,280	33.19	12,763	7.64	1,502,687	38.56	54,504	13.22
5 – 10 ha	105,283	8.95	9,287	5.56	545,431	13.99	63,913	15.5
10 — 20 ha	107,449	9.14	12,360	7.4	623,213	15.99	109,884	26.65
20 — 50 ha	130,750	11.12	18,491	11.06	725,115	18.61	127,647	30.96
50 — 100 ha	93,449	7.95	23,728	14.2	300,708	7.72	44,003	10.67
100 — 200 ha	101,454	8.63	32,787	19.62	117,304	3.01	9,265	2.25
200 — 500 ha	119,132	10.13	31,969	19.13	27,951	0.72	1,810	0.44
More than 500 ha	105,476	8.97	25,388	15.19	605	0.02	76	0.02

According to the 2017 Agricultural Census (IBGE, 2017), in family farming most agricultural establishments have a total area of up to 10 hectares (53.95%), while among those associated with cooperatives — 29.01%. In contrast, 68.28% of family establishments associated with cooperatives have a total area from 10 to 100 hectares. 97.3% of family establishments in Brazil have a total area of less than 100 hectares. In non-family farming, most agricultural establishments have a total area of less than 20 hectares (53.21%), while among those associated with cooperatives — 20.8%. 53.94% of non-family agricultur-

al establishments associated with cooperatives in Brazil have an area larger than 100 hectares.

Figure 7 complements Table 1 by illustrating the presence of cooperativism by establishment size, comparing family and non-family farming.

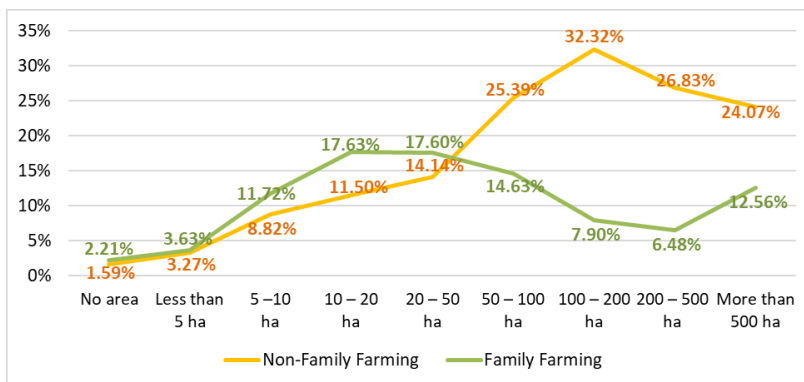

Fig. 7. Index of cooperativism by land area of establishment (IBGE, 2017)

According to Figure 7, 10.58% of family farming establishments are associated with cooperatives. However, this share is relatively lower in groups with no area and with less than 5 hectares, representing 2.21% and 3.63% of such agricultural units, respectively. In the group with land area from 5 to 10 hectares, this share is much larger — 11.72% of units engaged in cooperation. Among establishments with area from 10 to 50 hectares, cooperativism in family farming reaches its peak — more than 17%, but then this indicator begins to decline, dropping to 14.63% for units with 50–100 hectares, 7.9% — with 100–200 hectares, and 6.48% — with 200–500 hectares. Interestingly, there is a slight increase in the group with more than 500 hectares — 12.56%; however, this group consists of only 605 family agricultural establishments.

In non-family farming, the share of cooperativism is 14.21% of agricultural establishments. However, their distribution by land area differs from that in family farming. In smaller non-family units, the index of cooperation is low — 1.59% among units with no land and 3.27% — with less than 5 hectares. However, there is a significant increase with the size of land area: in the group with 5–10 hectares — 8.82%, with 10–20 hectares — 11.5%, with 50–100 hectares — 25.39%, with 100 to 200 hectares — 32.32%, respectively. In larger establishments, with more than 200 hectares, there is a slight decrease — the share of cooperativism drops to 26.83% among units with 200–500 hectares and to 24.07% — with more than 500 hectares, but these are still high levels.

Thus, cooperativism is more typical for family agricultural establishments with less than 50 hectares, while in non-family farming, the highest share of participation in cooperatives is found among establishments with more than 50 hectares. According to the 2017 Agricultural Census, cooperativism tends to expand in larger units in both family and non-family agriculture, although with clear differences depending on land size. In both categories — family and non-family — cooperativism is still in its infancy for establishments with less than 5 hectares or with no land.

It is important to emphasize that the advancement of agrarian capitalism in such macroregions as the South and Southeast was based on small and medium-sized landowners' engagement in market relations. As these producers got land and became dependent on surplus for social reproduction, they adopted strategies aimed at increasing productivity, diversifying production and promoting collective organization (Carlson, 2022). This created a relatively dynamic agrarian base with greater capacity to generate demand for inputs, services and marketing channels, which in turn contributed to the development of such institutions as cooperatives.

Figures 8–11 present the productive and economic characteristics of agricultural units associated with cooperatives, comparing family and non-family farming in Brazil. Figure 8 clarifies the main purpose of agricultural production in family farming, comparing self-consumption with commercialization.

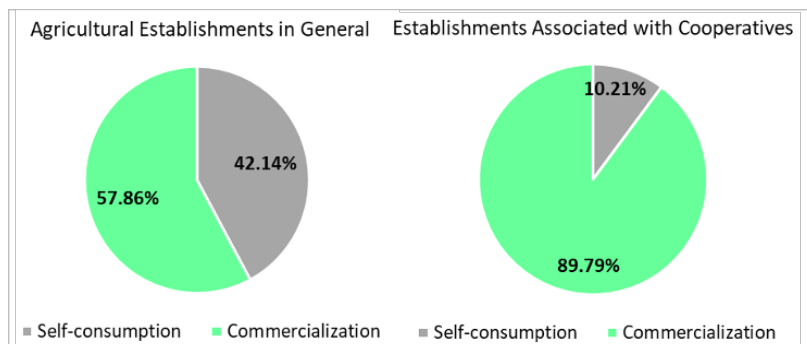

Fig. 8. Main purpose of agricultural production in family farming (IBGE, 2017)

57.86% of 3,897,408 family farming establishments produce mainly for commercialization, while 42.14% — for self-consumption, including wide family circle. Among 412,305 family units associated with cooperatives, market orientation is more significant: 89.79% prioritize commercialization of their production, while only 10.21% aim primarily at self-consumption. In non-family farming, 65.35% of 1,175,916 agricultural establishments produce mainly for commercialization, while 34.65% focus on self-consumption, including wide family circle.

Among 167,133 non-family units associated with cooperatives, market orientation is even more significant: 93.7% prioritize commercialization, only 6.3% focus on self-consumption.

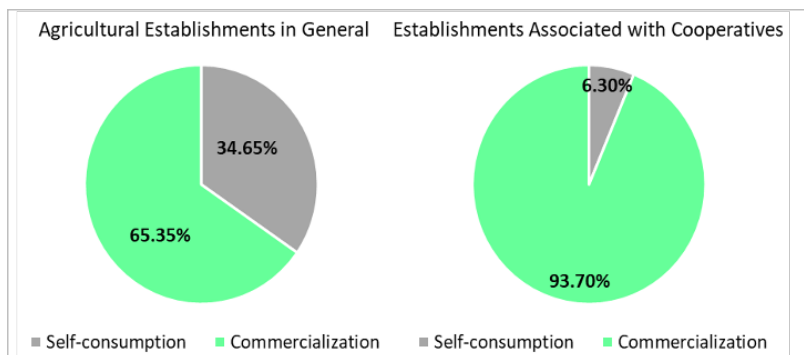

Fig. 9. Main purpose of agricultural production in non-family farming (IBGE, 2017)

Thus, in both family and non-family farming, association with cooperatives becomes an important factor of commercialization. This conclusion is supported by the share of income from agricultural production compared to other sources of income for farmers and their families (Figures 10–11). In family farming, 55.54% of agricultural units derive most of their income from non-agricultural activities, while for 44.46% agricultural production is their main source of income, surpassing other sources. On the contrary, among family units associated with cooperatives only 27.91% rely on external sources of income, i.e., 72.09% of family farming establishments associated with cooperatives rely on agricultural production as their primary source of income.

As shown in Figure 11, in 66.15% of non-family farming establishments agricultural income is lower than income from other sources, while for 32.42% agricultural income exceeds other sources. On the other hand, among non-family units associated with cooperatives, the situation is different: income from agriculture is higher than income from other sources in 57.84% of these units, while income from agriculture is lower than income from other sources in 39.88%.

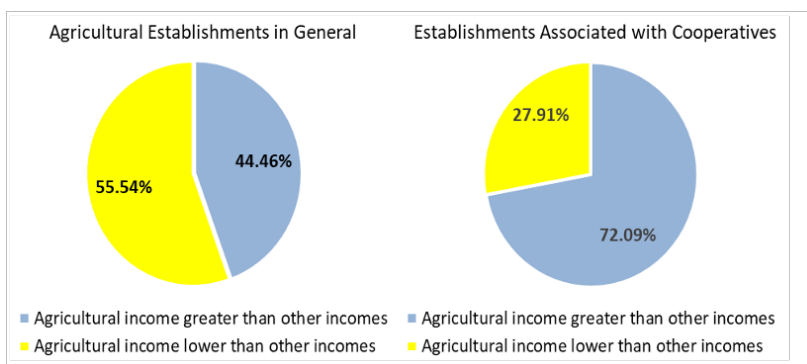

Fig. 10. Agricultural income compared to other sources of income for the producer in family farming (IBGE, 2017)

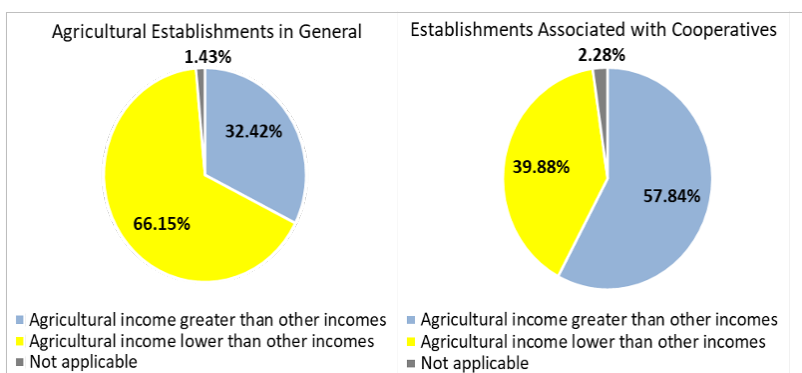

Fig. 11. Agricultural income compared to other sources of income for the producer in non-family farming (IBGE, 2017)

Thus, the data of the Agricultural Census (IBGE, 2017) proves the importance of cooperative membership for economic structure and access to markets for Brazilian agricultural establishments in both family and non-family farming. Membership in cooperatives increases the share of agricultural income in the total farmer household's income.

Beyond their impact on the share of agricultural income, cooperatives play a significant role in providing technical guidance to agricultural establishments (Figures 12–13). As shown in Figure 12, only 18.17% of family units received some form of technical guidance, while the majority, 81.83%, had no access to such support for their agricultural activities. However, among family establishments associated with cooperatives the situation is different: 61.54% receive technical support, and for 35.82% cooperatives provide it.

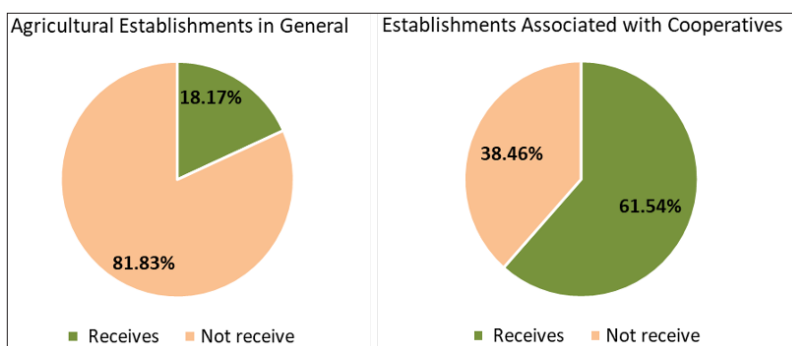

Fig. 12. Technical support for family agricultural establishments (IBGE, 2017)

As shown in Figure 13, the situation is the same in non-family farming: 26.97% of agricultural establishments received some technical support in 2017, while 73.03% did not. In the group of non-family units associated with cooperatives, 69.27% received technical guidance, and for 35.65% cooperatives provided it.

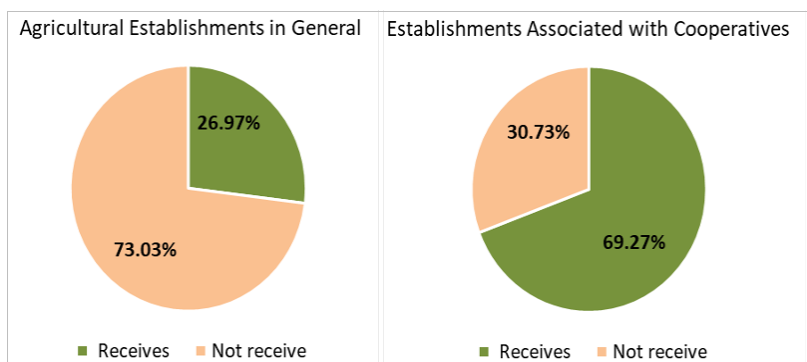

Fig. 13. Technical support for non-family agricultural establishments (IBGE, 2017)

The data on technical guidance emphasizes the role of cooperatives as key agents of technical assistance in both family and non-family farming in Brazil. The significant difference in access to technical guidance between cooperative-associated establishments and those not engaged in cooperation proves the importance of cooperatives as providers of such assistance, highlighting their central role in promoting the development and improvement of Brazilian agriculture.

Differences in the level of cooperativism between Brazilian macroregions are accompanied by significant differences between family and non-family farming. From 2006 to 2017, cooperativism in family farming showed more pronounced growth than in non-family farming; however, in the latter the rates of cooperative membership are higher (in both 2006 and 2017), which means that cooperativism is more common in non-family agricultural units than in family units.

Cooperativism in Brazil faces significant challenges, especially among smaller agricultural units. Although cooperativism is more common for larger non-family establishments (more than 50 hectares), in family farming, it is more typical for units with less than 50 hectares. However, in both categories — family and non-family — cooperativism is still in its early stages of development among small agricultural units (smaller than 5 hectares or without land). Such asymmetries of cooperativism are particularly evident among smaller units which represent more than 1.5 million family establishments and more than 400,000 non-family establishments.

Therefore, cooperativism in Brazil is not limited to survival practices of small family farmers, as often mentioned in literature. On the contrary, cooperativism seems to be an important organizational strategy for medium-sized and large agricultural units, mostly represented in non-family farming. Although studies of cooperativism among large producers remain relatively rare, such phenomena as globalization, inclusion into global agri-food chains and growing competitiveness, combined with the legacy of the 20th-century agricultural cooperativism focused on large rural units (Benetti, 1992), can explain the adoption of cooperativism by large producers as a way to overcome competition and market difficulties.

In this scenario of expansion and opportunities, including inequalities and asymmetries of cooperativism in Brazilian agriculture, Chayanov's *Theory of Peasant Cooperatives* (2017) can contribute to the revival and revitalization of cooperativism, providing an analysis of the role and place of cooperative actions in the national development strategies, especially among Brazilian small farmers.

Literature accumulates evidence in support of cooperativism as a strategy primarily used by small farmers, especially family farmers, due to their organizational and scale limitations (Silva et al., 2014; FAO, 2016; Hoken, Su, 2018). Chayanov (2017) also develops a model of peasant cooperativism, which helps small family units to reconcile the market economies of scale and the social-productive characteristics that have historically determined family farming. However, the historical and contextual background of early 20th-century Russia implies that Chayanov's writings on cooperation are not limited to peasant units or small-scale economies: his model of cooperativism creates preconditions for the social-economic organization of the

S. Schneider,
G. C. Tomazzoni
Panorama of
cooperativism
in Brazilian
agriculture
in Alexander
Chayanov's
perspective

entire rural space. Given the above-presented data, it becomes evident that Chayanov's work helps to understand the importance of strengthening the historical and structural aspects of agrarian development and the grounds for cooperative organization in agriculture. The greater presence of cooperativism among medium-sized establishments (more than 10 hectares in family farming and 50 hectares in non-family farming) in Brazil supports the idea that cooperative organization in agriculture is not simply an institutional choice made by farmers, but rather a viable and functional response to specific regional agrarian structures.

Indeed, every day many Brazilian farmers, who buy inputs, plant seeds and organize production for sale, face the dilemma of market access. Most peasants, family farmers or small producers, who grow crops for commercial purposes, face great difficulties in "bringing their product to market", i.e., do not have easy access to commercialization channels. When market relations do not ensure the autonomy and self-governance of farmers, the agricultural unit ends up being tied to markets whose dynamics are based on subordination to prices set by the buyer, including payment terms and offers. These conditions are harmful and gradually undermine the ability of farmers and their families to continue agricultural activities.

The disadvantages of family and non-family farming in Brazil can be mitigated through a cooperative approach, for which a structural foundation is necessary — with more accessible markets, expanded farmers' self-governance and land organization that ensures the development of Brazilian agriculture (Carlson, 2022). For Chayanov (2017), cooperativism can be a fruitful alternative combining the advantages of economies of scale with the needs of small producers, helping them overcome production limitations and improve agricultural commercialization, while maintaining their autonomy and self-governance inside and outside agricultural establishments. Through cooperation, farmers can connect their agricultural units to markets and benefit from economies of scale, while still preserving their autonomy and self-governance in market relations, because cooperativism supports access to better and more markets, raising the quality of market relations to the highest level be it downstream commercialization in agricultural production or upstream access to production inputs and technologies.

In this sense, the results of our study confirm the provisions of Chayanov by showing how association with cooperatives can provide family and non-family farmers with access to broader and better markets, help with agricultural production commercialization, and increase agricultural incomes of farmers and their families. On the other hand, Brazilian cooperativism has been more common for larger agricultural units, which creates fertile ground for considering public policies based on cooperation and differentiating characteristics of small agricultural units.

Chayanov argued that cooperativism allows for the combination of technical and economic activities in a way that maximizes advantages of large-scale production, which should be separated and cooperatively integrated with similar activities of neighboring units, while activities in which large-scale production does not ensure significant advantages can be preserved for the family unit. Thereby, the question is not about the unit size — too large or too small, but how to reach through cooperation such productive levels that balance advantages and disadvantages of scale, which is Chayanov's concept of optimal differentials. Therefore, Chayanov's ideas are fundamental for addressing the central challenge of rural development: introducing elements of economies of scale while preserving family farmers' autonomy. The theory of differential optima shows how cooperatives can become a highly effective solution for peasant economies by helping farmers to cooperatively organize activities if large-scale production is advantageous, while maintaining less scalable activities within the family unit. In this way, cooperatives can offer small farmers the benefits typically associated with large agricultural production, promoting efficient and collaborative integration of producers.

Based on the study of differential optima, Chayanov developed a pluralistic cooperative model, arguing that "many of the types of cooperation we have analytically identified still do not actually exist; they have not yet been discovered in practice, just as our chemists have not yet discovered many elements of the Mendeleev periodic table" (Chayanov, 2017: 88). By considering cooperative ideas and structures deeply rooted in the features of peasant agriculture and adapted to the local context, Chayanov provides enlightening answers to contemporary criticism of such phenomena as institutional isomorphism and standardized cooperative identity (Gaiger, 2013; Draperi, 2017; Bancel, 2022). Chayanov's approach reveals how cooperatives can deviate from homogeneous standards and adapt to regional specifics and the needs of family farming, promoting a cooperative model based on farmers' autonomy, self-governance and connection with local territories.

Recent movements aimed at revitalizing solidarity cooperativism in Brazilian family farming and its integration into public policies for rural development have experimented with various forms of cooperativism that echo Chayanov's positions. Among the characteristics of such new movements is the emphasis on preserving farmers' autonomy and self-governance and the penetration of cooperatives into local territories (Tomazzoni, 2022). A notable example is the Mixed Cooperative of Family Farmers of Itati, Terra de Areia and Três Forquilhas, located in the state of Rio Grande do Sul: it was founded in 2006, reflects in its name the three municipalities that define its area of operation, stands out for its efforts to move away from the traditional model of the 20th-century agro-industrial cooperativism based on large commercial organizations.

Although Chayanov's work on cooperation dates back to the early 20th century, his writings go beyond the analysis of the Russian peasant cooperativism of that period. In fact, researchers, activists, policymakers, private agents and scholars can find in Chayanov's works grounds for understanding cooperativism as both an economic organization model for production and an approach for the planned society and economy in Brazilian agriculture. For this, we need to conduct new studies on consequences of the emerging territorial cooperative movement in the national family farming; examine public policies that promote the expansion of cooperativism in small agro-pastoral units with less than 5 hectares, in which cooperativism, if represented at all, is extremely weak; develop and test differential optima in each territory together with appropriate modes of cooperation and governance; propose theoretical models of decentralized social cooperation based on sociocultural traditions and institutions of our country; integrate emerging factors of the new digital economy into national agriculture to develop more effective forms of cooperation.

Conclusion

Brazil witnessed a significant expansion of cooperativism in agriculture from 2006 to 2017, which pointed to promising prospects for the development of cooperative relations. The article presented data proving that cooperativism is a prominent feature in the social-economic organization of Brazilian agriculture. Although it faced crises and transformations throughout the 20th century, Brazilian cooperativism has demonstrated resilience, spreading and establishing itself in the national economy in the 21st century. The data of the Agricultural Censuses (IBGE, 2006; 2017) not only shows the significant growth of agricultural cooperativism but also highlights the leading role of cooperatives in the development of Brazilian agriculture.

Historically, the South macroregion is a pioneer and leader of agricultural cooperativism. In addition to the cultural explanation, attributing a tendency toward cooperativeness to the legacy of European immigrants who colonized the region, the South has been in the focus of public policies, especially in family farming where cooperation is most developed. For instance, from 2005 to 2019, the South received from 43.4% to 53.9% of all annual investments of the National Program for Strengthening Family Farming (Pronaf), while the Northeast — only from 13.7% to 23.5% (Baccarin, Oliveira, 2021). This uneven distribution of investments between Brazilian macroregions has been pointed out since the adoption of the Pronaf (Abramovay, Veiga, 1999). Such attention to public policies like the Pronaf and other programs (like the Food Purchase Program (PAA) and the National School Meals Program (PNAE)), which outlined direct incentives for cooperative organization in family farming (Grisa, Schneider, 2014),

can explain the expansion of cooperativism in Brazil over the last decade, especially in family farming of the South.

Our findings support the ideas of other authors on the role of cooperatives in providing access to markets in Brazilian agriculture (Ferreira, Braga, 2004; Johnston et al., 2020). Agricultural units associated with cooperatives are more market-oriented, with a greater focus on commercialization as the primary purpose of production. In family farming, 57.86% of units send most of their produce for sale, especially units associated with cooperatives — 89.79%; in non-family farming, these indicators are, respectively, 65.35% and 93.7%.

It is important to note that production for personal use and consumption remains a key feature of Brazilian agriculture, with advantages widely recognized for social reproduction of farmers households in rural areas. On the other hand, self-consumption as the primary purpose of agricultural production may characterize a noneconomic strategy (Gazolla, Schneider, 2005), more often determined by difficulties in accessing markets than by calling or interest in such practices. Limitations in access to commercialization channels can have significant impact on the income structure of farmers and their families: in both family and non-family farming, most agricultural units have an income structure, in which income from agricultural activities is lower than income from external sources. However, in units associated with cooperatives, income from agricultural activities generally exceeds income from external sources. While 44.46% of family agricultural units in Brazil rely on agricultural production as their main source of income, this figure rises to 72.09% for family establishments associated with cooperatives; in non-family farming, these indicators are, respectively, 32.42% and 57.84%.

It should be emphasized that pluriactivity in Brazilian family farming has been studied and recognized as an important strategy for its social reproduction (Graziano-da-Silva, 1996; Del-Grossi, 1999; Mattei, 1999; Schneider, 2003; Escher, Schneider, Scarton, Conterato, 2014). According to Schneider et al. (2021), income from external sources should not be considered as a negative element or obstacle to agricultural production. The results of our research do not diminish the significance of pluriactivity but rather indicate that cooperative membership has a significant impact on the structure of income earned from both agriculture and other sources.

Cooperative membership can facilitate access to commercialization channels and contribute to favorable market relationships for farmers, thus ensuring better access to markets. Consequently, this increases the share of agricultural income compared to other sources of income for farmers and their families. Furthermore, cooperatives provide technical assistance to farmers (Castro, 2015; Freitas, Teixeira, Braga, Schuntzemberger, 2016; Oliveira, Faria, 2019). Under the weakening public agricultural technical assistance policies and institutions in Brazil, cooperatives took on a leading role in this support,

*S. Schneider,
G. C. Tomazzoni*
Panorama of
cooperativism
in Brazilian
agriculture
in Alexander
Chayanov's
perspective

which can be a decisive factor for efficiency, and added value to agricultural production in Brazilian establishments.

Since the beginning of the 21st century, Brazil has witnessed a new wave of cooperativism closely linked to family farming. This movement represents a significant shift from the organizational frameworks that characterized traditional cooperativism in the 20th century and historically aimed at supporting large organizations strongly focused on maximizing economic returns and sensitive to the dynamics of financial capital. The so-called “new cooperativism” seeks to stand out by confirming the territorial connection of cooperatives and their orientation towards local social and productive bases and by preserving family farmers’ autonomy within their productive units. Although this form of cooperativism is still consolidating in Brazilian family farming, it corresponds to the transformations empirically observed under the expansion of cooperativism from 2006 to 2017, particularly in those regions, in which specific public policies support collective organization and access to markets.

In this context, the ideas of Chayanov on the economic logic of the peasant economy, optimal scale differentials and forms of vertical integration provide a particularly fruitful analytical framework for understanding and renewing contemporary cooperative experience. By emphasizing the specific rationality of family farming and its strategies of social reproduction, the Chayanovian approach contributes to the development of cooperative models that do not uncritically subordinate family farming to market dynamics but rather enhance its capacity for economic integration while preserving its forms of self-governance, collective control, and productive autonomy.

Thus, empirical evidence on the role of cooperatives in market access, income structure and technical assistance from the Brazilian Agricultural Censuses (IBGE, 2006; 2017) and the theoretical framework proposed by Chayanov (2017) contribute to the study of cooperativism by extending the debate beyond the analytical limits of traditional cooperativism and by promoting new organizational forms capable of ensuring the socially-oriented and economically sustainable development of Brazilian family farming. The body of contemporary studies confirms and strengthens the relevance of Chayanov’s works for understanding the role and importance of cooperativism in rural development. Although such studies often apply a fragmented approach, they are important for proving Chayanov’s positions of the early 20th century. In *The Theory of Peasant Cooperatives*, Chayanov (2017) offers a broad and integrated analytical framework for understanding cooperativism beyond organizational models of the agricultural production unit, thus explaining the potential of cooperation in a planned society and economy.

Although our study highlights the importance of cooperativism for agricultural development in Brazil, the expansion of the cooperative movement over the past decade has not followed a uniform pat-

tern, showing significant asymmetries in the scale and growth of cooperation. Cooperativism is highly concentrated in one macroregion which alone accounts for more than half of agricultural establishments associated with cooperatives in the country. In general, 11.42% of agricultural establishments in Brazil are associated with cooperatives, but this indicator ranges from only 1.45% in the Northeast to 36.77% in the South.

Future studies of cooperativism in Brazilian agriculture should address more explicitly the historical, institutional and economic differences that have shaped the country's agrarian development. Chayanov's ideas remain relevant for the analysis of the 21st-century agriculture, because they provide theoretical grounds for identifying those institutional arrangements, technological trajectories and market structures that have transformed conditions for cooperative activities in Brazil. The systematic analysis of these transformations allows to critically apply the Chayanovian approach to the contemporary Brazilian agriculture, thereby expanding its explanatory power in light of the current dynamics of national cooperativism. Thus, future research can aim at more explicit analysis of the role of the state in shaping the development of cooperativism in Brazilian agriculture: how public policies, regulatory frameworks, credit systems and development programs affect cooperativism, its market integration and its ability to stimulate production. Longitudinal and comparative studies of different organizational forms based on cooperation can provide important insights into the development of cooperativism in Brazilian macroregions, beyond classical approaches focused on traditional cooperativism.

Since there are still significant gaps in understanding how financialization and integration into global value chains restructure the strategies, management and organizational dynamics of cooperatives, including their specific impact on family farming, the study of the extent to which agricultural cooperatives function as mechanisms of resistance to global market volatility or, conversely, as instruments that reinforce market subordination is essential for a more nuanced understanding of cooperativism in contemporary capitalism. Empirical studies that combine quantitative and qualitative approaches to explore governance practices and collective strategies of family farming organization are particularly relevant for assessing whether cooperatives preserve farmers' autonomy or foster new forms of dependency within global agri-food chains.

References

- Abramovay R. (1992) *Paradigmas do capitalismo agrário em questão*, São Paulo: Hucitec.
- Abramovay R. (1998) O admirável mundo novo de Alexander Chayanov. *Estudos Avançados*, vol. 12, no 32, pp. 69–74.
- Abramovay R., Veiga J. E. (1999) *Novas instituições para o desenvolvimento rural: O caso do Programa Nacional de Fortalecimento da Agricultura Familiar (Pronaf)*, Brasília: FIPE/IPEA.

- Baccarin J. G., Oliveira J. A. de. (2021) Uma avaliação da distribuição do PRONAF entre as regiões geográficas do Brasil. *Revista Grifos*, vol. 30, no 51, pp. 131–151.
- Bancel J. (2022) L'enjeu de l'identité coopérative à l'heure où la mondialisation est bousculée. *Recma*, vol. 364, pp. 16–26.
- Brasil (2006) *Lei nº 11.326, de 24 de julho de 2006*. Estabelece as diretrizes para a formulação da Política Nacional da Agricultura Familiar e Empreendimentos Familiares Rurais, Brasília: Diário Oficial da União.
- Bourlegat C. A. (2014) Natureza e perspectivas de desenvolvimento da Região Centro-Oeste e o papel das políticas para arranjos produtivos locais. I. M. Cavalcanti, H. M. M. Lastres et al. (Eds.). *Um olhar territorial para o desenvolvimento: Centro-Oeste*, Brasília: BNDES, pp. 266–295.
- Carlson C. (2022) The agrarian roots of divergent development: A case study of twentieth-century Brazil. *American Sociological Review*, vol. 87, no 4, pp. 698–722.
- Castro C. N. (2015) Desafios da agricultura familiar: O caso da assistência técnica e extensão rural. *Boletim Regional, Urbano e Ambiental*, vol. 12, pp. 49–59.
- Chayanov A. V. (1986) *The Theory of Peasant Economy*, Madison: University of Wisconsin Press.
- Chayanov A. V. (2017) *A teoria das cooperativas camponesas*, Porto Alegre: Editora da UFRGS.
- Costa R. A., Vizcaino A. C., Costa E. M. (2020) Participação em cooperativas e eficiência técnica entre agricultores familiares no Brasil. J. E. R. Vieira Filho, J. G. Gasques (Eds.). *Uma jornada pelos contrastes do Brasil: Cem anos do Censo Agropecuário*, Brasília: IPEA, pp. 243–258.
- Crúzio H. de O. (1999) Por que as cooperativas agropecuárias e agroindustriais brasileiras estão falindo? *Revista de Administração de Empresas*, vol. 39, no 2, pp. 18–26.
- Del-Grossi M. E. (1999) *Evolução das ocupações rurais não-agrícolas no meio rural brasileiro (1981–1995)*, Campinas: Universidade Estadual de Campinas.
- Del-Grossi M. E. (2019) *Algoritmo para delimitação da agricultura familiar no Censo Agropecuário 2017*, Brasília: FAO/SAF-MAPA/Finatéc.
- Delgado G. da C. (1985) *Capital financeiro e agricultura no Brasil*, Campinas: Editora da Unicamp.
- Draperi J.-F. (2017) De la coopérative à la coopération... et réciproquement. *Recma*, vol. 343, no 1, pp. 4–6.
- Escher F., Schneider S., Scarton L. M., Conterato M. A. (2014) Caracterização da pluriatividade e do plurirrendimentos da agricultura brasileira a partir do Censo Agropecuário 2006. *Revista de Economia e Sociologia Rural*, vol. 52, no 4, pp. 643–668.
- FAO (2016) *Cooperativas agrícolas: A chave para reduzir a fome e a pobreza*, Organização das Nações Unidas para a Alimentação e a Agricultura.
- Ferreira M. A. M., Braga M. J. (2004) Diversificação e competitividade nas cooperativas agropecuárias. *Revista de Administração Contemporânea*, vol. 8, no 4, pp. 33–55.
- Gaiger L. I. (2013) A economia solidária e a revitalização do paradigma cooperativo. *Revista Brasileira de Ciências Sociais*, vol. 28, no 82, pp. 211–228.
- Gazolla M., Schneider S. (2005) Produção para autoconsumo e segurança alimentar: Uma abordagem com base na agricultura familiar. *Anais do 12º Congresso Brasileiro de Sociologia*, Belo Horizonte: SBS.
- Graziano-da-Silva J. (1996) *A nova dinâmica da agricultura brasileira*, Campinas: Editora da Unicamp.
- Grisa C., Schneider S. (2014) Três gerações de políticas públicas para a agricultura familiar e formas de interação entre sociedade e Estado no Brasil. *Revista de Economia e Sociologia Rural*, vol. 52, supplement 1, pp. 125–146.
- Hoken H., Su Q. (2018) Measuring the effect of agricultural cooperatives on household income: A case study of a rice-producing cooperative in China. *Agribusiness*, vol. 34, no 4, pp. 831–846.

- IBGE (2006) *Censo Agropecuário 2006: Agricultura familiar* — MDA/PRONAF, Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística.
- IBGE (2017) *Censo Agropecuário 2017*, Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística.
- IBGE (2019) *Cooperativas: Resultados definitivos do Censo Agropecuário 2017*, Rio de Janeiro: IBGE.
- Johnston F. L., Santana A. S. de, Santos G. R. dos. (2020) Produção agropecuária e cooperativismo na Região Sul do Brasil. *Boletim Regional, Urbano e Ambiental*, vol. 23, pp. 135–148.
- Lourenço A. V., Schneider S., Gazolla M. (2017) A agricultura orgânica no Brasil: Um perfil a partir do Censo Agropecuário 2006. *Revista Extensão Rural*, vol. 24, no 1, pp. 42–61.
- Mattei L. (1999) *Pluriatividade e desenvolvimento rural no estado de Santa Catarina*, Campinas: Universidade Estadual de Campinas.
- OCB (2025) *Anuário do cooperativismo 2020*, Organização das Cooperativas Brasileiras.
- Oliveira G. R., Farias A. S. (2019) Efeitos da Ater na produtividade agropecuária goiana. *Revista de Política Agrícola*, no 4, pp. 7–20.
- Santos J. V.T. (1978) *Os colonos do vinho: Estudo sobre a subordinação do trabalho camponês ao capital*, São Paulo: Hucitec.
- Schneider S. (2003) *A pluriatividade na agricultura familiar*, Porto Alegre: Editora da UFRGS.
- Schneider S., Cazella A. A., Mattei L. F. (2021) Post scriptum ao artigo “Histórico, caracterização e dinâmica recente do Pronaf”. *Revista Grifos*, vol. 30, no 51, pp. 42–67.
- Silva G. G., Cheung T. L., Vilpoux O. F., Sanches F. T. (2014) Capital social e cooperação na agricultura familiar. *Organizações Rurais & Agroindustriais*, vol. 16, no 2, pp. 153–166.
- Strate M. F. (2018) Cooperativismo como alternativa de fortalecimento da agricultura familiar: A obra de Chayanov. *Revista do Programa de Pós-Graduação em Extensão Rural (UFV)*, vol. 7, no 1.
- Tomazzoni G. C. (2022) *[Re]pensando a cooperação: O engendramento processual do cooperar e do organizar nas redes agroalimentares alternativas*, Porto Alegre: Universidade Federal do Rio Grande do Sul.
- UNICAFES. (2024) *Informativo UNICAFES*, União Nacional das Cooperativas da Agricultura Familiar e Economia Solidária.
- Vasconcelos J. R. de, Castro D. (1999) *Paraná: Economia, finanças públicas e investimentos nos anos 90* (Texto para Discussão No. 624), Brasília: IPEA.
- Zanco A. M., Zanco R. A.G., Alves A. F. (2018) Perfil das cooperativas agropecuárias do sistema Unicafe. *Revista IDEAS*, vol. 12, e018004.
- Zanco A. M., Corbari F., Alves A. F. (2019) Conexão entre agricultura familiar e cooperativismo. *Revista Orbis Latina*, vol. 9, no 1, pp. 1–15.

*S. Schneider,
G. C. Tomazzoni*
Panorama of
cooperativism
in Brazilian
agriculture
in Alexander
Chayanov's
perspective

Панорама развития кооперативизма в бразильском сельском хозяйстве с позиций теории Александра Чаянова

Сержио Шнайдер, доктор социологических наук, профессор социологии сельского развития и продовольственных исследований, Федеральный университет Рио-Гранде-ду-Сул. Фаррупилья, Порто-Алегри, Рио-Гранде-ду-Сул, 90010-150, Бразилия
E-mail: schneide@ufrgs.br

Жан Карлос Томацони, доктор наук в области менеджмента, доцент, Федеральный технологический университет Парана. Ул. Сете-де-Сетембро, 3165, Ребусас, 80230-901, Куритиба, Бразилия. E-mail: tomazzoni@utfpr.edu.br

Аннотация. В последнее десятилетие в Бразилии наблюдается значительное расширение кооперативизма в сельском хозяйстве. Однако бразильское кооперативное движение не следует единой модели, что породило множественные

асимметрии и неравенство в аграрном секторе. Цель статьи — описать особенности кооперативизма в бразильском сельском хозяйстве, для чего авторы анализируют данные двух сельскохозяйственных переписей (IBGE, 2006; 2017), используя специальные индикаторы для различения социально-политических категорий семейного и несемейного сельского хозяйства. Кроме того, в статье представлены переменные, связанные с гендерными и образовательными характеристиками фермеров, распределением сельских хозяйственных единиц по площади, целями сельскохозяйственного производства, источниками дохода и доступом к технологиям. Согласно приведенным данным, в Бразилии значительное число фермеров являются членами кооперативов, однако кооперативизм сосредоточен в одном из пяти макрорегионов страны и характерен скорее для несемейного, чем для семейного сельского хозяйства. Более того, наблюдаются различия кооперативов в зависимости от размера хозяйств, и хозяйственные единицы, связанные с кооперативами, в большей степени ориентированы на сбыт своей продукции, чем некооперированные фермеры, и это отражается на доле сельскохозяйственного дохода в структуре доходов фермеров и их семей. Опираясь на результаты своего исследования, авторы пересматривают идеи Александра Чаянова (2017) для оценки потенциала кооперативизма в бразильском сельском хозяйстве при условии его развития в более планомерно организованном обществе и экономике.

Ключевые слова: кооперативизм, сельское хозяйство, Бразилия, Александр Чаянов

Почвенный фактор и историко-географическое развитие сельских поселений Центрального Черноземья в XVII — начале XVIII века¹

Д. А. Ляпин

Денис Александрович Ляпин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. 399770, Елец, ул. Коммунаров, д. 28. E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

EDN: FIHGNB

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей ландшафтно-географического расположения сельских поселений черноземных уездов и их историческому развитию в XVII–XVIII веках. Основное внимание уделено почвенному фактору, во многом определявшему систему размещения сел и деревень в ходе формирования антропогенного ландшафта. В центре внимания находятся Белгородский, Воронежский, Елецкий, Козловский и Шацкий уезды, которые активно осваивались русским населением в указанное время. Методика исследования исходит из сравнения данных, полученных в ходе изучения сельских поселений на основе комплекса письменных источников, с местами залегания различного вида почв. Картографирование сведений позволило лучше понять особенности расположения сельских поселений на местности в границах изученных уездов. В итоге было определено, что села и деревни в большинстве своем тяготели к местам залегания черноземов и концентрировались возле больших и малых рек. Кроме почвенного, важное место занимали военный и водный факторы, также значимые для развития антропогенного ландшафта. В некоторых регионах влияние войны с татарами длительное время являлось доминирующим, а состав почвы — вторичным по отношению к нему. В статье также показано, что расположение поселений, тесно связанное с черноземными землями, влияло на образование новых уездов в XVII веке. Каждый из них опирался на собственную экономическую базу — плодородную почву, что в совокупности позволяло содержать большое войско и строить масштабные военно-оборонительные укрепления. Таким образом, делается вывод о большом влиянии на историю освоения Черноземья почвенного фактора, не только определявшего развитие местного антропогенного ландшафта, но и позволившего обеспечить продовольствием русскую армию.

Ключевые слова: ландшафт, крестьянство, историко-географические особенности, хозяйственное освоение, переписные книги, Белгородский уезд, Воронежский уезд, Козловский уезд, Шацкий уезд

-
1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-68-00011, <https://rscf.ru/project/24-68-00011/>) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина». Автор выражает благодарность за консультации доктору биологических наук, профессору, заведующему лабораторией экологического почвоведения МГУ им. М. В. Ломоносова Н. О. Ковалевой.

ИСТОРИЯ

Почвенный фактор, наряду с климатическими условиями, является одним из наиболее значимых для развития аграрного общества любой эпохи. Однако количество исследований, посвященных конкретным процессам взаимосвязи почвы и социально-исторических процессов, несмотря на признание почвенного покрова важным источником информации о прошлом (Горбачев, Бабинцев, 2011; Память почв, 2008; Канищев, Ковалева, Ковалев, 2012), в историографии остается весьма ограниченным. Особенную актуальность изучение этой темы имеет для периода Нового времени (XVII–XIX вв.), когда в структурах аграрного общества начали происходить модернизационные процессы, ставшие определяющими для его дальнейшего развития. При этом значению климатического фактора традиционно уделяется особое внимание в связи с хорошо отразившимся в источниках воздействием так называемого «Малого ледникового периода» (Ле Руа Ладюри, 1971: 10, 14; Чернавская, 1995: 223; Борисенков, Пасецкий, 2002: 159–179). Известно, что Дж. Голдстоун, основываясь на выявленных колебаниях климата, выдвинул теорию о связи многочисленных социальных потрясений XVII века с резким похолоданием и увлажнением, наблюдавшимися в этот период (Goldstone, 1991; Parker, 2013). Теорию о влиянии климата на политические события применительно к истории России предложил использовать Ч. Даннинг, поддержавший идеи Дж. Голдстоуна (Dunning, 1997).

Настоящая статья представляет предварительные результаты исследования того, как свойства почвы влияли на социально-исторические процессы в черноземных уездах России в XVII — начале XVIII века. Особое внимание уделено тому, как эти процессы способствовали формированию системы сельских поселений, ставшей важнейшей частью формирующегося антропогенного ландшафта.

В центре нашего внимания находятся активно осваиваемые русским населением в указанное время Белгородский, Воронежский, Елецкий, Козловский и Шацкий уезды (см.: Приложения, карта 7). Присоединение этих плодородных земель, несмотря на серьезные препятствия в виде противостояния Москвы с Крымским ханством и Османской империей, оказалось стратегически важным. Российское государство получило доступ к ценным земельным ресурсам, способным обеспечить высокий урожай и дальнейшее развитие (Belkin Stevens, 1995; Папков, Петрухинцев, Хитров, 2020). В 1658 году на этой экономической базе появилась новая эффективная армия (Белгородский разряд), способная не только оборонять границы, но и участвовать в долгих военных конфликтах. Строительство первого парусного морского флота в 1696 году в Воронеже могло произойти только в условиях стабильного снабжения местными ресурсами; именно черноземные уезды обеспечили продовольствием

Источники и методика работы

Развитие системы сельских поселений на территории Черноземья — важнейший показатель успехов русской колонизации региона. Для изучения этого процесса был проведен анализ обширного корпуса переписных книг черноземных уездов, охватывающих периоды 1646, 1678, 1710 и 1716–1718 годов. Данные о составе почв были собраны в виде единого картографического материала (см. Приложение²). В основу работы легли данные «Национального атласа почв Российской Федерации», сопоставленные с географическими объектами и поселениями, существовавшими в период с 1716 по 1718 год. Мы исходим из того, что почвы меняются очень медленно и за прошедшие 300 лет значительных перемен в составе почвенного покрова не произошло. Под влиянием антропогенной деятельности существенно снижается плодородие почвы (содержание гумуса и элементов питания растений, мощность гумусового горизонта) и насыщенность черноземов.

Основным источником работы послужили ландратские книги — последние подворные переписи населения России, проводимые в 1716–1718 годах (их составление было поручено ландратам, помощникам губернатора на местах). К этому времени уже был накоплен большой опыт описательной работы: с 1678 года стали отдельно фиксировать наличие детей и указывать их возраст, а с 1710 года отмечалось все население двора. Всероссийские подворные переписи начались в 1646 году и постепенно сложились в единую систему, так как основывались на сопоставлении данных. Каждая из них была, по сути, более сложным и подробным продолжением предыдущей. Информация собиралась с населения в виде «сказок», подсчетов и опросов, а затем составлялись в тетради. Переписные книги, появившиеся в результате работы ландратов, стали самыми большими в своей истории, поскольку были максимально подробны и зачастую опирались на сведения сразу двух предыдущих описаний (1678 и 1710 годов).

Недостаток ландратских книг связан с тем, что они слишком объемны. Полноценная работа с этими массивными фолиантами возможна только при условии ясного понимания их формуляра (схемы построения). Очень трудоемко применять разнородные со-

2. Карты составлены кандидатом исторических наук К. С. Кунавиным — ведущим научным редактором-картографом редакции исторической картографии научно-образовательного портала «Большая российская энциклопедия».

поставления и скрупулезные подсчеты переписчиков для систематизации информации в больших масштабах.

Достоверность ландратских книг была не ниже предыдущих описаний, от сведений которых они отталкивались (Ляпин, 2021, 2025). Традиционно для переписей 1678 года она признается в пределах 70% от общего числа населения (Водарский, 1968). Однако в нашей работе вопрос о численности и составе населения не имеет принципиального значения, поскольку используемый подход связан с анализом сложившейся в уезде системы сельских поселений. Представляется маловероятным, чтобы данные о них путем целенаправленного сокрытия не попадали на страницы переписи. Используемые материалы хранятся в фонде 350 Российского государственного архива древних актов³.

Методика проведенного исследования основывалась на применении сравнительно-исторического подхода, что обеспечило возможность детального сопоставления результатов, полученных в результате обработки сведений ландратских книг. Для итоговой систематизации полученных результатов использовался метод обобщения, который способствовал выявлению закономерностей между характеристиками почвенных данных и информацией о развитии поселений на исследуемых территориях. Мы исходили из того, что интенсивность освоения напрямую отражается в количестве и составе сельских поселений. Как правило, в начале XVIII века это были села и деревни.

Почва и географическое расположение сельских поселений черноземных уездов

Соотнесение информации о расположении сельских поселений с данными о составе почв позволило выявить определенные закономерности. В первую очередь почвенный покров оказывал значительное влияние на развитие антропогенного ландшафта в процессе освоения черноземного региона. Разные типы почв обеспечивали различные условия для ведения сельского хозяйства, что, в свою очередь, влияло на выбор места для поселений. Плодородие и характеристики почвы определяли последующее экономическое и социальное развитие территории.

Рассмотрим влияние почвы на расположение сельских поселений на примере Шацкого уезда. В пределах его границ располагалась самая северная зона залегания черноземов, ограниченная с востока левым берегом р. Цны. Черноземная полоса в этой местности образует вытянутый клин, направленный с юга на север,

3. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 21 (Белгородский уезд); Д. 94. Ч. 1, 2 (Воронежский уезд); Д. 113 (Елецкий уезд); Д. 460 (Шацкий уезд); Д. 188 (Козловский уезд).

в сторону Оки. Сравнение месторасположения поселений и состава почв показывает, что основная часть сел и деревень располагалась именно на черноземной полосе, тянувшейся вдоль р. Цны. Поселения, расположенные непосредственно на берегу р. Цны, на границе залегания черноземов, безусловно, также следует считать черноземными, так как их хозяйственная деятельность могла вестись только на этих плодородных землях. В основном эта территория относилась к границам одного Подлесского (Середнего) стана (Приложения, карта 1). Показательно, что всего в Шацком уезде в начале XVIII века находилось около 90 поселений, но 39 (43%) из них были сконцентрированы именно в этом относительно небольшом регионе.

На карте Шацкого уезда показано расположение поселений на начало XVIII века (Приложения, карта 1). Почти все они существовали здесь в начале XVII века, и именно тогда был определен главный вектор освоения территории: расселение на черноземном клине вдоль левого берега р. Цны (Мизис, 2023: 232). Во второй половине столетия, когда была построена Белгородская оборонительная черта и татарские нападения на Шацкий уезд заметно уменьшились, началось активное приобретение земель в этом регионе представителями придворной элиты. Показательно, что влиятельные царедворцы стремились получить участки именно на черноземной полосе: в итоге из 38 местных сел и деревень 17 принадлежало богатым царедворцам, в основном дворянам Нарышкиным⁴. Перепись 1716 года содержит информацию, указывающую на то, что на момент описания уезда в 1678 году столичная знать уже начала скупку черноземных земель и заселение их своими крестьянами.

Другое свидетельство эффективного развития черноземной части Шацкого уезда — переселение местных крестьян в нечерноземные деревни, находящиеся западнее, в районе лесного Мещерского края⁵. Судя по данным переписчиков, в 1714 году старые поселения на черноземах были уже довольно плотно заселены крестьянами. Но несмотря на регулярные переезды целых семей, на протяжении всего XVIII века развитие именно черноземных регионов Шацкого уезда все равно превалировало над остальными территориями. Это заметно на карте, составленной Д. В. Хитровым на материалах первых ревизий (Хитров, 2019: 132). В пределах Подлесского стана об этом свидетельствует карта на основе плана уезда 1787 года (Приложения, карта 2).

Расположение поселений в Шацком уезде явно указывает на значимость почвенного фактора. Направления хозяйственного развития этих земель во многом определялись составом и плодородностью почв.

4. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 460. Л. 654–654 об.

5. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 38.

Перейдем теперь к информации по другим черноземным уездам: Воронежскому, Елецкому и Козловскому. Здесь заметна еще одна закономерность: на местах залегания оподзоленных черноземов поселения размещались по «кустовому принципу», а в остальных случаях они концентрировались по берегам больших и малых рек.

В частности, на карте Елецкого уезда (Приложения, карта 3) хорошо заметно, что на оподзоленных черноземах концентрация поселений не привязана к рекам, а сами они расположены группами, «кустами». В итоге можно выделить три больших кластера поселений такого типа (Гайтерова, 2024). Всего в этих «черноземных кластерах» было сконцентрировано 75% от числа всех елецких поселений. В Воронежском и Козловском уездах оподзоленных черноземов почти не было, и «кустовой» принцип расселения прослеживается на этих территориях слабо (Приложения, карты 4–5). Однако местные села и деревни совершенно очевидно тяготели к большим и малым рекам (Горская, Гласко, Александровский, 2016; Ляпин, Прошунина, 2025). Река была не только источником воды, но служила местом для размещения мельниц, без которых обработка зерна была невозможна.

Разумеется, в каждом уезде местоположение сел и деревень имело свою специфику. На представленной карте к югу от Воронежа большой плодородный черноземный массив по р. Хворостань не имел концентрации поселений поблизости, кроме монастырского села с одноименным названием (Приложения, карта 4). Это объясняется историей освоения данных мест. Еще в первой половине XVII века, когда жизнь здесь была слишком опасной по причине татарских вторжений, земли по р. Хворостань были отданы на откуп как «ухожаи» (участки для хозяйственной эксплуатации) воронежскому Покровскому женскому монастырю. С этого времени монастырские власти твердо отстаивали их в борьбе с помещиками и не допускали поселений близ своих владений⁶.

Объяснение выявленной закономерности соотношения оподзоленных черноземов с «кустовым» принципом расселения пока может быть только гипотетическим. Причина, возможно, кроется в особенности этого типа почвы. Как известно, оподзоленные черноземы подвержены сильному *заплыванию*, то есть они образуют на поверхности твердую корку и больше подвержены эрозии, в них присутствует оподзоленный (бесплодный) горизонт, из которого осадками вымываются элементы минерального питания, ил, органика, карбонаты. Оподзоленные черноземы требуют дополнительных агротехнических мер и особых коллективных усилий при распашке. Еще одна особенность таких черноземов — *слабая водопроницаемость*. Атмосферная влага в оподзоленных черноземах стекает в овраги как с поверхностным стоком, так и с внутрипочвенным стоком после сильных ливней. Тем самым овраги выполняли дренажную функцию: в них стекала из-

6. Государственный архив Воронежской области. Ф. И-182. Оп. 5. Д. 105.

быточная влага. Вероятно, именно поэтому на таких участках люди могли селиться подальше от рек, пользуясь существующими овражными водоемами, периодически насыщаемыми сезонными водостоками. В итоге сельские поселения группировались вокруг этих небольших источников воды в оврагах и балках. Так, по всей вероятности, и образовывался «кустовой» принцип расселения.

Однако количество сел и деревень, группирующихся вдали от рек, было небольшим и составляло около 30%. Недостатки такого места для жизни связаны с двумя обстоятельствами: овражные воды нестабильны и велика вероятность их полного усыхания в сухие сезоны, тогда как во влажные годы застой воды в понижениях приводит к развитию осолодения, что резко снижает плодородие почвы (Канищев и др., 2017: 132).

На представленных картах Елецкого и Воронежского уездов (Приложения, карты 3–4) показана также плотность населенных пунктов. Можно заметить, что отдельно стоящие елецкие поселения, как правило, многочисленны. Однако на воронежском материале такой закономерности не прослеживается. Зато мы ясно видим, что плотность населения в Елецком уезде в целом значительно выше, чем в Воронежском, что связано с его расположением, несколько отдаленным от границы со Степью. Наиболее опасный участок, находящийся к югу от Воронежа, был представлен в основном отдельно стоящими крупными селами (Борщёво, Голышево, Хворостань). Эти поселения были изначально многочисленны и, вероятно, имели надежные укрепления (местный Борщёвский монастырь даже входил в состав Белгородской оборонительной черты).

Следует отдельно остановиться на расположении сельских поселений Белгородского уезда, так как оно сильно отличается от остальных изученных территорий. Причина этого заключалась в том, что почвенный фактор играл здесь вторичную роль, а первым был военный. Отдаленность уезда, постоянная опасность со стороны татар вынуждали его оставаться военной базой, форпостом России в Степи. По экономическим показателям Белгородский уезд сильно уступал Воронежскому, Елецкому или Козловскому, развитие которых было более благополучным (Ляпин, Мельникова, 2024). Как результат, именно война обуславливала местонахождение белгородских поселений, подавляющее большинство из которых (около 90%) располагались возле лесных массивов под защитой самого Белгорода и сильно залесенного левого берега р. Северский Донец (Приложения, карта 6). Из четырех поселений на типичных черноземах (самых плодородных из всех типов) к юго-западу от города три (Крюково, Устенки, Лозовое) появились здесь только во второй половине XVII века, то есть после постройки Белгородской черты⁷. До этого времени их существование было невоз-

7. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 15829. Л. 39 об.–46 (1646); РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 15818. Л. 70–73 об., 148 об.–150, 50–52 об., 87–89 (1678).

можным по причине постоянной военной угрозы, вне зависимости от плодородности почвы.

Почвенный фактор и исторические условия развития уезда

Итак, тип почвы оказывал влияние на расположение, развитие и состав сельских поселений. В большинстве своем крестьяне и помещики стремились жить в районе черноземов любого типа, возле источников воды, но свою роль играли также исторические обстоятельства, связанные с военной угрозой. Даже на самых плодородных землях жизнь была невозможна, если они были открыты для вражеских вторжений и делали местное население легкой добычей для врагов. Таким образом, почва, водоем и война — три обстоятельства, определявшие формирование системы сельских поселений каждого черноземного уезда в XVII веке. В относительно спокойных районах почвенный фактор играл определяющую роль, а в опасных он становился вторичным. Но со временем, когда граница Российского государства отходила дальше на юг, почва становилась единственным обстоятельством, влияющим на вектор развития антропогенного ландшафта.

Для примера вновь обратимся к истории освоения земель Шацкого уезда. Выше мы уже убедились, что большинство здешних поселений тяготели к протянувшемуся в этом месте черноземному клину. Но если обратиться к системе расположения этих черноземных сел и деревень, то можно заметить очевидную неравномерность. Большинство из них концентрировалось в пойме р. Цны, вытянувшись в узкую линию вдоль ее левого берега (Приложения, карта 1). Такое расположение — результат воздействия дополнительных факторов, прежде всего военного, а также водного. Дело в том, что долгое время эти территории использовались кочевниками для набегов на исторический центр России: татары пользовались проходившим здесь свободным от лесов и рек природным «коридором». Сам Шацк был построен в 1553 году именно для того, чтобы контролировать это пространство. Но после возведения новой крепости татары стали совершать набеги на земли в ее окрестностях. Так продолжалось около ста лет, пока строительство Белгородской черты не защитило уезд от регулярных вторжений. К этому времени сельские поселения уже получили вектор своего развития: опасаясь открытого пространства, они как бы прижимались к речной пойме, но строго в пределах зоны залегания черноземов. Схожие тенденции наблюдались и в Епифанском уезде в верховье Дона (Свиридова, 2025).

Почвенный фактор также оказывал влияние на появление новых уездов в процессе усиления российского влияния в регионе. После строительства Белгородской черты Москва стремилась к медленным наступательным действиям в южном направлении. Успех

этой политики напрямую зависел от массовых переселений крестьян и служилых людей на новые, активно осваиваемые черноземные территории. Если в конце XVI века появление первых «полевых» городов-крепостей и формирование вокруг них уездов определялось военно-стратегическими соображениями, то теперь административные единицы образовывались в местах концентрации сельских поселений, которые, как мы знаем, тяготели к черноземным почвам. Более того, новые уезды были организованы так, чтобы защитить плодородные территории, наиболее перспективные для развития земледелия. Власти стремились обеспечить сельским жителям лучшие условия для хозяйственных работ, создавая тем самым экономическую базу для расположенного здесь многочисленного военного контингента.

Например, в 1635 году на юго-западных открытых степных пространствах к западу от Ельца возник Чернавский уезд. Его центр, город-крепость Чернавск, находился на самом севере, а подконтрольные ему земли тянулись далеко на юг (Приложения, карта 7). Такое расположение на первый взгляд может показаться странным. Однако новый уезд включил в свой состав плохо защищенные до этого районы концентрации плодородных черноземов. Он не только контролировал важную территорию, но и получил ресурсы для развития. Точно так же Землянский уезд, возникший к северо-западу от Воронежа в 1662 году, включил в свой состав плодородные земли правого берега Дона (Приложения, карта 7). Базой для существования и развития этого нового военного центра выступали именно сельские поселения, расположенные на местах залегания черноземов.

Заключение

Таким образом, плодородная почва во многом определяла развитие сельских поселений Черноземья, а также позволяла содержать местные военные контингенты. Каждый уезд, входивший в состав Белгородского разряда, опирался на собственные земельные ресурсы, и крестьяне были здесь таким же важным социальным элементом, как и служилые люди (Moon, 1999: 45). Построенные на степном пограничье военно-оборонительные укрепления (Белгородская черта) не могли существовать без регулярного снабжения ресурсами, а военные реформы середины XVII века, площадкой для которых стали южные уезды, проводились за счет постоянного обеспечения продовольствием (Belkin Stevens, 1995: 56–76). Следовательно, состав почв и связанная с ним экономическая организация сельского ландшафта, эффективно обеспечивавшая зерном местное войско, оказывали большое влияние на процесс освоения черноземных территорий. Историко-географическое развитие местных сельских поселений не просто свидетельствует о тяготении сельских жителей

к более плодородным землям, но и подчеркивает важность почвенного фактора на более высоком военно-политическом уровне.

Библиография

- Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. (2002). Летопись необычайных явлений природы за 2,5 тысячелетия (V в. до н.э. — XX в. н.э.). СПб.: Гидрометиздат.
- Водарский Я. Е. (1968). К вопросу о достоверности переписных книг XVII в. // История СССР. № 2. С. 133–143.
- Гайтерова К. Г. (2024). Динамика развития сельских поселений Елецкого уезда во второй половине XVII в. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. № 1 (38). С. 8–14.
- Горбачев В. Н., Бабинцев Р. М. (2011). Память почв — показатель и носитель информации об эволюции экологических условий // Ульяновский медико-биологический журнал. № 4. С. 104–108.
- Горская Е. А., Гласко М. П., Александровский А. Л. (2016). Изменения почв и рельефа поймы верховьев Дона в районе поселений XVI–XVII вв. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. С. 67–81.
- Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. (2022). Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М.: Русское слово.
- Ле Руа Ладюри Э. (1971). История климата с 1000 года / Пер. с фр. С. А. Чаплыгиной, под ред. Т. В. Покровской. Л.: Гидрометиздат.
- Канищев В. В., Ковалева Н. О., Самохина О. И., Ковалев И. В. (2017). Антропогенная эволюция ландшафтов Тамбовской области в историческое время // Вестник Тамбовского государственного университета. Т. 17 (16). С. 126–135.
- Канищев В. В., Ковалева Н. О., Ковалев И. В. (2012). Историческое почвоведение Тамбовской области: первые результаты исследований // Вестник Тамбовского государственного университета. Т. 17 (16). С. 1541–1547.
- Ляпин Д. А., Мельникова А. Р. (2024). Сельские поселения черноземных уездов европейской России в XVII — первой трети XVIII в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. № 29 (5). С. 51–60.
- Ляпин Д. А., Прошунина Е. В. (2025). Почвенно-климатические условия хозяйственного освоения Верхнего Подонья в XVII — первой четверти XVIII века // Tractus Aevogum: эволюция социокультурных и политических пространств. № 12 (1). С. 19–34.
- Ляпин Д. А. (2025). Ландратская перепись в системе подворных описаний Петровского времени на примере Воронежского уезда 1716 г. // Вестник архивиста. № 2. С. 331–348.
- Ляпин Д. А. (2021). Опыт изучения ландратских книг Петровского времени // Российская история. № 1. С. 37–45.
- Мизис Ю. А. (2023). На южных рубежах Российского государства. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов в XVII в. (1635–1696 гг.). Тамбов: Издательский дом «Державинский».
- Память почв (2008): Почва как память биосферно-геосферно-антропосферных взаимодействий / Редактор и составитель В. О. Таргульян. М.: Издательство ЛКИ.
- Папков А. И., Петрухинцев Н. Н., Хитров Д. А. (2020). Белгородская черта: история, фортификация, люди. Рыбинск: Медиаарост.
- Свиридова А. Н. (2025). Социальный состав и половозрастная характеристика населения Епифанского уезда по данным переписной книги 1710 г. // История: факты и символы. № 2 (43). С. 127–134.
- Хитров Д. А. (2019). К вопросу о границах Шацкого уезда в XVII–XVIII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (75). С. 130–132.

- Чернавская М. М. (1995). Изменчивость климата в историческом прошлом. М.: Наука.
- Belkin Stevens C. (1995). *Soldiers on the Steppe. Army Reform and Social Change in Early Modern Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Dunning Ch. (1997). Does Jack Goldstone? Model of early modern state crises apply to Russia? // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 39. № 3. P. 572–592.
- Goldstone J. A. (1991). *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.
- Moon D. (1999). *The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasants Made*. New-York: Routledge.
- Parker G. (2013). *Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century*. New Haven and London: Yale University Press.

Soil factor and historical-geographical development of rural settlements in the Central Black-Earth Region in the 17th — early 18th centuries⁸

Denis A. Lyapin, DSC (History), Leading Researcher, Bunin Yelets State University.
Kommunarov St., 28, Yelets, Lipetsk Region, 399770, Russia.
E-mail: lyapin-denis@yandex.ru.

Abstract. The article considers the location features of rural settlements in the Black-Earth Region in the 17th–18th centuries. The author focuses on the soil factor as affecting villages and hamlets in the formation of the anthropogenic landscape and on the Belgorod, Voronezh, Yeletsky, Kozlovsky and Shatsky uyezds as actively developed by the Russian population. The article is based on the data collected in the studies of rural settlements and compared on the basis of the soil type. By mapping the data, the author identifies the location features of rural settlements within the uyezds. Thus, settlements concentrated near areas with black soil were located on the banks of large and small rivers. In addition to the soil factor, military and water factors are also significant for the development of the anthropogenic landscape. In some uyezds, the military factor played a dominant role for a long time, while the soil composition was secondary. The location of settlements connected to black soil influenced the formation of new uyezds. Each uyezd relied on its own economic base — fertile black soil, which made it possible to support a large army and build military-defensive fortifications. Thus, the soil factor had a great impact on the history of the development of the Black-Earth Region, not only determining its anthropogenic landscape, but also providing food for a large army.

Key words: soils, black earth, peasantry, small landowners, rural settlements, historical-geographical features, economic development, census books, Belgorod uyezd, Voronezh uyezd, Kozlovsky uyezd, Shatsky uyezd

References

- Belkin Stevens C. (1995) *Soldiers on the Steppe. Army Reform and Social Change in Early Modern Russia*, DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Borisenkov E. P., Pasetsky V. M. (2002) *Letopis neobychnykh yavlenij prirody za 2,5 tysyacheletiya (V v. do n.e. — XX v. n.e.)* [Chronicle of Extraordinary Natural Phenomena for 2.5 Millennia (5th Century BC — 20th Century AD)], Saint Petersburg: Gidrometizdat.

8. The study was supported by the grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-68-00011, <https://rscf.ru/project/24-68-00011/>) at the Bunin Yelets State University

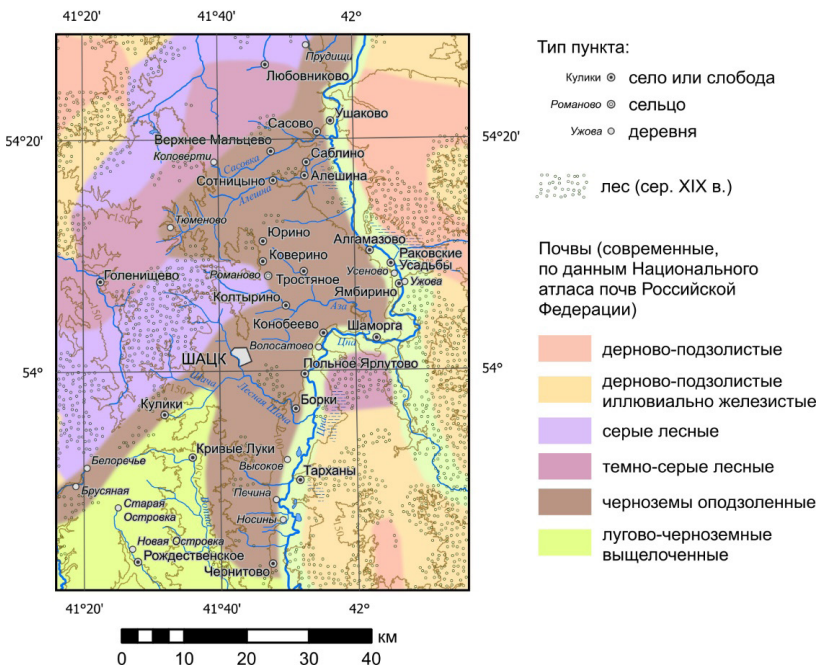
- Vodarsky Ya.E. (1968) K voprosu o dostovernosti perepisnyh knig XVII v. [On the reliability of the 17th-century census books]. *Istoriya SSSR*, no 1, pp. 133–143.
- Chernavskaya M. M. (1995) *Izmenchivost klimata v istoricheskom proshlom* [Climate Variability in the Historical Past], Moscow: Nauka.
- Dunning Ch. (1997) Does Jack Goldstone model of early modern state crises apply to Russia? *Comparative Studies in Society and History*, vol. 39, no 3, pp. 572–592.
- Gaiterova K. G. (2024) Dinamika razvitiya selskih poselenij Eletskego uyezda vo vtoroj polovine XVII v. [Dynamics of rural settlements development in the Yelets uyezd in the second half of the 17th century]. *Problemy Sotsialnyh i Gumanitarnykh Nauk*, vol. 38, no 1, pp. 8–14.
- Goldstone J. A. (1991) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*, Berkeley: University of California Press.
- Gorbachev V. N., Babintsev R. M. (2011) Pamyat pochv — pokazatel i nositel informatsii ob evolyutsii ekologicheskikh uslovij [Soil memory as an indicator and carrier of information on the evolution of environmental conditions]. *Ulyanovskiy Mediko-Biologicheskyy Zhurnal*, no 4, pp. 104–108.
- Gorskaya E. A., Glasko M. P., Aleksandrovsky A. L. (2016) Izmeneniya pochv i reliefa poimy verkhoviyev Dona v rayone poselenij XVI–XVII vv. [Changes in soils and topography of the Upper Don floodplain in the area of settlements in the 16th–17th centuries]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, no 6, pp. 67–81.
- Guskov A. G., Kochegarov K. A., Shamin S. M. (2022) *Russko-turetskaya vojna 1686–1700 godov* [The Russo-Turkish War of 1686–1700], Moscow: Russkoe slovo.
- Khitrov D. A. (2019) K voprosu o granitsah Shatskego uyezda v XVII–XVIII v. [On the boundaries of Shatsky uyezd in the 17th–18th centuries]. *Drevnyaya Rus. Voprosy Medievistiki*, vol. 75, no 1, pp. 130–132.
- Ladurie Le Rue E. (1971) *Istoriya klimata s 1000 goda* [Times of Feast, Times of Famine: A History of Climate Since the Year 1000]. Transl. from French by S. A. Chaplygina, ed. by T. V. Pokrovskaya, Leningrad: Gidrometizdat.
- Kanishchev V. V., Kovaleva N. O., Samokhina O. I., Kovalev I. V. (2017) Antropogennaya evolyutsiya landshaftov Tambovskoy oblasti v istoricheskoe vremya [Anthropogenic evolution of landscapes in the Tambov Region in historical time]. *Vestnik Tambovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, vol. 17, no 16, pp. 126–135.
- Kanishchev V. V., Kovaleva N. O., Kovalev I. V. (2012) Istoricheskoe pochvovedenie Tambovskoy oblasti: pervye rezultaty issledovaniy [Historical soil science of the Tambov Region: First research results]. *Vestnik Tambovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, vol. 17, no 16, pp. 1541–1547.
- Lyapin D. A., Melnikova A. R. (2024) Selskie poseleniya chernozemnykh uyezdov evropejskoj Rossii v XVII — pervoj treti XVIII vv. [Rural settlements in the Black-Earth uyezds of European Russia in the 17th — first third of the 18th centuries]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, vol. 29, no 5, pp. 51–60.
- Lyapin D. A., Proshunina E. V. (2025) Pochvenno-klimaticheskie usloviya khozyajstvennogo osvoeniya Verkhnego Podonya v XVII — pervoj chetverti XVIII veka [Soil-climatic conditions of economic development in the Upper Don Region in the 17th — first quarter of the 18th century]. *Tractus Aevorum: Evolyutsiya Sotsiokulturnykh i Politicheskikh Prostranstv*, vol. 12, no 1, pp. 19–34.
- Lyapin D. A. (2025) Landratskaya perepis v sisteme podvornykh opisaniy Petrovskogo vremeni na primere Voronezhskogo uyezda 1716 g. [Landrat books in the household description system under Peter the Great (on the example of the Voronezh uyezd in 1716)]. *Vestnik Arkhivista*, no 2, pp. 331–348.
- Lyapin D. A. (2021) Opyt izucheniya landratskikh knig Petrovskogo vremeni [A study of Landrat books under Peter the Great]. *Rossiyskaya Istoriya*, no 1, pp. 37–45.
- Mizis Yu. A. (2023) *Na yuzhnykh rubezhakh Rossijskogo gosudarstva. Istoriya zaseleniya i osvoeniya Tambovskogo i Kozlovskogo uyezdov v XVII v. (1635–1696 gg.)* [On the

- Southern Borders of the Russian State. History of Settlement and Development of the Tambov and Kozlovsky Uyezds in the 17th Century (1635–1696)], Tambov: Izdatelsky dom "Derzhavinsky".
- Moon D. (1999) *The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasants Made*, New York: Routledge.
- Pamyat pochvy* (2008): *Pochva kak pamyat biosferno-geosferno-antroposferynyh vzaimodeystvij* [Soil Memory: Soil as a Memory of Biosphere-Geosphere-Anthroposphere Interactions]. Ed. and comp. by V. O. Targulyan), Moscow: Izdatelstvo LKI.
- Papkov A. I., Petrukhintsev N. N., Khitrov D. A. (2020) *Belgorodskaya cherta: istoriya, fortifikatsiya, lyudi* [Belgorod Line: History, Fortification, People], Rybinsk: Mediarost.
- Parker G. (2013) *Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century*, New Haven; London: Yale University Press.
- Sviridova A. N. (2025) Sotsialny sostav i polovozrastnaya kharakteristika naseleniya Epifanskogo uyezda po dannym perepisnoj knigi 1710 g. [Social composition and age-sex characteristics of population of the Epifansky uyezd according to the Census Book of 1710]. *Istoriya: Fakty i Simvoly*, no 2, pp. 127–134.

Д. А. Ляпин
Почвенный фактор
и историко-географическое развитие
сельских поселений
Центрального Черноземья
в XVII — начале
XVIII века

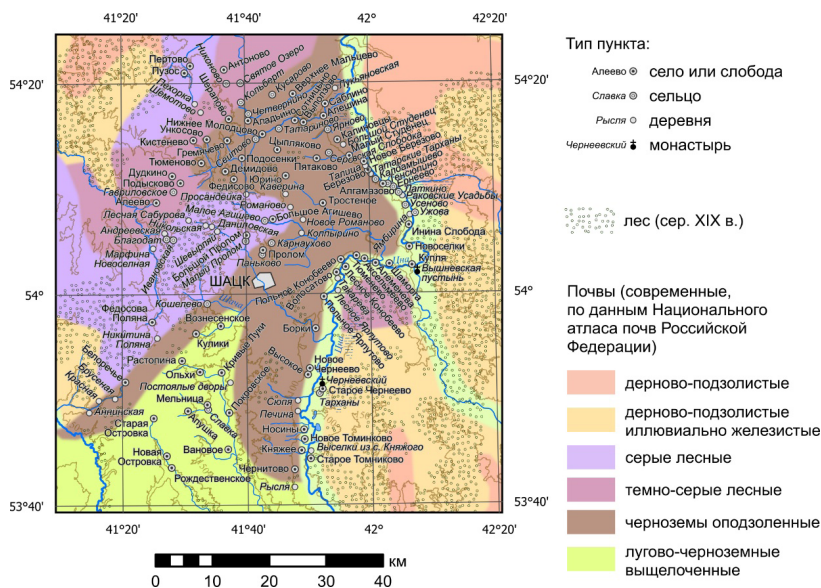
Приложения

Подлесский стан в начале XVIII в.

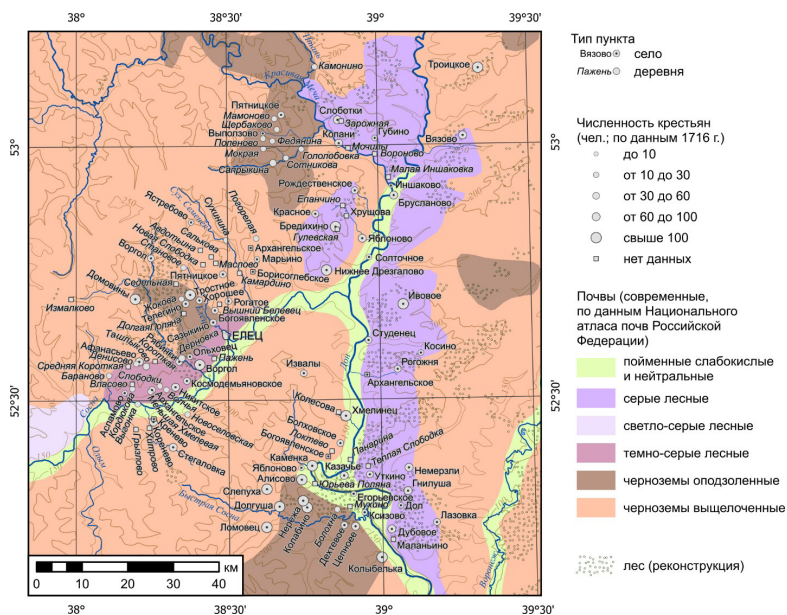
Карта 1. Почвенно-поселенческая карта Подлесского стана Шацкого уезда в начале XVIII в.

Map 1. Soil and settlement map of Podlessky Stan, Shatsky uyezd, early 18th century

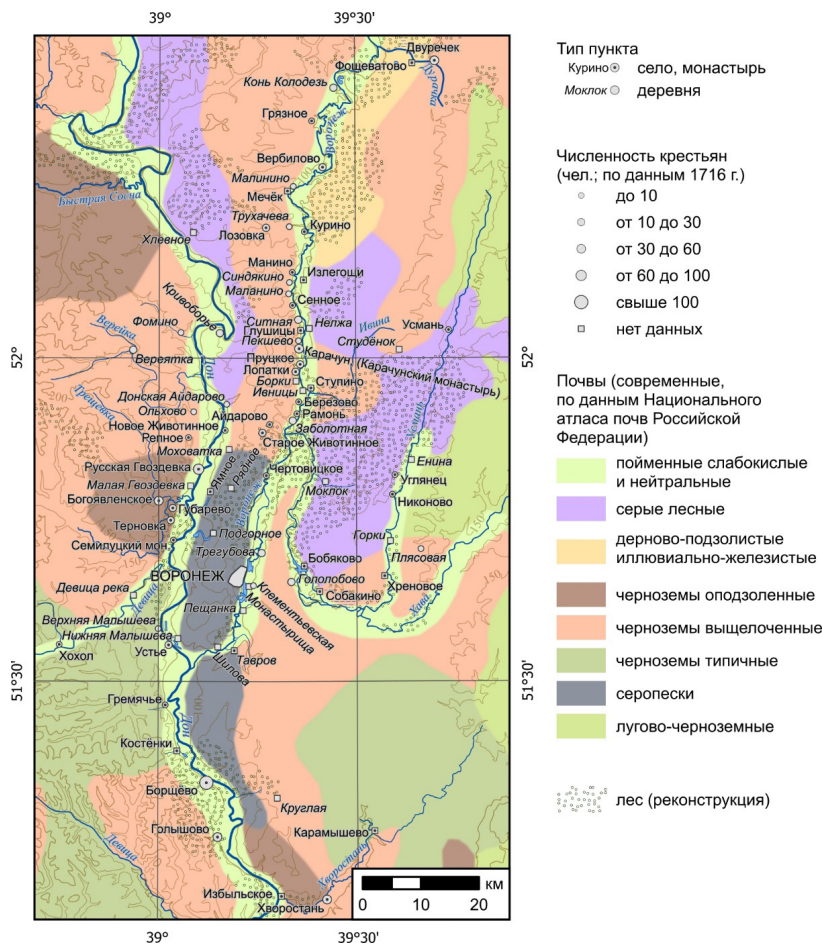
Карта 2. Почвенно-поселенческая карта Подлесского стана Шацкого уезда в 1787 г.

Map 2. Soil and settlement map of Podlessky Stan, Shatsky uyezd in 1787

Карта 3. Почвенно-поселенческая карта Елецкого уезда в начале XVIII в.

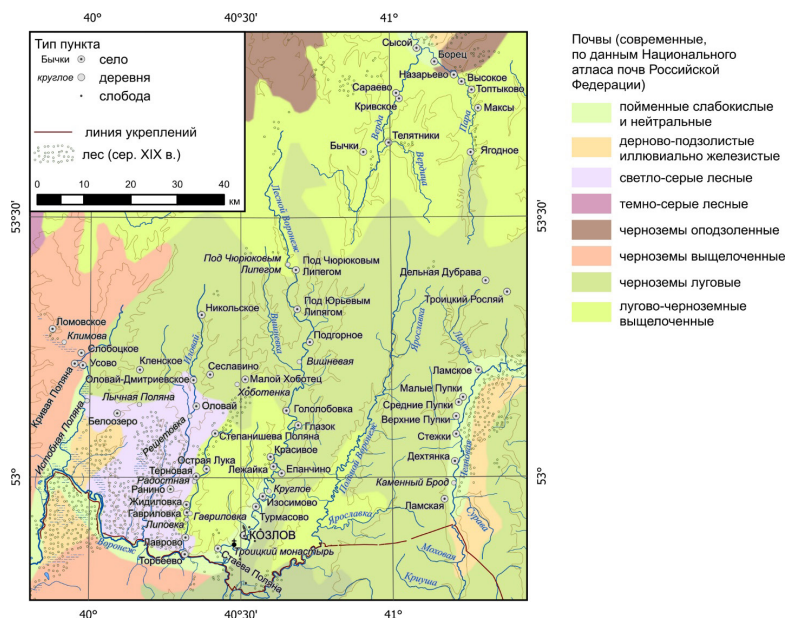
Map 3. Soil and settlement map of Yeletsy Stan, Yeletsy uyezd in the early 18th century

Карта 4. Почвенно-поселенческая карта Воронежского уезда в начале XVIII в.
 Map 4. Soil and settlement map of Voronezh uyezd, early 18th century

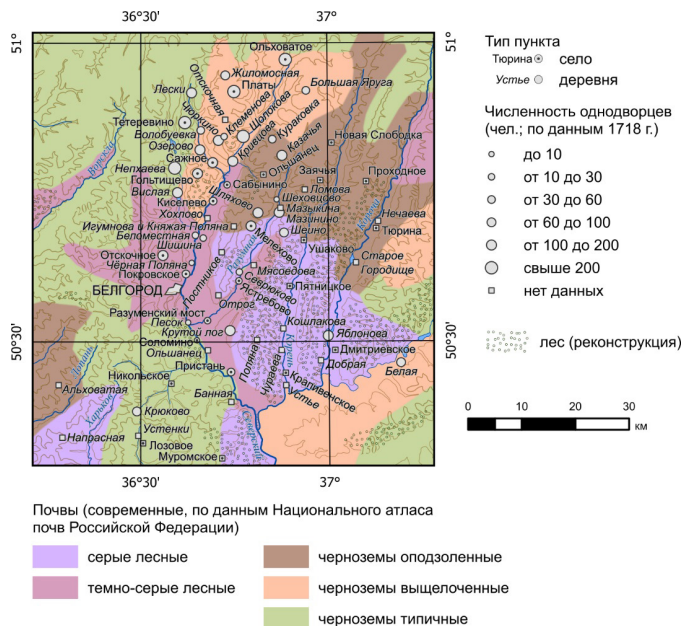
Д. А. Ляпин

Почвенный фактор
и историко-геогра-
фическое развитие
сельских поселе-
ний Центрально-
го Черноземья
в XVII — начале
XVIII века

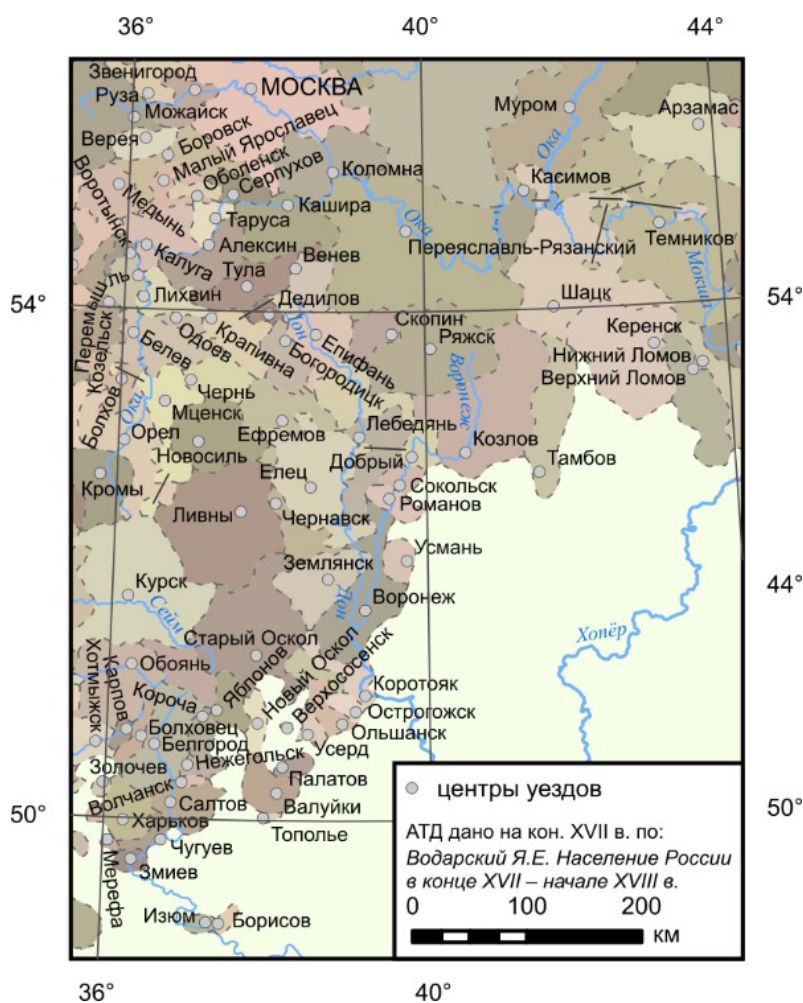
Карта 5. Почвенно-поселенческая карта Козловского уезда в начале XVIII в.

Map 5. Soil and settlement map of Kozlovsky uyezd, early 18th century

Карта 6. Почвенно-поселенческая карта Белгородского уезда в начале XVIII в.

Map 6. Soil and settlement map of Belgorod uyezd, early 18th century

Карта 7. Черноземные уезды России в начале XVIII в.

Map 7. Black Earth uyezd of Russia in the early 18th century

Д. А. Ляпин

Почвенный фактор
и историко-геогра-
фическое развитие
сельских поселе-
ний Центрально-
го Черноземья
в XVII — начале
XVIII века

Неформальная (эксполярная) экономика колхозной деревни Западной Сибири в 1939–1953 годах¹

С. В. Шарапов

Сергей Валерьевич Шарапов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН. 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.
E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

EDN: GEDQPV

Аннотация. В статье предпринята попытка применить концепцию эксполярной экономики Т. Шанина для анализа способов адаптации колхозной деревни к новому витку мобилизационной политики государства в 1939–1953 годах. Выявлены различные способы «просачивания» артельных ресурсов (включая землю, деньги, рабочую и тягловую силу, инвентарь, технику, скот и все виды сельхозпродукции) в неформальный сектор. Они неравномерно перераспределялись между многими реципиентами, в круг которых входили структуры местной власти, отдельные должностные лица, несельскохозяйственные предприятия и организации, управленческая верхушка колхозов и сами крестьяне. Неформальная экономика оказывала государству неоценимую услугу, компенсируя изъяны централизованного управления. Она заполняла лакуны товарообмена между городом и деревней, снижала остроту продовольственного кризиса и товарного голода как в городах, так и в сельской местности. Для самих колхозов ресурсы, оказывавшиеся вне контроля государства, позволяли брать на себя функции социального попечения, в котором советская власть отказывала крестьянству. Экономика колхозов была укоренена в общественной жизни крестьянства. Эксполярные связи, скреплявшие колхозный социум, облегчали задачу совместного выживания в условиях агрессивной мобилизационной политики государства.

Ключевые слова: колхозы, крестьянство, выживание, адаптация, аграрная политика, мобилизация

Понятие «эксполярная экономика» было предложено Т. Шаниным для обозначения особого типа экономических отношений, которые находятся вне рамок правовых норм и скрываются от систем государственного учета и контроля (Шанин, 1999). Их присутствие можно обнаружить в различных обществах и в различные эпохи, что придает феномену универсальный характер. С 1970-х годов в исследовательской литературе появилось множество вариантов описания «теневой» стороны экономической жизни общества. Таковую экономику называли неформальной, второй, подпольной, черной,

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00100 «Социальная адаптация сибирского крестьянства в конце 1920-х — первой половине 1960-х гг.: механизмы, формы, итоги».

серой, традиционной и т.д. Шанин обнаружил, что в основе всех вариантов описания лежит общее явление, а именно — наличие отношений, которые выстраиваются независимо от стимулов, предписаний и ограничений как государственной, так и рыночной экономики. Такой тип социально-экономических связей Шанин называет эксполярным (эксполярность понимается здесь как равноудаленность от обоих полюсов политэкономии: государства и рынка).

Эксполярной экономике присуще целевое дистанцирование от государства и законов, сделки в ней не регистрируются, обязательства сторон основываются на отношениях доверия и взаимопомощи или подкрепляются угрозой насилия. Эксполярные структуры укоренены в социальной жизни, они порождаются неформальными отношениями между людьми, семейными или межсемейными (соседскими) связями. Мотивы здесь определяются задачей выживания, а не максимизации прибыли. Было бы ошибкой, считал Шанин, задавать эксполярной экономике строгие рамки, отграничивая ее от государственного и рыночного секторов. Автор настаивал на том, что в этом явлении мы скорее должны увидеть тип операционной логики или стратегии, отличный от тех, что существуют в имеющихся политэкономических моделях. Эксполярные структуры могут находиться в симбиотической связи как с рыночной, так и государственной экономикой, подпитывая их, с одной стороны, и подпитываясь их ресурсами — с другой. «Есть “неформальность”, — пишет Шанин, — во многих “формальных” учреждениях и соглашениях» (Шанин, 1999: 19).

Задача поиска эксполярных структур в экономике колхозной деревни сталинского периода привлекает наше внимание к хронологическому отрезку 1939–1953 годов. В это время государство инициирует серию кампаний по борьбе с нарушениями устава сельхозартели, а в 1946 году создает постоянно действующий орган, Совет по делам колхозов, подчиненный той же задаче. В региональных отчетах о ходе кампаний и работе Совета обнаруживаются интересующие нас случаи, когда колхозы вели себя совершенно независимым от институциональных предписаний образом.

В этот же отрезок укладывается военное время, которое поставило колхозы и крестьянство на грань выживания. Несмотря на экстремальный мобилизационный натиск, сельхозартелям удавалось удерживать собственную экономику от распада. Количество колхозов Западной Сибири к концу 1944 года сократилось по сравнению с 1940 годом всего на 3,1%, или ровно на 500². Возможно, изучение неформальной стороны их деятельности

2. Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 134.

позволит объяснить, за счет чего экономическая жизнь все-таки теплилась в колхозах даже в самых неблагоприятных для нее условиях.

Отдельные аспекты неформальной стороны жизни колхозной деревни 1939–1953 годов уже попадали в фокус внимания историков. Наибольший интерес вызывали выпадающие за рамки законности социально-экономические формы поведения крестьянства. Они трактовались как социальный протест (Безнин, Димони, 1999; Филатов, 2024), а в иных случаях — как способ адаптации к тяжелым условиям борьбы за выживание (Рынков, 2002, 2008; Хасянов, 2018). К теме крестьянских противозаконных экономических практик обращался и автор данной статьи. В одной из работ мы использовали концепцию этики выживания Дж. Скотта для того, чтобы объяснить их распространение в 1930-е годы и во время Великой Отечественной войны (Шарапов, 2024). На наш взгляд, нарушение законов, формальных правил, уставов и распоряжений стало привычной реакцией крестьянства на невыносимые условия жизни во время усиления мобилизационного натиска. Наиболее массовое выражение она получала в хищениях колхозной продукции, причем противозаконным по форме действиям придавалось моральное оправдание. Склонность крестьянства к скрытому неповиновению осознавалось и центральной властью, которая не отказывалась от принудительных мер во время хозяйственно-политических кампаний.

Хотя концепция этики выживания и способна дать объяснение нелегальной экономической активности крестьянства, остается вопрос о том, какие эффекты последняя оказывала на советскую экономику в целом. Очевидно, что такого рода активность примыкала к широкому неформальному пласту, включавшему, например, незаконный товарообмен между городом и деревней или коррупционные отношения с местной властью. Было бы небесполезным проверить на нашем материале идею Т. Шанина о симбиотической связи формальных и неформальных слоев экономики. Именно колхоз, на наш взгляд, стоит считать местом их соприкосновения, или, скорее, диффузии. С одной стороны, он был навязанной государством формой экономического предприятия с детализированным уставом, а с другой стороны — представлял собой сложный социальный организм («колхозный социум»), живший в значительной степени по неформальным правилам. Поэтому в данной статье мы сосредоточимся не на индивидуальных или семейных нелегальных экономических практиках, а на неформальной стороне деятельности колхозов как таковых. Представляется, что использование концепции эксполлярной экономики поможет понять, в каком виде существовала связь между нелегальной деятельностью колхозов (торговой, обменной, финансовой и др.) и задачей совместного выживания, скреплявшей колхозный социум.

С. В. Шаронов
Неформальная
(эксплоатационная) экономика колхозной деревни Западной Сибири в 1939–1953 годах

В конце 1930-х годов советское государство было обеспокоено тенденциями, которые в ближайшей перспективе вели к сокращению мобилизационного потенциала деревни, а в отдаленной — несли угрозу всему проекту коллективизации. Последний предполагал максимальную концентрацию крестьянского труда в колхозах при широком внедрении машинной техники и копировании черт фабричного производства. Вопреки замыслу творцов коллективизации крестьянство не проявляло должной отзывчивости. В 1937 году 31,6% колхозников СССР фактически не участвовали в артельных работах, из них 10,4% не выработали ни одного трудодня, а 21,2% — от 1 до 50 (Сталин, 2006: 419). Личные приусадебные хозяйства (ЛПХ) становились основным местом приложения труда, принося при благоприятных условиях сравнительно высокие доходы от рыночной реализации продукции. «Половина гектара земли приусадебной дают иногда несколько тысяч дохода, — говорил секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А. А. Андреев на совещании с секретарями обкомов и крайкомов 8–9 мая 1939 года, — а в овощных районах или в садоводстве, или в виноградарстве дают более десятка тысяч дохода, т.е. доход от приусадебного участка в несколько раз превышает доход по трудодням»³. С точки зрения власти крестьяне паразитировали на ресурсах колхозов, незаконно прирезая к ЛПХ землю, пользуясь лошадьми и техникой, при этом не участвуя в артельных работах.

На майском пленуме ЦК ВКП(б) 1939 года И. В. Сталин с тревогой описывал перспективу возврата к мелким формам сельхозпроизводства: «Если так и впредь будем волочиться за событиями, а не руководить, то лет через 30–40 мы получим такую картину, что колхозы распадутся, вместо колхозов образуются хутора, новые индивидуальные хозяйства, числящиеся в составе колхозов, у которых общественного поля либо вовсе нет, либо очень мало осталось, не требуется тракторов, потому что на мелких полях тракторам нечего делать, не требуется много молотилок, комбайнов, общественного труда, ибо он сам у себя сидит королем на своем приусадебном участке и возвращается к индивидуальному крестьянскому хозяйству, хозяйству полунатуральному или вовсе натуральному» (Сталин, 2006: 417).

С 1939 года государство предпринимает меры по ограничению внеколхозной экономической активности крестьянства. Был введен обязательный минимум трудодней, повышенный сельхозналог ограничил доходность ЛПХ, на местах инициировались кампании по обмеру приусадебных хозяйств с конфискацией земельных

3. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 123. Д. 18. Л. 3.

прирезков и скота при превышении установленных уставом колхозов норм. Для крестьян одним из способов обмануть государство, взявшееся за охрану артельных земель, был фиктивный раздел дворов. Он оформлялся через сельсовет, в итоге каждому из якобы обособившихся дворохозяйств полагался свой приусадебный участок. Оказалось, что процедура никак не отрегулирована государством — сельсоветы принимали решения по собственному усмотрению. Распространенность таких случаев была отмечена в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» от 27 мая 1939 года⁴.

Один лишь этот нюанс колхозной жизни свидетельствовал о том, что государство, пытаясь задать строгие институциональные рамки колхозной экономике, взваливало на себя непосильную задачу — приглядывать за миллионами крестьян, поведение которых не отличалось предсказуемостью. Рассуждая на майском пленуме ЦК 1939 года об угрозах колхозной системе, Сталин обращался к присутствующим: «Чтобы вовремя выправить положение, неправильно ссылаться, как это делаете вы, на крестьянина. Крестьянин тут ни при чем, он делает так, как ему выгодно. Вы виноваты, ЦК и особенно вы, которые сидите на местах, видите дело и не сигнализируете» (Сталин, 2006: 418).

Уже в конце 1930-х властью осознавалась нехватка органа, который бы на постоянной основе занимался организационным укреплением колхозов, ликвидируя отклонения от институциональной нормы. Единожды проведенный обмер ЛПХ не давал гарантий, что прирезки артельной земли не возобновятся в следующем году. Сталин на упомянутом майском пленуме 1939 года говорил о намерении создать для крестьян «свой всесоюзный орган», который бы решал «некоторые вопросы колхозного строительства, при нашем участии и при нашей помощи» (Там же: 421).

Этот замысел был реализован только после войны, когда в 1946 году начал работу Совет по делам колхозов. По мере ознакомления с положением дел в организации колхозного бюджета, учета, землепользования и производства открывались многочисленные формы нарушений устава сельхозартели.

Операции с землей

И. Д. Лаптев, бывший в годы перестройки главным редактором газеты «Известия» и председателем Совета Союза Верховного Совета СССР, детство которого в деревне Сладкое Омской

4. История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2 (1937–1958 гг.). М.: Госюриздат, 1958. С. 107–110.

области пришлось на военные годы, писал в воспоминаниях: «Идиотизм нашей власти тех времен ярче всего проявлялся как раз в подходе к этому огороду. Положено было на дом 34 сотки. И больше — ни одного квадратного метра. Вокруг лежали пустоши, примыкавшие к огородам, поля колхоз уже не мог обрабатывать, но сажать там картошку для себя категорически запрещалось»⁵. Стоит согласиться с Лаптевым в том, что государственная политика охраны артельных земель от расхищения вряд ли была адекватна остроте продовольственной проблемы в условиях войны и в голодные послевоенные годы. Колхозной деревне при нехватке рабочей и тягловой силы, при сократившихся возможностях МТС не под силу было осваивать наличные земельные фонды в полном объеме, особенно в условиях сибирского многоземелья. В то же время и крестьяне вряд ли могли занять пустующие площади — война сократила количество трудоспособных в семье, ограничивая потенциал расширения ЛПХ. В таких условиях наибольший спрос на колхозную землю демонстрировали несельскохозяйственные предприятия и организации, которые были заинтересованы в дополнительном источнике сельхозпродукции.

Государство осознавало необходимость обеспечить несельскохозяйственные предприятия подсобными хозяйствами, но создало для этого крайне неэффективный механизм. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 года предоставляло право региональным исполкомам разрешать предприятиям, организациям, учреждениям и воинским частям временно производить посевы на пустующих землях колхозов⁶. Заявки на выделение земли поступали в региональные земельные отделы, но медлительность при их рассмотрении обесмысливала формальную процедуру; так, в Новосибирской области на 21 июня 1944 года лежали неразобранными дела о выделении земли 347 организациям на 28 309 га (Шарапов, 2023: 102). Польза от земли, полученной по истечении сроков посевной кампании, сводилась на нет. После войны процедура усложнилась: колхозная земля выделялась предприятиям в регионах по согласованию с Советом Министров. Медлительность государственных органов, неспособность своевременно и точно определить спрос заставляли действовать в обход формальной процедуры. Эффективнее было договориться с колхозами об аренде земли напрямую, минуя государственные инстанции. Такие сделки были взаимовыгодны:

5. *Лаптев И. Д.* Власть без славы / URL: <https://corpus.prozhito.org/note/679118> (дата доступа: 26.04.2025)

6. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) 7 апреля 1942 г. О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 3. М.: Изд-во политической литературы, 1968. С. 65.

колхозы получали в уплату деньги или промышленные товары, а горожане получали доступ к источнику продовольствия.

Прирезок к ЛПХ оказывалось значительно меньше, чем земли, сданной в аренду. В результате проверки 3146 колхозов Алтайского края в 1947 году обнаружилось 12 843 га, захваченных под личные хозяйства (причем не только членами колхозов), и 82 612 га, находившихся в распоряжении несельскохозяйственных организаций⁷. В Новосибирской области на начало 1947 года в 2559 колхозах было выявлено 5 963,12 га, используемых частными лицами, и 23 905,85 га, занятых организациями⁸. Нередко количество сданной в аренду земли превосходило даже посевную площадь артели (Шарапов, 2023: 102).

Если в годы войны колхозы предпочитали взимать оплату промтоварами (из-за высоких темпов инфляции), то после войны начинают преобладать денежные расчеты. Причем земля сдавалась не только под сельскохозяйственные работы, но и для выпаса скота. В Рубцовском районе Алтайского края правление колхоза «Вторая пятилетка» в 1948 году выручило от аренды 21 511 руб. В 1949 году этот же колхоз сдавал землю под выпас скота работникам Алтайского тракторного завода по тарифу 300 руб. с головы, заработав в общей сложности 30 000 руб. Весной 1949 года правление сдало заготовительной базе крайпотребсоюза 9 га земли под индивидуальные огороды сотрудников за 50 кг железа и 15 кг гвоздей. В Тальменском районе Алтайского края колхоз «Крепость революции» в 1949 году брал за пастьбу скота на колхозных землях по 100 руб. с головы и помимо этого владелец коровы должен был отработать в колхозе 10 дней. На 6 мая 1949 года в кассу колхоза поступило 12 806 рублей⁹.

Во многих артелях доходы от сдачи земли в аренду стали основным источником денежных средств, значительно превосходивших поступления от производственной деятельности. Так, в колхозе «Деятель» Прокопьевского района Кемеровской области денежные доходы от растениеводства и животноводства в 1950 году составили 45 тыс. руб., а от сдачи земель в аренду — 350 тыс. руб.; в колхозе «Большевик» Чебулинского района, соответственно, 189 и 320 тыс. руб.¹⁰.

Такого рода сделки совершались с молчаливого согласия местных властей. Более того, последние сами участвовали в «расхищении» колхозной земли. В Майминском районе Горно-Алтайской автономной области районные и областные советские и партийные организации в 1948 году «захватили» в колхозах 705 га сенокосов: Горно-Алтайский городской комитет ВКП(б) и городской

7. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 7006. Л. 4.

8. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 7006. Л. 34.

9. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 134.

10. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1186. Л. 140–141.

комитет ВЛКСМ — 50 га, райком — 52 га, райисполком — 30 га, райсельхозотдел — 32 га, МТС — 8 га, прокуратура — 10 га, народный суд — 6 га, райотдел МВД — 30 га, райотдел МГБ — 16 га, райфинотдел — 50 га, областное управление МГБ — 25 га, областной суд — 16 га и обком ВКП(б) — 400 га¹¹. В некоторых случаях районные организации посредничали в установлении связей между городом и деревней. В Быстро-Истокском районе организация пастбы скота неколхозного населения на артельных землях была возложена райисполкомом на райкомхоз, который установил плату от 100 до 200 руб. за голову скота. На 20 июня 1949 года в кассу райкомхоза поступило 45 465 руб.¹². Получали ли свою долю вознаграждения колхозы и в каком объеме, установить не удалось.

Распределение доходов внутри колхозов

Реальная практика распределения денежных и натуральных доходов в колхозах была далека от предписанной государством нормы — строгой зависимости от количества выработанных трудодней. Беспорядок вносила процедура выдачи продуктовых и денежных авансов. Формально она регулировалась уставом сельхозартели. Денежный аванс мог составлять не более 50% от причитающейся суммы за работу в общественном хозяйстве. Выдача натуральных авансов производилась во время работ по уборке и обмолоту. Нормы отчислений устанавливались ежегодными постановлениями ЦК партии и союзного правительства об уборке урожая и заготовках сельхозпродуктов.

Проследить соблюдение правил в каждом из тысяч колхозов было невозможно. Переавансирование оставалось весьма распространенным явлением, даже несмотря на то, что с 1944 года артельному руководству за него грозило уголовное наказание (Исаев, Карев, Устевский, 1948: 69). Симптоматично и другое: распределение авансов во многих колхозах происходило безотносительно количества выработанных трудодней.

Отчеты представителей Совета по делам колхозов в регионах показывают, насколько разнообразными принципами могло руководствоваться колхозное правление при выдаче авансов. Широкое распространение получила практика распределения натуральной продукции уравнительно, в расчете на хозяйство, едока или трудоспособного. В других случаях переавансированными оказывались лица, приближенные к правлению колхоза, связанные родственными или другими неформальными связями¹³.

11. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 139.

12. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 134.

13. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1710. Л. 66.

Внутриколхозные порядки распределения доходов были глубоко укоренены в социальных отношениях. Эта особенность, которая, безусловно, является маркером эксплоярной экономики, проистекала из общей скудости артельных фондов оплаты труда. Зачастую при утверждении годового отчета распределять на трудодни оказывалось нечего. В Томской области в 1949 году 85% всех натуральных доходов колхозники получили в виде авансов¹⁴. Уравнительность в таких условиях становилась для колхозного правления вынужденной мерой, одним из немногих способов защитить наиболее уязвимые колхозные семьи от угрозы голода.

Нарушения норм денежного авансирования были массовыми. На 1 января 1949 года в СССР общая сумма переплаты колхозникам по авансам составила 1,5 млрд руб.¹⁵. Это свидетельствует о том, насколько мало зависело распределение денежных доходов от количества выработанных трудодней. Для властей же это означало, что артели выдали колхозникам полуторамиллиардный кредит без процентов, изъяв из своего хозяйственного оборота огромную сумму средств.

Теневые денежные операции колхозов становились способом хотя бы частично компенсировать предельно низкие легальные доходы от общественного хозяйства. Ведение колхозных финансов регулировалось уставом сельхозартели. В соответствии с ним часть денежных доходов должна была уходить на пополнение неделимых фондов. Для зерновых районов предписывалось отчислять от 12 до 15% доходов, для районов, специализировавшихся на производстве технических культур или животноводстве, — от 15 до 20%. Расходовать эти деньги можно было только в соответствии с производственным планом и приходно-расходной сметой.

В обход установленного порядка колхозы формировали «черные» кассы, деньги которых расходовались, минуя банковскую систему, независимо от производственных планов и смет и без отчислений в неделимые фонды (Кометчиков, 2014). Средства шли на выдачу авансов, покупку промтоваров или приобретение облигаций госзайма для колхозников.

«Черные» кассы пополнялись в том числе за счет несоблюдения норм денежных отчислений в неделимые фонды. На 1 января 1949 года в Алтайском крае общая сумма невнесенных средств составила 41 млн руб. В 1948 году колхоз им. Кирова от продажи на рынке скота и мяса выручил 62 тыс. руб., отчислив на пополнение неделимых фондов только 1,5 тыс. руб. Колхоз «Центральная газета» в том же году продал скота на 75 тыс. руб., внося из этой суммы только 900 руб. В Змеиногорском районе 35 колхозов из вырученных

14. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1676. Л. 154.

15. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1710. Л. 65.

от продажи скота на рынке 1 640 тыс. руб. отчислений вовсе не производили¹⁶.

Столь же распространено было нецелевое расходование денежных средств неделимых фондов. Так, правление колхоза «Советский путь» Алтайского края якобы с целью покупки скота сняло со счета капиталовложений в банке 79 тыс. рублей и израсходовало на покупку разных товаров для членов артели. Правление колхоза «Новый пахарь» Романовского района потратило 20 тыс. руб. на уплату взносов по личной подписке колхозников на государственный займ¹⁷. Один из распространенных способов обратить неделимые фонды на непроизводственные нужды был следующий: колхозы за счет этих средств закупали скот, создавая в конце года сверхплановое поголовье, а затем его же и распродавали, распределяя вырученные деньги на трудодни¹⁸. В целом по СССР в 1946 году колхозами было растрчено 1,9 млрд руб. неделимых фондов, а в 1947 году — 1,4 млрд руб.¹⁹.

Здесь же отметим особенность колхозных торговых операций. Зачастую продукция сбывалась по заниженным ценам. Так, в Змеиногорском районе Алтайского края колхоз «Трудовик» в 1948 году продал разным лицам 878 кг мяса по цене 5 руб. за кг. Назначенная стоимость была в несколько раз ниже рыночной, которая составляла тогда в среднем 18 руб. за кг. Та же артель по бросовым ценам продавала молоко (1 руб. за л при рыночной цене 2,5 руб.) и мед (10 руб. за кг при стоимости на рынке 22 руб.)²⁰. Чем же объяснить столь явное отклонение от логики максимизации прибыли? Начать следует с того, что убыток колхозов означал выгоду для самих колхозников в тех случаях, когда именно они оказывались в числе покупателей. В Кемеровской области только за 1951 год было продано колхозникам по заниженным ценам и роздано в счет трудодней 54,2 тыс. голов всех видов скота²¹. Однако такое объяснение оказывается недостаточным, поскольку в число покупателей входили и посторонние для колхозов лица.

Коррупция должностных лиц

Продажа продукции по заниженным ценам напрямую связана с неформальными отношениями между колхозами и широким кругом должностных лиц, которые рассматривали артели как дополнительный источник снабжения. Вступать с ними в конфликт

С. В. Шаронов
Неформальная
(эксплуатационная) экономика колхозной деревни Западной Сибири в 1939–1953 годах

16. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 141.

17. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 142.

18. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1035. Л. 143.

19. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 770. Л. 17.

20. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 138.

21. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1186. Л. 139.

было отнюдь не в интересах колхозов. В число «кормленщиков» могли входить работники прокуратуры, местных советских, партийных, земельных и судебно-следственных органов.

Степень вовлеченности представителей власти в пользование артельными ресурсами в ряде мест поражает. К примеру, в колхозе «Идея Ленина» Алтайского края в 1948 году заведующий ветеринарным участком взял по низкой цене 21 кг муки, председатель поселкового совета и судья первого участка — каждый по 50 кг пшеницы, трое работников райотдела МВД — 30 кг пшеницы, 18 кг муки и 6 кг шерсти. Зерно и мука покупались по 1–2 руб. за кг при стоимости на рынке 4 руб. Шерсть — по 15 руб. за кг при рыночной цене 80 руб.²².

В Кожевниковском районе Новосибирской области районный прокурор А. Ф. Мамина в 1943 году была поймана на том, что купила корову в колхозе за 2,7 тыс. руб., а продала на рынке по спекулятивной цене за 70 тыс. руб. Впоследствии выяснилось, что тем же самым в районе промышляли помощник райпрокурора, председатель райисполкома, второй секретарь райкома, начальник районного отдела милиции, заведующий учетного отдела райкома, четыре начальника политотделов, директор МТС, председатель сельсовета, райвоенком, секретарь райисполкома, райуполнаркомзаг и др.²³. Разоблачение такого рода «теневых» взаимоотношений между местной властью и колхозами затруднялось «круговой порукой», включавшей работников НКВД и прокуратуры.

Существовало множество способов использовать колхозную собственность в личных целях. Широко распространен был обмен личного малопродуктивного скота на высокопродуктивный колхозный, бесплатное содержание животных в артелях, а в некоторых случаях ответственные работники держали собственные ульи с пчелами на колхозных пасеках²⁴. В порядке вещей было незаконное владение землей в артелях. В Петропавловском районе Алтайского края в 1948 году зав. райЗО пользовался приусадебным участком площадью 1,03 га, из которых 0,2 га отводились под посев зерновых. Уполномоченный министерства заготовок распоряжался землей площадью 1,3 га, из них 0,3 га засевались зерновыми. Свои участки имели председатель райисполкома, секретарь райкома ВКП(б), начальник РО МВД и др.²⁵. Вряд ли эти небольшие «феоды» обрабатывались личным трудом ответственных работников, скорее всего, за них это делали сами колхозы.

Продавая по бросовой цене или вовсе одаривая бесплатно официальных лиц, колхозы рассчитывали на покровительство,

22. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 138.

23. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 214, 217.

24. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 770. Л. 12.

25. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 7006. Л. 5.

ответную помощь или терпимое отношение к собственным нелегальным экономическим практикам. Подунский райисполком Кемеровской области в 1947 году обратился к председателю колхоза им. Буденного Галкину с таким письмом: «Райисполком от имени государства колхозу систематически оказывал и будет оказывать нужную помощь. В числе оказанной помощи — выделена колхозу новая автомашина и прочее. Сейчас райисполком вынужден обратиться за помощью к Вам, с просьбой продать райисполкому одного коня. Заместителю председателя райисполкома не на чем ездить — не имеет коня. Прошу этот вопрос обсудить на заседании правления. Цену установить прошу милостивую, с государства брать дорого нехорошо! Одновременно райисполком разрешает Вам продать одну лошадь. Председатель райисполкома — Шахов»²⁶.

Становится очевидным, что в использовании колхозных ресурсов были замешаны не только частные лица, хотя и облаченные должностными полномочиями, но и структуры местной власти, регионального и районного уровней, или несельскохозяйственные предприятия и учреждения. В Горно-Алтайской автономной области в 1948 году по решению облисполкома было закуплено 4753 кг меда по цене 5,3 руб. за кг при рыночной стоимости 25 руб. за кг. Мед закупался под видом заготовок в целях последующей выдачи нуждающимся колхозам для подкормки пчел. Фактически же он был распределен между областными, районными организациями и частными лицами. Столовой облисполкома было отпущено 1761 кг, обкому ВКП(б) — 135 кг, райпотребсоюзу — 607 кг, строительству ГЭС — 850 кг, разным лицам — 1746 кг²⁷.

Колхозы, кроме того, рассматривались властью как резерв доступной рабочей силы, которую в любой момент можно перебросить на работы, никак не связанные с артельным производством. Например, Таврический райисполком Омской области своим решением от 7 июня 1950 года обязал председателя колхоза им. Кирова выделить одного работника для пастьбы скота рабочих и служащих районного центра. Из пяти артелей этого района было привлечено на строительство здания райкома 33 колхозника, которым за работу начислялись трудовни. Председатель Саргатского райисполкома Ермаков 21 октября 1949 года дал задание председателям артелей «Красный октябрь» и «Путь Ильича» производить силами колхозников строительство телефонной линии, а распоряжением от 28 октября 1950 года обязал председателей 15 колхозов выслать на строительство конторы Баженовской МТС 34 плотника сроком на 46 дней²⁸. По данным проверки 1948 года, в 979

26. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 770. Л. 5.

27. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 736. Л. 138.

28. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1120. Л. 27.

колхозах Алтайского края за произведенные работы различным организациям и учреждениям было незаконно начислено 188 176 трудодней²⁹.

«Неформальные» трудодни

Начисление в колхозах трудодней за работу, не связанную с артельным производством, было постоянным раздражителем для центральной власти. Такая практика была несовместима с усилиями добиться строгой зависимости доходов в колхозе от вклада в его хозяйственную деятельность. Тем не менее можно заметить противоречие в отношении государства к колхозникам: с одной стороны, оно требовало выполнения обязательного минимума трудодней, с другой стороны, принуждало крестьян к внеколхозным отработочным повинностям. Артели давали рабочую силу на лесозаготовки, торфоразработки, работу по строительству и ремонту дорог и прочее (Безнин, Димони, Изюмова, 2001: 6). Тяжелые, трудо- и времязатратные повинности не освобождали от выполнения обязательного минимума. Вопреки запрету колхозы предпочитали начислять за них трудодни, облегчая крестьянам бремя нагрузки в артели. Кроме того, в трудоднях оценивались работы, связанные с обслуживанием бытовых нужд односельчан. Труд парикмахеров, сапожников, кузнецов и др. значил многое для колхозного социума вопреки логике государства, следуя которой, он должен был оставаться за рамками экономики артели.

Судя по всему, начисления трудодней за работы, не связанные с сельхозпроизводством, участились вместе с введением обязательного минимума. Например, в Новосибирской области после 1938 года наблюдался стремительный рост доли трудодней, выработанных административно-управленческим и обслуживающим персоналом колхозов. С 1938 по 1944 год она выросла почти в три раза (с 5,6 до 15,1%)³⁰. Реагируя на ультимативное требование отрабатывать определенное количество трудодней в год, колхозы стали активнее начислять их за широкий спектр работ и услуг, непредусмотренных уставом. После войны сокращение административно-управленческого и обслуживающего аппарата колхозов, борьба с неправильным расходованием трудодней стали важными направлениями деятельности Совета по делам колхозов. В Томской области только за 1947 год было выявлено 286,2 тыс. трудодней, начисленных за работы, не связанные с колхозным производством. В трудоднях оценивалась работа на лесозаготовках, перевозка грузов, рубка и вывозка дров для различных организаций и учреждений, строительные работы в МТС. Трудодни начислялись

29. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 660. Л. 37.

30. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 214. Л. 239.

заведующим клубами, массовикам, медицинским сестрам, пожарникам, дежурным сельсоветов и др. С октября 1946 года по сентябрь 1948 года в колхозах региона было сокращено 1018 чел. административного и обслуживающего персонала³¹.

19 апреля 1948 года было издано постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах». Документ предусматривал пересмотр норм выработки на трудодень по разным видам сельхозработ в сторону их повышения. Отчет представителя Совета по делам колхозов по Томской области свидетельствует о том, что колхозы сопротивлялись внедрению новых норм в жизнь, занижая их, применяя неправильные уравнильные расценки работ в трудоднях, прибегая к поденной оплате многих ее видов³².

Заключение

Большинство колхозов так и не воплотили в себе тип кооперативных сельскохозяйственных предприятий, которые стремились бы к максимизации доходов своих членов за счет интенсификации производственной деятельности. Это было заведомо невозможно в условиях экономической модели, лишавшей их самостоятельности. Деятельность колхозов была опутана многочисленными институциональными предписаниями и ограничениями, доходившими порой до мелочной регламентации. Артели не обладали полномочиями самостоятельно управлять доступными ресурсами, материальными, финансовыми, техническими и трудовыми. Узкие рамки автономии в принятии решений означали предельное ограничение возможности адаптации к внешним экономическим условиям

При таких обстоятельствах именно неформальные каналы позволяли колхозам расширить свой адаптивный потенциал. Нами были описаны различные способы «просачивания» колхозных ресурсов в неформальную экономику. Причем это касалось ресурсов всех видов: вне государственного контроля оказывалась земля, деньги, рабочая и тягловая сила, инвентарь, техника, скот и все виды сельхозпродукции. Они неравномерно перераспределялись между многими реципиентами, в круг которых входили структуры местной власти, отдельные должностные лица, несельскохозяйственные предприятия и организации, управленческая верхушка колхозов и сами крестьяне. Опосредованно в числе реципиентов оказывалось и государство, хотя бы потому, что значительное количество денежных средств, не поступавших на счета капиталовложений, шло

31. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1871. Л. 253–254.

32. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1871. Л. 55–57.

на уплату налогов и облигаций госзаймов. Шире — неформальная экономика оказывала государству неоценимую услугу, компенсируя изъяны централизованного управления. Она заполняла лакуны товарообмена между городом и деревней, снижала остроту продовольственного кризиса и товарного голода как в городах, так и в сельской местности. В этом заключалась симбиотическая связь неформального и формального слоев экономики.

Столь же наглядной представляется связь между нелегальной экономической деятельностью колхозов и задачей совместного выживания колхозного социума. В статье показано как распределение доходов (в том числе и нелегальных), колхозная торговля, начисление трудодней зависели от социальных отношений внутри артели. Колхозы, несмотря на низкую легальную доходность производственной деятельности, все же оказывались способными брать на себя функции социального попечения, в котором государство отказывало крестьянству. Экономика колхозов была укоренена в общественной жизни крестьянства, а эксплоярные связи, скреплявшие колхозный социум, облегчали задачу совместного выживания в условиях агрессивной мобилизационной политики государства.

Вместе с тем концепция эксплоярной экономики имеет все же ограниченный объяснительный потенциал применительно к неформальной экономике колхозов, которая, как показано в статье, далеко не всегда основывалась на задачах выживания. В ней имелось место и для алчности артельного правления, различных злоупотреблений властью, бесправия колхозников перед лицом представителей государства. Как бы то ни было, все описанные практики создавали определенную социальную среду, которая отличалась толерантностью к нелегальной экономической деятельности и служила пространством для формирования особых эксплоярных структур.

Библиография

- Безнин М. А., Димони Т. М. (1999). Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Отечественная история. № 3. С. 81–99.
- Исаев М. М., Карев Д. С., Устевский Б. С. (1948). Советское право в период Великой Отечественной войны. Ч. 2. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР.
- Кометчиков И. В. (2014). «Черные кассы» колхозов Центрального Нечерноземья и борьба с ними в середине 1940-х — начале 1950-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. № 1. С. 406–414.
- Рынков В. М. (2002). Соппротивление или адаптация? («Теневая» экономика в сибирской колхозной деревне во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг.) // Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития: Сборник научных трудов, Омск, 28–29 марта 2000 года. Ч. 1. Омск: Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина. С. 9–12.

- Рынков В. М. (2008). Особенности взаимодействия колхозного крестьянства и государства: «теневая» сторона колхозной экономики в Сибири во второй половине 1930-х гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений, Вологда, 23–26 сентября 2008 года. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт. С. 141–143.
- Сталин И. В. (2006). Речь И. В. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) по вопросам колхозного строительства // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. Т. 5. 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939. М. С. 416–424.
- Филатов С. В. (2024). О формах социального протеста колхозного крестьянства Дона в 1945–1953 гг. // Гуманитарные и социально-экономические науки. № 3 (136). С. 52–58.
- Хасянов О. Р. (2018). Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей. М.: Политическая энциклопедия.
- Шанин Т. (1999). Эксполарные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика. Россия и мир / Т. Шанин (ред.). М.: Логос. С. 11–32.
- Шарпов С. В. (2023). Государство, колхозы и теневая экономика в годы Великой Отечественной войны (по материалам Новосибирской области) // Исторический курьер. № 4 (30). С. 92–105.
- Шарпов С. В. (2024). Крестьянство в колхозах: этика выживания в годы Великой Отечественной войны (по материалам Новосибирской области) // Крестьяноведение. Т. 9. № 3. С. 169–184.

Informal (expolar) economy of the collective-farm village in Western Siberia in 1939–1953

Sergey V. Sharapov, PhD (History), Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia.
E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

Abstract. The author applies T. Shanin's concept of expolar economy to analyze the ways in which the collective-farm village adapted to the new round of the state mobilization policy in 1939–1953. The article presents various ways of craft resources “penetration” (including land, money, labor and draught power, inventory, equipment, machinery, livestock and all kinds of agricultural products) into the informal sector. They were unevenly redistributed among many “recipients” — local government structures, individual officials, non-agricultural enterprises, top management of collective farms, and peasants. The informal economy provided the state with an invaluable service by compensating for the shortcomings of centralized management, eliminating the gaps in the goods exchange between the city and the countryside, thus reducing the severity of food crisis and shortages of goods in both urban and rural areas. Resources outside the state control allowed collective farms to perform social assistance functions that the state did not provide to the peasantry. The collective-farm economy was rooted in the peasant social life. The expolar ties that held the collective-farm society together helped peasants survive under the aggressive mobilization policies of the state.

Key words: collective farms, peasantry, survival, adaptation, agrarian policy, mobilization

References

- Beznin M. A., Dimoni T. M. (1999) Sotsialny protest kolkhoznogo krestyanstva (vtoraya polovina 1940-h — 1960-e gg.) [Social protest of the collective-farm peasantry (second half of the 1940s — 1960s)]. *Otechestvennaya Istoriya*, no 3, pp. 81–99.

- Filatov S. V. (2024) O formah sotsialnogo protesta kolkhoznogo krestyanstva Dona v 1945–1953 gg [On the forms of social protest of the collective-farm peasantry in the Don Region in 1945–1953]. *Gumanitarnye i Sotsialno-Ekonomicheskie Nauki*, no 3, pp. 52–58.
- Khasyanov O. R. (2018) *Povsednevnyaya zhizn sovetskogo krestyanstva perioda pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: na materialah Kujbyshevskoy i Ulyanovskoy oblastej* [Everyday life of the soviet peasantry during the period of late Stalinism. 1945–1953: Based on the materials from the Kuibyshev and Ulyanovsk Regions], Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
- Isaev M., Karev D., Ustevsky B. (1948) *Sovetskoe pravo v period Velikoj Otechestvennoy vojny. Ch. 2* [Soviet Law during the Great Patriotic War. Part 2], Moscow: Yuridicheskoe izdatelstvo Ministerstva yustitsii SSSR.
- Kometchikov I. (2014) “Chernye kassy” kolkhozov Tsentralnogo Nechernozemya i borba s nimi v seredine 1940-h — nachale 1950-h gg. [“Black cash registers” of collective farms in the Central Non-Black Earth Region and the struggle against them in the mid-1940s — early 1950s]. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*, no 1, pp. 406–414.
- Rynkov V. M. (2002) Soprotivlenie ili adaptatsiya? (“Tenevaya” ekonomika v sibirskoj kolkhoznoj derevne vo vtoroj polovine 1930 — nachale 1940-h gg.) [Resistance or adaptation? (“Shadow” economy of the Siberian collective-farm village in the second half of the 1930s — early 1940s)]. *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Part 1*, Omsk: Omsky gosudarstvenny agrarny universitet im. P. A. Stolypina, pp. 9–12.
- Rynkov V. M. (2008) Osobennosti vzaimodeystviya kolkhoznogo krestyanstva i gosudarstva: “tenevaya” storona kolkhoznoj ekonomiki v Sibiri vo vtoroj polovine 1930-h gg. [Features of the interaction between the collective-farm peasantry and the state: The “shadow” side of the collective-farm economy in Siberia in the second half of the 1930s. *Aktualnye problemy agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*, Vologda: Vologodsky gosudarstvenny pedagogichesky institute, pp. 141–143.
- Shanin T. (1999) Ekspolyarnye struktury i neformalnaya ekonomika sovremennoj Rossii [Expolar structures and informal economy of contemporary Russia]. *Neformalnaya ekonomika. Rossiya i mir*. Ed. by T. Shanin, Moscow: Logos, pp. 11–32.
- Sharapov S. V. (2023) Gosudarstvo, kolkhozy i tenevaya ekonomika v godi Velikoi Otechestvennoi voini (po materialam Novosibirskoi oblasti) [The state, collective farms, and the shadow economy during the Great Patriotic War (based on the materials from the Novosibirsk Region)]. *Istorichesky Kurier*, no 4, pp. 92–105.
- Sharapov S. V. (2024) Krestyanstvo v kolkhozah: etika vizhivaniya v godi Velikoi Otechestvennoi voini (po materialam Novosibirskoi oblasti) [Peasantry of collective farms: Subsistence ethics during the Great Patriotic War (based on the materials from the Novosibirsk Region)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 3, pp. 169–184.
- Stalin I. V. (2006) Rech I. V. Stalina na plenum TsK VKP(b) po voprosam kolkhoznogo stroitelstva [I. V. Stalin’s speech on the collective-farm system construction at the plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie: Dokumenty i materialy. Vol. 5. 1937–1939. Book 2: 1938–1939*, Moscow, pp. 416–424.

«Грядки возле цехов»: опыт металлургических заводов по самообеспечению работников продовольствием (1941–1945 гг.)¹

М. Н. Потемкина, Е. Л. Кожухова

Марина Николаевна Потемкина, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, просп. Ленина, 26; ведущий научный сотрудник Центра экономической и социальной истории, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 82, стр. 1. E-mail: mpotemkina@mail.ru

Екатерина Леонидовна Кожухова, аспирант кафедры всеобщей истории Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, просп. Ленина, 38. E-mail: rinakozhukhova@yandex.ru

EDN: GQSMPZ

Аннотация. В статье исследуются практики взаимодействия промышленных предприятий с аграрным сектором в период Великой Отечественной войны. Основное внимание уделено деятельности заводов по развитию подсобных хозяйств, организации децентрализованных заготовок и развертыванию индивидуального и коллективного огородничества. Рассматриваются причины и предпосылки формирования такого типа хозяйствования, механизмы управления этими процессами, а также влияние таких практик на обеспечение работников предприятий продовольствием. На примере Магнитогорского металлургического комбината (ММК), представляющего собой крупное оборонное предприятие, авторы рассматривают организационные меры, принятые руководством комбината для обеспечения устойчивого развития сельскохозяйственных подразделений. Проводится анализ принятых решений и результаты взаимодействия с аграрным сектором. Авторы выдвигают тезис о том, что вопросы продовольственной безопасности оставались нерешенными руководством перед началом войны. Руководством страны была поставлена задача перехода на самообеспечение продовольствием, поэтому промышленные предприятия столкнулись с необходимостью самостоятельно организовывать производство продуктов питания, создавая подсобные хозяйства. Непродуманность механизмов управления такой деятельностью зачастую приводила к низкой эффективности работы подсобных хозяйств, неспособных существенно повлиять на решение проблемы питания рабочих.

Ключевые слова: экономическая история СССР, отделы рабочего снабжения, подсобные хозяйства предприятий, совхозы, Урал, продовольственное снабжение

1. Статья подготовлена в рамках НИР РАНХиГС: «Эволюция системы экономического администрирования в России в XIX–XX вв.: генезис системы централизованного планирования».

В экстремальных условиях Великой Отечественной войны одной из важнейших задач военной экономики было обеспечение трудящихся продовольствием. В этот период получает распространение система самообеспечения (натурализации хозяйства). Одним из ее проявлений стало взаимодействие промышленных предприятий с аграрным сектором через деятельность отделов рабочего снабжения (ОРС), подсобные хозяйства предприятий и шефскую помощь предприятий колхозам. Изучение опыта этого взаимодействия позволяет глубже понять механизмы адаптации советской экономики к условиям войны, оценить эффективность государственных мер по продовольственному обеспечению.

Обращение к научной литературе показывает достаточно глубокую изученность темы. Продовольственной проблеме и вопросам снабжения населения в целом посвящены работы У. Г. Чернявского и А. В. Любимова (Чернявский, 1964; Любимов, 1968). Труды историков-аграрников внесли значительный вклад в изучение вопросов развития сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны (Арутюнян, 1970; Анисков, 1979; Корнилов, 1990; Мотревич, 2021 и др.).

В рамках исследования социальной политики военного периода Е. Е. Красноженовой рассмотрена деятельность профсоюзных организаций промышленных предприятий в процессе снабжения населения продуктами, промышленными товарами и жильем (Красноженова, 2015). На материалах Сталинградской области данную проблематику затрагивала А. М. Имангалиева, которая пришла к выводу о недостаточном внимании государственных органов к продовольственному обеспечению трудящихся, вследствие чего сами работники были вынуждены заботиться о пополнении как собственных запасов еды, так и общих фондов предприятия, компенсируя недостаток централизованной поддержки собственными усилиями (Имангалиева, 2012).

Деятельность ОРСов достаточно хорошо исследована на региональном материале: на примере Чувашской АССР А. Д. Григорьевым и С. Б. Харитоновой (Григорьев, Харитонов, 2021), на материалах Средней и Нижней Волги — Е. Л. Головиной и О. А. Гоманенко (Головина, Гоманенко, 2018), на уральских источниках в работах Н. П. Палецких, И. А. Лаврова, М. А. Аракелян, И. И. Черных (Палецких, 2010; Лаврова, Аракелян, Черных, 2023).

Тема подсобных хозяйств является составной частью исследований, посвященных истории отдельных отраслей промышленности (Мельников, 2017). Конкретно о развитии подсобных хозяйств промышленных предприятий идет речь в публикациях И. С. Тряхова (на примере Владимирской области) и Ю. И. Будникова (на примере Урала) (Тряхов, 2021; Будников, 2015). Авторы рассматривают нормативную базу, вводят в научный оборот количественные показатели посевных площадей, машинно-тракторной базы, объе-

мов собранного урожая зерновых и овощных культур и др., упоминают и о трудностях в деле создания собственной продовольственной базы отдельных промышленных предприятий и тыловых городов в целом.

Дискуссионным в историографии является вопрос о продуктивности и значимости подсобных хозяйств промышленных предприятий. Большинство исследователей считают, что их деятельность способствовала пополнению пищевого рациона промышленных рабочих в экстремальных условиях. В частности, Г. Е. Корнилов утверждает, что «подсобные хозяйства даже крупных заводов были небольшими и маломощными. В среднем на одно хозяйство приходилось 41 га в 1942 году и 134 га — в 1945 году. Все работы в основном выполнялись вручную. Урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства были крайне низкими. Тем не менее в военных условиях они сыграли заметную положительную роль в решении продовольственной проблемы, в организации дополнительного питания» (Корнилов, 2022: 259). Но есть и более осторожные оценки. Так, по мнению В. П. Мотревича, вопрос о реальной доле продукции, производившейся в подсобных хозяйствах, и ее воздействия на улучшение рациона основной массы работников народного хозяйства остается открытым (Мотревич, 2021: 443). Эта тема требует дополнительного изучения.

Анализ зарубежных исследований помогает выявить основные методологические подходы к исследованию рассматриваемой проблемы. К. М. Строс предложил рассматривать советское предприятие как своеобразную «фабрику-общину», выполняющую социальные обязательства перед работниками путем предоставления минимальной социальной защиты и базовых благ (Straus, 1998). Это объясняет тенденцию создания внутри промышленного предприятия ряда вспомогательных производств и социальных служб, направленных на удовлетворение повседневных нужд работников. Другая точка зрения представлена в работах Ж. Сапира, который рассматривает дефицит материальных благ как инструмент политики в рамках советской экономической модели (Бабинцева, 1998: 86–138).

В. Голдман и Д. Фильцер, исследуя проблемы советского тыла, положительно оценивают значение подсобных хозяйств в решении продовольственной проблемы: «Подсобные хозяйства, нецентрализованные запасы и огороды в совокупности существенно увеличивали объем доступного продовольствия. Для населения городов в целом самым важным из трех перечисленных ресурсов были огороды, хотя рабочие предприятий, содержавшие подсобные хозяйства или прикрепленные к ним, тоже значительно пополняли свои запасы» (Голдман, Фильцер, 2021: 129).

Задача данной статьи — рассмотреть взаимодействие промышленных и сельскохозяйственных предприятий, осуществлявшееся с целью дополнительного продовольственного обеспечения работ-

М. Н. Потемкина,

Е. Л. Кожухова

«Грядки возле цехов»: опыт металлургических заводов по самообеспечению работников продовольствием (1941–1945 гг.)

ников промышленности. Представляется необходимым подвергнуть проверке тезис об успешной деятельности ОРСов и, в частности, подсобных хозяйств промышленных предприятий как результате принимаемых управленческих решений. В исследовании применен метод case-study, позволяющий детально изучить функционирование конкретного предприятия в условиях мобилизационной экономики. Объектом исследования выбран Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) — крупнейший металлургический комплекс СССР, сыгравший ключевую роль в обеспечении оборонной промышленности сырьем и продукцией.

Исследование основывается на привлечении широкого круга исторических источников: законодательных актов, делопроизводственных документов различного типа (приказы директора комбината, производственная переписка, статистические отчеты, протоколы партийных и профсоюзных органов), выявленных в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Городском архиве г. Магнитогорска. Определенную ценность представляют материалы заводской газеты «Магнитогорский металл», которые позволяют установить ключевые проблемы, возникавшие у промышленного предприятия при развитии подсобных хозяйств.

Продовольственная политика СССР в начальный период Великой Отечественной войны: вызовы и механизмы адаптации

С началом Великой Отечественной войны структура производства в СССР изменилась: ориентируясь на необходимость защиты страны, государство сосредоточилось на выпуске продукции военного назначения. Сельское хозяйство оказалось в тяжелом положении. Дефицит рабочей силы усугублялся массовой мобилизацией мужчин на фронт, нехваткой квалифицированных кадров и недостатком сельскохозяйственной техники.

Мотревич следующим образом характеризует общее состояние сельского хозяйства на Урале: «В отличие от уральской промышленности, которая уже с лета 1942 г. стала наращивать выпуск продукции, земледелие не только в 1942 г., но и весь 1943 г. переживало упадок. В целом по стране, а на Урале в особенности, возникла большая диспропорция в развитии промышленности и сельского хозяйства. В то время как выпуск промышленной продукции вырос более чем в три раза, объем сельскохозяйственной заметно уменьшился. В 1943 г. отрасль оказалась на грани краха, многие достижения аграрной модернизации были утеряны» (Мотревич, 2021: 537).

Резко сократился выпуск сельскохозяйственной техники. Если в 1942 г. было выпущено около 3,5 тысячи тракторов, то уже в 1943 г. этот показатель снизился почти втрое, составив всего лишь 1,1 ты-

сячи тракторов². Для сравнения, в 1940 г. в СССР было произведено 31,6 тысячи тракторов. Кроме того, большинство тракторов было изъято из сельского хозяйства и передано на военные нужды. Например, выпускавшиеся на Челябинском тракторном заводе гусеничные С-60 и С-65 («Сталинец») применялись в Красной Армии в качестве тягача для тяжелой артиллерии.

Из-за трудностей первых месяцев войны произошло уменьшение продовольственных запасов в государственных фондах СССР, что, в свою очередь, негативно отразилось на снабжении населения тыловых регионов. Кроме того, значительная часть производимого продовольствия должна была уходить на снабжение армии. В то же время за счет эвакуации в тыловых регионах происходил количественный рост как предприятий, так и рабочей силы на них. Следовательно, вопрос продовольственного обеспечения трудящихся обострился.

Законодательные решения правительства в сфере продовольственной политики в начальный период войны укладывались в определенную траекторию: введение нормированного государственного снабжения, перевод населения тыла на самоснабжение путем создания подсобных хозяйств на предприятиях и учреждениях, а также нарезки индивидуальных огородов. Позицию руководства страны демонстрируют слова А. В. Любимова, бывшего наркомом торговли СССР в период 1939–1948 гг.: «Золотым правилом большевиков-хозяйственников в годы войны было: давать народу побольше, требовать от государства поменьше», имея в виду поиск и использование децентрализованных источников продовольствия и товаров широкого потребления как местными предприятиями и учреждениями, так и отдельными гражданами (Любимов, 1968: 134).

В годы Великой Отечественной войны взаимодействие промышленных предприятий с аграрным сектором в целях решения продовольственной проблемы осуществлялось по нескольким ключевым направлениям: организация подсобных хозяйств при промышленных предприятиях, повсеместное развитие коллективного и индивидуального огородничества, организация предприятиями децентрализованных закупок, шефская помощь колхозам и совхозам в ремонте сельскохозяйственной техники и снабжении их сельскохозяйственным инвентарем.

Организация подсобных хозяйств на предприятиях

Подсобные хозяйства промышленных предприятий начали создаваться еще в годы первых пятилеток. К концу 1940 г. посевная

2. Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1185. Л. 26.

площадь подсобных хозяйств в стране составляла 1,7 млн га, в них насчитывалось 608 тыс. голов крупного рогатого скота, 990 тыс. свиней, 861 тыс. коз и овец (Гладков, 1978: 142).

После начала Великой Отечественной войны произошло резкое ухудшение ситуации с продовольствием. Уже в 1942 г. руководители всех уровней убедились в затяжном характере войны, и поддержание работоспособности населения стало критически важным фактором успеха производства. Проблема продовольственного обеспечения тыловых регионов достигла предела, угрожая социальной стабильности. Именно тогда изменилась тональность официальных изданий: ранее игнорировавшаяся тема социальных условий рабочих стала предметом внимания. При анализе заводской газеты «Магнитогорский металл» «можно заметить, что “социальная” тематика в 1941 г. и первой половине 1942 г. не фигурирует совсем, потом постепенно появляется, а в номерах за 1943–1944 гг. материалы на тему “материально-бытовых нужд трудящихся” публикуются на регулярной основе» (Потемкина, Колдомасов, 2023: 606).

Курс на самообеспечение через создание на предприятиях собственной продовольственной базы был инициирован рядом правительственных нормативно-правовых документов весной 1942 г. Наркоматы один за другим спускают приказы о создании ОРСов на предприятиях. Предполагалось, что функции ОРСа должны заключаться в торговом, бытовом обслуживании и питании занятых на предприятии рабочих, ИТР и служащих, а также членов их семей. ОРСы являлись самостоятельными (хозрасчетными) отделами предприятий, имевшими свои расчетные счета в Госбанке, и пользовались банковским кредитом. Для руководства ОРСами в наркоматах создавались Главные управления рабочего снабжения. ОРСы находились в двойном подчинении: директора предприятия и ГлавУРСа наркомата (Любимов, 1968: 59–60). Однако анализ таких приказов показывает непроработанность механизмов и ответственности за исполнение принимаемых решений. Как следствие, возникала неопределенность относительно реальной ответственности должностных лиц за выполнение поставленных задач, что снижало оперативность реагирования на меняющиеся обстоятельства военного времени.

Насколько успешно и эффективно работала такая система снабжения продовольствием в экстремальных условиях войны? Обычно исследователи отвечают на этот вопрос, используя макроисторический подход, анализируя общие цифры и факты по стране или региону. Большинство исследователей, приводя общие цифры валового сбора зерновых и овощных культур, полученных в подсобном хозяйстве мясомолочных продуктов, позитивно оценивают их вклад в продовольственное обеспечение работников предприятий. Но в этом случае трудно получить полную и объективную картину по двум причинам. Во-первых, органы статистики стали разрабатывать годовые отчеты подсобных хозяйств промышлен-

ных предприятий и организаций лишь с 1944 г. При этом в разработку включались годовые отчеты не всех подсобных хозяйств, а только наиболее крупных из них по 43 наркоматам, к тому же по сокращенной программе (Мотревич, 2021: 21). Во-вторых, сложно выявить управленческие практики и понять объем усилий, затраченных предприятием на содержание подсобного хозяйства.

Подсобное хозяйство Магнитогорского металлургического комбината

Попробуем применить микроподход и рассмотреть формирование механизмов управления и функционирования подсобного хозяйства на примере Магнитогорского металлургического комбината.

В соответствии с приказом СНК СССР от 4 февраля 1942 г. на ММК было организовано Управление рабочего снабжения (УРС) во главе с заместителем директора комбината А. И. Мурзовым. Управлению передавались торговая сеть, столовые, обслуживающие работников комбината, а также ряд совхозов Наркомсовхоза. В связи с организацией УРСа ликвидировался существовавший на комбинате Отдел рабочего снабжения (в архивных документах ММК названия УРС и ОРС продолжали использоваться как равнозначные). Сельхозцех комбината был изъят из ведения Управления коммунального хозяйства и подчинен УРСу.

Структура созданного подразделения изначально была следующей³:

1. Торговый отдел (закупка и заготовка товаров для торговой сети, обслуживающей работников комбината).
2. Отдел общественного питания (организация питания работников комбината через столовые и буфеты).
3. Бюро заборных документов (раздача работникам заборных документов).
4. Пошивочные мастерские.
5. Сельхозотдел (руководство и организация работы совхозов и подсобных предприятий).
6. Транспортный отдел (обслуживание автотранспортом и гуж-транспортом торговой сети, баз и сети общественного питания).
7. Ремонтно-строительный отдел (ремонт и строительство мелких объектов хозяйства).
8. Бухгалтерия (финансирование, контроль и методологическое руководство бухгалтериями столовых и др.).
9. Плановая группа.
10. Группа организации труда и зарплаты.

3. Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» города Магнитогорска (далее — МКУ «ГА» Магнитогорска). Ф. 99. Оп. 10. Д. 44. Л. 18–19.

11. Договорно-правовая группа (оформление договоров и претензий).

12. Спецчасть и контролер-инспектор.

Решение о создании УРСа было подкреплено широкой пропагандистской кампанией в центральной и местной прессе. Так, передовица заводской газеты «Магнитогорский металл» от 1 марта 1942 г. информировала читателей о создании на комбинате Управления и заканчивалась призывом: «Нужно дать отпор иждивенческим настроениям. У многих руководящих работников еще сильна привычка полагаться на централизованное снабжение»⁴.

Анализ публикаций периодической печати позволяет оценить пропагандистский потенциал прессы. В условиях сталинского режима, особенно в период военного времени, с жестким идеологическим и цензурным контролем материалы газет разного уровня и разных территорий не слишком отличались между собой. Поэтому газета «Магнитогорский металл» была типичным изданием. Как правило, очерки и заметки на тему деятельности подсобных хозяйств публиковались с марта по октябрь каждого года, названия часто носили лозунговый характер: «Готовим сельскохозяйственные кадры», «Вырастим богатый урожай», «Вымести с полей сорняк! Очистить посевы! — такова боевая задача сегодняшнего дня», «Не отдадим ни капли влаги сорнякам!», «Во всеоружии встретить уборку урожая», «С фронта уборки урожая» и т.п. Интересен стиль подачи материала: часто использовались безличные предложения: «строительство овощехранилищ затягивается», «прекратить потери урожая», «необходимо подготовить сельскохозяйственные кадры» и т.п. В статьях пересказывалось содержание приказов директора комбината, содержалась критика в адрес начальников цехов или членов огородных комиссий, ставились текущие задачи (посевная, прополка, подготовка теплиц для рассады, ремонт сельскохозяйственной техники, строительство овощехранилищ и др.). Доминировала негодующая тональность, иногда какой-либо цех или совхоз ставился в пример остальным.

Решения о передаче земель совхозов промышленным предприятиям принимались высшими государственными инстанциями посредством специальных правовых актов. По данным И. Е. Зеленина, за годы войны промышленным министерствам было передано около 800 совхозов, в том числе 275 совхозов системы Наркомата совхозов СССР (Зеленин, 1969: 72). В частности, ММК были переданы земли совхозов: МОС (молочно-овощной совхоз), «Муравейник», ЖОС («Жолтинский»), «Поля орошения», «Северный». Общая площадь совхозов 35 000 га, из них посевная — 15 000 га; поголовье крупного рогатого скота — 3000 голов, из них 1300 коров⁵.

4. Создадим мощную продовольственную базу // Магнитогорский металл. 1942. 1 марта.

5. МКУ «ГА» Магнитогорска. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 162. Л. 80б.

Для проведения сельскохозяйственных работ необходимо было укрепить материально-техническую базу подсобных хозяйств. В условиях дефицита ресурсов в целом и потери предприятий, производящих сельскохозяйственную технику и инвентарь, или их переориентации на выпуск продукции военного назначения вставал вопрос обеспечения подсобных хозяйств всем необходимым. Количество техники, находящейся в совхозах, было недостаточным для обеспечения полноценной работы на полях. Кроме того, к 1942 г. степень ее износа была достаточно высокой. Выход из сложившейся ситуации заключался в изготовлении нового и ремонте старого оборудования на базе мощностей предприятия, строительстве овощехранилищ, парников, загонов для скота, отправке рабочих для ремонта сельскохозяйственной техники в подсобные хозяйства.

Приказами директора ММК организовывалось производство ручного инвентаря, деталей для ремонта сельскохозяйственной техники, гвоздей и других необходимых изделий для подсобных хозяйств, часто в обмен на мясо, молочные продукты, овощи. По инициативе завкома в цехах изготавливались лопаты, мотыги и другой мелкий инвентарь. Для обработки земли использовались танки, с которых снимались башня и верхняя часть броневой защиты (рис. 1). Горючим для них служил бензол, который вырабатывался в коксохимическом цехе (Потемкина, Колдомасов, 2023: 609).

Рис. 1. Танк «Шерман» с демонтированной башней используется для вспашки. Магнитогорск, 1940-е гг.

Однако также можно говорить о том, что решение проблем носило ситуативный характер и было направлено на быстрое реагирование в условиях здесь и сейчас. Так, на всем протяжении войны большую проблему представляло обеспечение своевременного вывоза урожая из подсобных хозяйств. Часто имеющийся в распоряжении колхозов и совхозов транспорт невозможно было эффективно использовать из-за технических неисправностей и дефицита запчастей для ремонта техники. Проблемы транспорта становились предметом активного обсуждения в местных средствах массовой информации. В марте 1943 г. в газете была опубликована статья, посвященная состоянию дел в молочно-овощном совхозе подсобного хозяйства ММК. Состояние было явно неудовлетворительным: «В мастерской 48 рабочих, а нет ни одной запасной детали для с/х техники, нет инструмента». Автор заметки резюмировал: «Невольно задаешь себе вопрос: неужели на таком огромном комбинате нельзя изготовить недостающие совхозу инструменты?»⁶

Шефская помощь колхозам и МТС

Промышленные предприятия оказывали помощь колхозам и МТС, выделяя специалистов для ремонта техники. На ММК почти каждый цех шефствовал над колхозом или совхозом. Так, для ремонта сельскохозяйственной техники цех механизации послал 20 рабочих, цех подготовки составов командировал в колхоз «Пролетарий» двух слесарей, кузнеца и шорника, основной механический цех изготовлял 40 шт. осей для тракторных прицепов и др. детали. Рабочий коллектив паровозного депо взял шефство над Астафьевской МТС и колхозом «Янотурмыш» Нагайбаского района⁷.

Существовала проблема качества такой непрофильной и неосновной для предприятия продукции. В декабре 1943 г. приказом директора комбината Г. И. Носов обязал главного механика ММК обеспечить совхозы ОРСа запасными частями на тракторы и прицепной инвентарь. К концу марта задание было выполнено на 60%. Основной причиной невыполнения плана стало то, что коллективы литейных цехов не сумели освоить технологию литья и выдали бракованные заготовки⁸.

В марте 1944 г. было принято важное государственное задание на изготовление сегментов и вкладышей для уборочных машин. Продукция должна была быть выдана Сельхозснабу в сжатые сроки. Изготовление этих деталей было регламентировано приказом

6. Безнадзорная мастерская // Магнитогорский металл. 1943. 18 марта.

7. Наша помощь подшефной МТС // Магнитогорский металл. 1942. 15 августа.

8. Важнейшее задание не выполнено // Магнитогорский металл. 1944. 28 марта.

№ 43 директора ММК, согласно которому штамповкой сегментов и вкладышей должен заниматься Цех ширпотреба (производственная возможность цеха — 4000 деталей в сутки). Далее Новомеханический и Новотокарный цеха занимались шлифовкой деталей, Центральная заводская лаборатория — термической обработкой. По плану к 1 апреля необходимо было изготовить 190 тыс. деталей, к 16 марта было готово лишь 44 тыс.⁹

В связи с призывом в армию количество трудоспособных мужчин, работающих в совхозах, значительно сократилось. Обострение кадрового дефицита заставило директоров промышленных предприятий выделять подсобным хозяйствам рабочих для помощи.

Решение задач по организации весенне-осенней кампании 1942 г. началось с организации обучающих курсов. Они были организованы в два этапа: курсы инструкторов сельского хозяйства (обучалось 50 человек), далее инструкторы обучали рабочих. Приказом директора комбината была составлена разнарядка для посещения курсов сельхозминимума для рабочих комбината на 2140 человек. Программа курсов включала 34 часа и должна была быть закончена не позднее 1 апреля и завершиться итоговой проверкой знаний¹⁰. В реальности посещаемость курсов оставляла желать лучшего. Так, один из прошедших обучение инструкторов отмечал: «Мы пришли в цех и стали вести кружки по с/х. В моем кружке 22 человека. К сожалению, из-за сменности в работе некоторые не могут регулярно посещать занятия»¹¹. Разнарядка на посещение курсов была выполнена только наполовину, некоторые начальники цехов прямо говорили, что «бессильны заставить людей посещать кружок»¹².

Одной из форм помощи колхозам и совхозам являлась отправка с основных мест работы в совхозы рабочих для посева, прополки, уборки урожая. Согласно приказу директора ММК от 20 марта 1942 г., всем начальникам цехов была дана разнарядка выделить рабочих на полевые работы: в марте — 345 человек, апреле — 600, мае — 800, июне — 1000, июле — 1300, сентябре — 1600, в октябре — 1600. Согласно таблице 1, основные производственные цеха должны были предоставить небольшое количество рабочих в диапазоне от 5 до 15 человек, в то время как самые большие показатели были по Заводоуправлению — 20–100 человек, Горному управлению и Аглофарике (предприятие, производящее агломерат, относилось к группе цехов, обеспечивающих деятельность доменного цеха) — 20–100 человек и Управлению коммунального хозяйства — 30–250 человек.

9. Выполним заказ сельского хозяйства // Магнитогорский металл. 1944. 16 марта.

10. МКУ «ГА» Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 10. Д. 44. Л. 21–23.

11. Готовим сельскохозяйственные кадры // Магнитогорский металл. 1942. 19 марта.

12. Готовить кадры для посевной // Магнитогорский металл. 1942. 31 марта.

ИСТОРИЯ

	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь
Доменный цех	5	5	5	10	10	10	15	15
Мартеновский цех № 1	5	5	5	10	10	10	15	15
Мартеновский цех № 2	5	5	5	10	10	10	15	15
Мартеновский цех № 3	5	5	5	10	10	10	15	15
Цех подгот. сост.	3	3	3	5	5	5	5	5
Кустовая рем. мастер. домна-мартен	—	3	3	5	5	5	5	5
Цех рем. пром. печи	5	5	5	7	10	10	10	10
Обжимный	—	5	5	10	10	10	10	10
Заготовочный	5	10	10	13	15	15	15	15
Блюминг № 3	—	5	5	8	8	8	8	8
Цех отделки	5	8	8	10	15	15	15	15
Сред. сорт. ст. 500	—	5	5	8	8	8	8	8
Мелкосорт. ст. 300 1–3	3	5	5	10	10	10	10	10
Проволочно-штрипсов.	5	5	5	10	10	10	10	10
Вальцетокарный	—	2	2	2	3	3	3	3
Куст.-рем. маст. проектных цехов	—	3	3	5	5	5	5	5
Цех «ЛП»	—	3	3	5	5	5	5	5
Цех «Г»	—	5	5	8	8	8	8	8
Газовый цех	2	3	3	3	5	5	5	5
Паросиловой	5	5	5	5	10	10	10	10
Ц. Э.С.	5	6	6	6	10	10	10	10
Электросеть	3	5	10	10	10	10	15	15
Электроремонтный	—	5	10	10	10	10	15	15
Водоснабжение	—	3	3	3	5	5	5	5
Литейный	5	8	8	10	15	15	15	15
Фасоновальцелитейный	8	10	10	15	15	15	25	25
Механический	5	10	10	15	15	15	25	25
Копровый	5	8	8	15	15	15	15	15

13. МКУ «ГА» Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 10. Д. 44. Л. 205.

*М. Н. Потемкина,
Е. Л. Кожухова*
«Грядки возле це-
хов»: опыт ме-
таллургических
заводов по само-
обеспечению ра-
ботников про-
довольствием
(1941–1945 гг.)

Рем.-хозяйственный	10	15	20	45	50	50	50	50
Складское хоз-во	10	15	15	20	20	20	20	20
Газоспасательная	—	3	3	3	3	3	3	3
Лабораторный	5	10	10	20	30	30	30	30
Энергобюро	5	5	5	5	8	8	8	8
Отд. техн. контроля	10	15	15	20	32	32	42	42
Заводоуправление	20	20	30	30	50	50	100	100
Цех связи	5	5	5	5	5	5	5	5
Котельно-ремонтный	10	15	20	25	25	25	30	30
Ширпотреб	5	5	10	15	20	20	25	25
Мастерская по механиз.	3	5	5	5	5	5	10	10
Разделочная база	—	3	5	5	10	10	10	10
Модельный	—	3	3	3	5	5	5	5
Компресс.-кислородный	—	3	3	3	5	5	5	5
Коксохимический	15	20	20	20	25	25	25	25
Шамотно-динасовый	5	10	15	15	20	20	20	20
Гор. управл. с Аглофабрикой	25	35	50	50	75	75	100	100
Нерудные карьеры	15	20	30	40	50	50	50	50
Метизный завод	5	10	25	35	35	35	35	35
Ж. Д. транспорт	25	35	50	50	75	75	75	75
Автоцех	5	10	10	15	20	20	20	20
У. К. Х.	30	50	90	100	150	150	250	250
Новотокарный цех	—	10	10	15	15	15	25	25
Штамповочный цех	—	5	8	10	10	10	15	15
Новомеханический	—	5	8	10	10	10	20	20
Новоштамповочный	—	3	15	15	15	15	20	20
ОТК спецпроизвод.	5	8	8	10	10	10	20	20
Мастерская № 2	-	2	2	3	5	5	5	5
О. Д. У.	5	15	15	15	25	25	30	30
Пошивочная мастерская	5	10	25	25	25	25	25	25
Типография	—	6	25	30	40	40	40	40
Мастерская № 3	—	2	2	3	5	5	5	5
Цех вспомог. мастер.	5	10	10	10	40	40	40	40
В. В. О.	—	10	10	15	20	20	25	25

Пожарная охрана	—	5	5	5	5	5	5	5
ОКС и склад ОТО	8	10	16	20	30	30	30	30
Сеточный завод	3	5	5	10	10	10	15	15
У.РС.	20	30	40	40	50	50	50	50
Всего по цехам	345	600	800	1000	1300	1300	1600	1600

Начальники цехов являлись ответственными за отправку рабочих на полевые работы. Такая работа считалась временным переводом на другое рабочее место. Заработная плата работникам, временно переведенным на уборку, начислялась исходя из среднего заработка, полученного ими за фактически отработанное время. Директор комбината также предложил руководителям совхозов за работу по уборке отпускать по государственным ценам овощи на всю зарплату¹⁴.

Постепенно руководство предприятий усиливало рычаги материальной заинтересованности работников путем премирования, введения прогрессивной системы оплаты труда, продажи на льготных условиях продуктов питания. Так, приказом директора комбината в 1943 г. было установлено натуральное премирование работников в зависимости от выполнения плана урожайности. При выполнении норм выработки за сезон прополочно-уборочных работ от 100 до 120% и выполнении плана сбора урожая по совхозу рабочим выдавалось по 100 кг картофеля и 50 кг овощей, при выполнении от 121 до 150% — 125 кг, свыше 150% — 300 кг¹⁵. Выдача картофеля и овощей работникам производилась за наличный расчет по отпускным ценам.

Наряду со стимулирующими методами активно использовались административно-командные. Так, на период полевых работ в совхозах ММК устанавливалась продолжительность рабочего времени с 4 часов утра до 8 часов вечера, с перерывами на прием пищи общей продолжительностью не более трех часов. При этом запрещались выходные дни до окончания полевых работ, а виновные в нарушении регламента рабочего времени должны были привлекаться к уголовной ответственности¹⁶.

Кроме того, существовала практика привлечения школьников и учащихся ремесленных училищ (РУ) к участию в сельскохозяйственных работах. В 1942 г. 70 обучающихся РУ № 13 выехали в Жолтинский совхоз для прополки полей. За девять дней усилиями молодых людей было обработано 50 га картофельных посадок¹⁷.

14. Уборочные площади закреплены за цехами // Магнитогорский металл. 1942. 12 августа.

15. МКУ «ГА» Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 10. Д. 51. Л. 137.

16. МКУ «ГА» Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 10. Д. 51. Л. 163–163.

17. Наша помощь совхозу // Магнитогорский металл. 1942. 26 июля.

Важным дополнением, позволяющим компенсировать нехватку ресурсов, должны были стать децентрализованные заготовки продовольствия. Руководство предприятия отправляло своих представителей в колхозы, где они либо закупали семена, либо договаривались о взаимном обмене на продукты или товары, которые были в дефиците. Результаты 1942 г. оказались весьма низкими, что видно из показателей таблицы 2.

Таблица 2. Выполнение плана децентрализованных заготовок на ММК за III и IV кварталы 1942 г. (в тоннах)¹⁸

Продукты	По плану	Фактически	В % к плану
Рыба	65	20,6	31,7%
Картофель	365	23	6,3%
Овощи	530	62	11,7%
Молокопродукты	170	43	25,3%
Ягоды	57,5	15	26,1%
Грибы	37,5	7	18,7%
Мед	6,5	2	30,8%

Руководство предприятия объясняло такую ситуацию следующими причинами: во-первых, для децзаготовок были отведены Чесменский и Агаповский районы, которые не располагали сколько-нибудь значимыми товарными фондами, во-вторых, ОРСом комбината не были выделены промтоварные фонды для стимулирования обмена. Не менее важную роль играла «недостаточная активность» торгово-заготовительного аппарата ОРСа. Командированные люди в районы заготовок не были достаточно квалифицированы и надеялись на централизованное снабжение. Кроме того, сменилось пять руководителей, ответственных за децзаготовки¹⁹. В 1944 г. наблюдалась аналогичная проблема, хотя отмеченные причины низких показателей были нивелированы. Территории, задействованные в производстве децентрализованных заготовок, включали в себя Агаповский, Верхнеуральский и Кизильский районы, был сформирован аппарат заготовителей, состоящий из пяти человек, которые получили большое количество промтоваров для обмена. Однако, как выяснилось, все товары были реализованы, а продукты не заготовлены²⁰.

18. МКУ «ГА» Магнитогорска. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 162. Л. 120б.

19. МКУ «ГА» Магнитогорска. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 162. Л. 120б.

20. Бездельники из отдела рабочего снабжения // Магнитогорский металл. 1944. 27 января.

*М. Н. Потемкина,
Е. Л. Кожухова*
«Грядки возле цехов»: опыт металлургических заводов по самообеспечению работников продовольствием (1941–1945 гг.)

ИСТОРИЯ

В годы войны государство выделяло земельные участки под широко развернувшееся индивидуальное и коллективное огородничество горожан. Выделение участков регламентировалось Постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР²¹.

На промышленных предприятиях ответственность за организацию индивидуального и коллективного огородничества была возложена на профсоюзы. Кроме того, для помощи рабочим создавались огородные комиссии. На первом этапе их деятельность осуществлялась согласно решению Президиума ВЦСПС от 3 марта 1942 г. Заводским профсоюзам необходимо было составить списки всех рабочих, желающих иметь огороды, нарезать участки земли, помочь со вспашкой и копкой. Рекомендовалось также заключать договоры с совхозами о выращивании рассады, привлекать агрономов для лекций и докладов²².

До создания огородных комиссий за работу по организации личных подсобных хозяйств отвечали и завкомы, и цеховые комитеты, и жилищно-бытовые комиссии и многие другие. Отсутствие централизованного учета землепользователей создавало немало трудностей. Поскольку распределение земельных наделов осуществляли разные организации, единый реестр владельцев огородов отсутствовал. Для составления единого списка и учета всех огородников происходило разделение земли крупными массивами между цехами предприятия. Весной 1942 г. на ММК было проведено объединение всех разрозненных цеховых огородных коллективов в один.

В годы войны количество людей, имевших индивидуальные или коллективные огороды, быстро увеличивалось и с 1941 по 1945 г. выросло более чем в 1,5 раза (табл. 3).

Таблица 3. Развитие индивидуального и коллективного огородничества на ММК²³

	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Количество объединенных цеховых коллективов	66	70	73	78
Количество огородников	18 000	22 000	26 700	29 500
Площадь посева в га	1358	1600	2610	277
Получен урожай в т	10 000	16 000	22 000	нет данных

21. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 31. Д. 20. Л. 1.

22. Всемерно развивать огородничество // Магнитогорский металл. 1942. 13 марта.

23. МКУ «ГА» Магнитогорска. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 168. Л. 320б.

*М. Н. Потемкина,
Е. Л. Кожухова*
«Грядки возле цехов»: опыт металлургических заводов по самообеспечению работников продовольствием (1941–1945 гг.)

Следуя курсом на самообеспечение, промышленное предприятие поощряло любые инициативы своих рабочих, направленные на решение продовольственных вопросов на местах. В 1942 г. директор ММК поддержал инициативу работников прокатных цехов об организации подсобного хозяйства для этих цехов. Заместителю директора по рабочему снабжению необходимо было выделить в их распоряжение 200 га земли на площадках совхозов МОС и ЖОС, земельный участок заводской территории с находящимися на нем сооружениями, соответствующее количество семян зерновых и огородных культур, водоемы и 100 голов свиней. Кроме того, во временное пользование прокатным цехам необходимо было выделить грузовые машины и трех лошадей. Приказом директора также устанавливалось, что 50% полученного урожая необходимо было сдать УРСУ для общественного питания, а остальные 50% передавались в распоряжение главного прокатчика²⁴.

Однако опыт передачи части функций ОРСа в цеха оказался неудачным. В ходе обсуждения на профсоюзной конференции результатов деятельности подсобных хозяйств выяснилось, что руководители ОРСа, ответственные за формирование и ведение хозяйства, выдав главному прокатчику свиней, тут же забыли о них. Никто конкретно не был назначен ответственным за сохранность поголовья, что в итоге привело к падежу 16 голов²⁵.

Результаты работы подсобных хозяйств за 1942 г. были весьма скромными. Многие получали низкие урожаи в сравнении с плановыми показателями (см. табл. 4).

Таблица 4. Валовый сбор и урожайность сельскохозяйственных культур по подсобным хозяйствам ММК²⁶

Культуры	1942 г.			1944 г.		
	Валовый сбор, т	Валовый сбор в % к плану	Урожайность, ц/га	Валовый сбор, т	Валовый сбор в % к плану	Урожайность, ц/га
Зерновые	3 629,6	78,6	5,1	6 145	76,3	9
Крупяные	259,4	27,3	1,5	нет данных	нет данных	нет данных

24. МКУ «ГА» Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 10. Д. 44. Л. 147.

25. МКУ «ГА» Магнитогорска. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 162. Л. 7.

26. МКУ «ГА» Магнитогорска. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 162. Л. 10; Д. 170. Л. 5.

Картофель	1 212,9	12,3	13,3	7 425	67,1	51
Овощи	5 340,9	85,2	80,4	11 300	122,8	157

Аналогичная ситуация наблюдалась и в животноводстве. Архивные данные свидетельствуют о невыполнении большинства плановых показателей (табл. 5).

Таблица 5. План по поголовью скота в подсобных хозяйствах ММК за 1942 г.²⁷

Наименование скота	План	Фактическое наличие на 01.01.1943 г.	В % к плану
Крупный рогатый скот	3400	3200	94,1%
в т. ч. коров	1390	1300	93,5%
Свиней	1243	1272	102,3%
в т. ч. свиноматок	300	200	66,7%
Свиней на откорме	600	450	75,0%
Лошадей	425	350	82,4%

Следует отметить, что не вся выращенная в подсобном хозяйстве продукция поступала для питания работников предприятия. Подсобные хозяйства облагались госпоставками и только после их выполнения промышленные предприятия закладывали семена на следующий год, а оставшуюся часть распределяли по столовым или в счет оплаты труда рабочим совхоза и привлекаемым к сельскохозяйственному труду работникам предприятия или учащимся ремесленных училищ.

Каков же был реальный результат в столовых комбината? Август — самый сезон урожая овощей. При проверке рабочего контроля столовых завода за половину первой декады августа 1942 г. норма по доставке овощей из пригородного хозяйства была выполнена сельскохозяйственным отделом УРСа на 15%. Также проверкой было установлено, что в столовых завода в меню почти нет зелени и овощей²⁸. Общий вывод, озвученный на общезаводской профсоюзной конференции по итогам работы ОРСа: «Хозяйства продолжают оставаться хозяйствами, употребляющими для себя, а не производящими дополнительные продукты питания для трудящихся»²⁹.

Заводской комитет ММК по отчету работы подсобных хозяйств за 1942–1943 гг. отмечал, что сдача зерна по госпоставкам

27. МКУ «ГА» Магнитогорска. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 162. Л. 100б.

28. Выдумки бездельников // Магнитогорский металл. 1942. 8 августа.

29. МКУ «ГА» Магнитогорска. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 162. Л. 30б.

была произведена на 100%. Оставшийся урожай картофеля не покрывал даже потребности в семенах, поскольку из необходимых 2100 т было собрано 1800 т. Аналогичные трудности наблюдались и по остальным овощам. Урожай капусты лишь с большим трудом позволил закрыть потребность до апреля месяца, оставаясь единственным продуктом, который был в относительно достаточном количестве. Причины низкого урожая объяснялись плохим качеством семенного материала, проведением сева при недостаточной обработке земли, отсутствием удобрений на полях, обильным зарастанием сорняками, недостатком влаги из-за недостатка полива и отсутствия дождей³⁰.

На итоговой профсоюзной конференции в прениях прозвучало много критических высказываний о работе подсобного хозяйства ММК. Основные замечания включали следующие моменты: случаи посадки картофеля прямо на посевы овса, пренебрежение значимостью возделывания базовых и полезных овощей вроде лука, факты воровства молочной продукции и прочие нарушения. Один из участников конференции отмечал: «Я не агроном, но не нужно им быть, чтобы не знать, что, если корова дает литр молока, значит, ее “доят двуногие телята”». Содержалась критика и в адрес руководства завода: «...руководство комбината этому вопросу не уделяло должного внимания. Ведь директор комбината в какой-то степени отвечает за работу ОРСа, а вот даже на сегодняшнем совещании его нет»³¹.

Крайне низкие показатели сельхозпроизводства 1943 г., да и предыдущего 1942 г., осложнили ситуацию с продовольствием. Сложившиеся обстоятельства, особенно крупные задолженности по поставкам зерна, заставили уральские областные комитеты ВКП(б) в конце 1943 г. обратиться в ЦК ВКП(б) с инициативой формирования собственной продовольственной базы вблизи крупных промышленных центров региона. Основная идея заключалась в переориентации сельскохозяйственных предприятий — колхозов и совхозов — на выращивание картофеля, овощей, разведение скота и птицеводство (Корнилов, 2022: 267). В мае 1944 г. СНК СССР принял постановление, направленное на усиление продовольственной базы промышленных центров Челябинской области. Пригородная зона Магнитогорска охватывала три района: Агаповский, Верхнеуральский и Полтавский³².

Можно констатировать, что принятые правительством меры, а также накопленный на местах опыт, дали положительный эффект. Как мы видим из показателей таблицы 4, в 1944 г. наблюдался значительный рост урожайности овощей и картофеля. Если в 1942 г.

30. МКУ «ГА» Магнитогорска. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 162. Л. 11.

31. МКУ «ГА» Магнитогорска. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 162. Л. 21.

32. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 228. Л. 317–319.

урожайность картофеля с 1 га составляла 13,3 ц, овощей — 80,4 ц, то в 1944 г. эти показатели достигали 51 ц и 157 ц соответственно.

Заключение

В целом сельское хозяйство в военной экономике СССР играло вспомогательную роль, оно рассматривалось как источник необходимых материальных ресурсов для нужд промышленного сектора. Военные условия привели к ухудшению положения сельского хозяйства. Мобилизация трудоспособного населения, дефицит техники и материалов, высокий уровень налогообложения привели к снижению производительности и ухудшению качества продукции. Челябинская область и г. Магнитогорск, в частности, представляют собой яркий пример негативных тенденций, характерных для большинства регионов СССР. Несмотря на значительный промышленный потенциал региона, состояние сельского хозяйства здесь также ухудшалось вплоть до конца войны. Только начиная с 1944 г. происходит укрепление материально-технической базы, снижение налоговой нагрузки и создание пригородных зон вокруг промышленных центров, благодаря чему удалось остановить падение сельскохозяйственного производства и начать процесс его восстановления.

Руководство страны не разрабатывало планов обеспечения продовольственной безопасности на случай войны. Поэтому пошло стандартным инерционным путем: взяло на себя функцию обеспечения минимального уровня выживания через возврат к нормированному снабжению (карточная система) и перевод населения на самообеспечение через возрождение системы подсобных хозяйств и индивидуального огородничества. Система выстраивалась на местах путем проб и ошибок в течение достаточно длительного времени.

Сотрудничество промышленных предприятий с аграрным сектором, безусловно, не приносило экономической выгоды и являлось вынужденной мерой, обусловленной условиями военного времени. Рассматривая этот аспект, важно учесть, что каждое промышленное предприятие являлось не только производственной единицей, выпускающей определенный продукт, но и социальной структурой, которая должна была удовлетворять материально-бытовые потребности трудящихся. В условиях военного времени руководители предприятий старались обеспечить трудоспособное состояние рабочей силы, поддержать производственную дисциплину и предотвратить протестные настроения среди рабочих. Решить эти задачи можно было не только жесткими административными мерами и методами принуждения, но и применением инструментов материального и бытового поощрения.

Необходимо также отметить, что опыт создания подсобных хозяйств при промышленных предприятиях имеет ряд положитель-

ных моментов. Несмотря на непроработанность механизмов управления деятельностью подсобных хозяйств и принятия зачастую поспешных решений, их продукция, включая свежие овощи и мясные продукты, хотя и в небольшом объеме, все-таки поступала в рацион питания рабочих.

В условиях дефицита кадров руководство предприятия получало дополнительный рычаг управления рабочей силой, применяя дифференцированный подход к распределению имеющихся в их распоряжении материальных благ.

Спорен вопрос о рациональности использования ресурсов и усилий крупных промышленных предприятий на помощь подсобным хозяйствам, поскольку данная работа отвлекала высококвалифицированных рабочих от производственного процесса.

*М. Н. Потемкина,
Е. Л. Кожухова*
«Грядки возле цехов»: опыт металлургических заводов по самообеспечению работников продовольствием (1941–1945 гг.)

Библиография

- Арутюнян Ю. В. (1970). Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука.
- Анисков В. Т. (1979). Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне. М.: Мысль.
- Бабинцева Н. С. (ред.) (1998). Индустриализация: исторический опыт и современность. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Будников Ю. И. (2015). Укрепление материально-технической базы подсобных сельских хозяйств промышленных предприятий Урала в начальный период Великой Отечественной войны // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 15. № 1. С. 13–18.
- Гладков И. А. (ред.) (1976). История социалистической экономики СССР. Т. 5: Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. М.: Наука.
- Григорьев А. Д. (2021). Организация деятельности Отделов рабочего снабжения по оказанию помощи населению Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей — трудовой подвиг народов Поволжья. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Чебоксары. С. 156–159.
- Голдман В., Фильцер Д. (2023). Крепость темная и суровая: советский тыл в годы Второй мировой войны. М.: Новое литературное обозрение.
- Головина Е. Л. (2018). Отделы рабочего снабжения на Средней и Нижней Волге в годы Великой Отечественной войны // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сборник материалов международной научной конференции. СПб. С. 130–135.
- Зеленин И. Е. (1969). Совхозы СССР (1941–1950). М.: Наука.
- Имангалиева А. М. (2012). Профсоюзный контроль за продовольственным обеспечением рабочих и служащих Сталинградской области в 1943 — начале 1950-х годов // Вестник Пермского университета. История. № 3 (20). С. 94–100.
- Корнилов Г. Е. (1990). Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та.
- Корнилов Г. Е. (2022) Уральское село и война: аграрное развитие // Экономическая история: ежегодник. Т. 2021. С. 257–269.
- Красноженова Е. Е. (2015) Социальная поддержка рабочих промышленных предприятий Нижнего Поволжья в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 3 (44). С. 357–364.

- Лаврова И. А., Аракелян М. А., Черных И. И. (2023). Подсобные хозяйства Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. Т. 23. № 2. С. 4–7.
- Любимов А. В. (1968). Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика.
- Мельников Н. Н. (2017). Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Издательство «Сократ».
- Мотревич В. П. (2021). Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: ООО Универсальная Типография «Альфа Принт».
- Палецких Н. П. (2010). ОРСы и кооперативная торговля на Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинской государственной агроинженерной академии. Т. 57. С. 272–276.
- Потемкина М. Н., Колдомасов И. О. (2023). Производство непрофильной продукции социального назначения на оборонных предприятиях советского тыла в годы Великой Отечественной войны // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Т. 33. № 3. С. 604–613.
- Тряхов И. С. (2021). Значение подсобных хозяйств в решении продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны (на материалах тыловых городов Владимирского края) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. № 4 (73). С. 54–63.
- Чернявский У. Г. (1964). Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну. 1941–1945. М.: Наука.
- Straus K. M. (1998). *Factory and Community in Stalin's Russia: The Making of an Industrial Working Class*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Pre.

“Garden beds near workshops”: Food self-sufficiency of metallurgical plants (1941–1945)

Marina N. Potemkina, DSc (History), Professor, Department of World History, Nosov Magnitogorsk State Technical University. Prosp. Lenina, 38, Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Russia; Leading Researcher, Center for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: mpotemkina@mail.ru

Ekaterina L. Kozhukhova, PhD Student, Department of World History, Nosov Magnitogorsk State Technical University. Prosp. Lenina, 38, Magnitogorsk, 455000, Russia. E-mail: rinakozhukhova@yandex.ru

Abstract. The article considers the interaction between industrial and agricultural sectors during the Great Patriotic War. The authors focus on the ways in which factories developed subsidiary farms, organized decentralized harvesting, individual and collective gardening, and identify reasons and prerequisites for this type of management, its mechanisms, and the impact of such practices on food supply of the population. On the example of the Magnitogorsk Iron & Steel Works (MMK), a large defense enterprise, the authors consider the organizational measures taken by its management to ensure the sustainable development of agricultural units, evaluating the decisions made and the efficiency of cooperation with the agricultural sector. The authors argue that the government failed to solve the problem of food security before the war. The country's leadership demanded a transition to food self-sufficiency, so industrial enterprises had to organize independent food production by creating subsidiary farms. The lack of management mechanisms for such activities often led to low efficiency of subsidiary farms unable to have a significant impact on solving the workers' nutrition problems.

Key words: economic history of the USSR, industrial enterprises, labor supply departments, subsidiary farms of enterprises, state farms, the Urals, food supply, decentralized food sources

References

- Aniskov V. T. (1979) *Podvig sovetskogo krestyanstva v Velikoj Otechestvennoj vojne* [The Feat of the Soviet Peasantry in the Great Patriotic War], Moscow: Mysl.
- Arutyunyan Yu. V. (1970) *Sovetskoe krestyanstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet Peasantry during the Great Patriotic War], Moscow: Nauka.
- Babintseva N. S. (Ed.). (1998) *Industrializatsiya: istorichesky opyt i sovremennost* [Industrialization: Historical Experience and the Present Time], Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Budnikov Yu. I. (2015) *Ukrepление materialno-tehnicheskoy bazy podsobnykh selskikh khozyajstv promyshlennyykh predpriyatij Urala v nachalnyy period Velikoj Otechestvennoj vojny* [Strengthening the material-technical base of subsidiary rural farms of industrial enterprises in the Urals in the initial period of the Great Patriotic War]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Sotsialno-Gumanitarnye Nauki*, vol. 15, no 1, pp. 13–18.
- Chernyavsky U. G. (1964) *Vojna i prodovolstvie. Snabzhenie gorodskogo naseleniya v Velikuyu Otechestvennuyu vojnu. 1941–1945* [War and Food. Supplying the Urban Population during the Great Patriotic War. 1941–1945], Moscow: Nauka.
- Gladkov I. A. (Ed.). (1976) *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR. T. 5: Sovetskaya ekonomika nakanune i v period Velikoj Otechestvennoj vojny. 1938–1945 gg.* [History of the Socialist Economy of the USSR. Vol. 5: Soviet Economy on the Eve and during the Great Patriotic War. 1938–1945], Moscow: Nauka.
- Goldman V. Z., Filtser D. (2023) *Krepost temnaya i surovaya: sovetsky tyl v gody Vtoroy mirovoy vojny* [Fortress Dark and Harsh: Soviet Rear during the Second World War], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Golovina E. L. (2018) *Otdely rabochego snabzheniya na Srednej i Nizhnej Volge v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Labor supply departments in the Middle and Lower Volga Regions during the Great Patriotic War]. *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost (regionalny aspekt)*, Saint Petersburg, pp. 130–135.
- Grigoryev A. D. (2021) *Organizatsiya deyatel'nosti Otdelov rabochego snabzheniya po okazaniyu pomoshchi naseleniyu Chuvashskoy ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Organization of the work supply departments to provide assistance to the population of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War]. *Stroitel'stvo Surskogo i Kazanskogo oboronitel'nykh rubezhey — trudovoy podvig narodov Povolzhya*, Cheboksary, pp. 156–159.
- Imangalieva A. M. (2012) *Profsoyuzny kontrol za prodovol'stvennym obespecheniem rabochikh i sluzhashchikh Stalingradskoy oblasti v 1943 — nachale 1950-h godov* [Trade union control over the food supply of workers and employees in the Stalingrad Region in 1943 — early 1950s]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya*, no 3, pp. 94–100.
- Kornilov G. E. (1990) *Uralskaya derevnya v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [The Ural Village during the Great Patriotic War (1941–1945)], Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta.
- Kornilov G. E. (2022) *Uralskoe selo i vojna: agrarnoe razvitiye* [The Ural village and the war: Agrarian development]. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*, vol. 20–21, pp. 257–269.
- Krasnozhenova E. E. (2015) *Sotsialnaya podderzhka rabochikh promyshlennyykh predpriyatij Nizhnego Povolzhya v usloviyakh Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Social support for workers of industrial enterprises in the Lower Volga Region during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Kaspijskiy Region: Politika, Ekonomika, Kul'tura*, no 3, pp. 357–364.

- Lavrova I. A., Arakelyan M. A., Chernykh I. I. (2023) Podsobnyye khozyajstva Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Subsidiary farms of the Urals during the Great Patriotic War]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo Slavyanskogo Universiteta*, vol. 23, no 2, pp. 4–7.
- Lyubimov A. B. (1968) *Torgovlya i snabzhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Trade and Supply during the Great Patriotic War], Moscow: Ekonomika.
- Melnikov N. N. (2017) *Modernizatsiya tankovoj promyshlennosti SSSR v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny* [Modernization of the USSR Tank Industry during the Great Patriotic War], Ekaterinburg: Izdatelstvo “Sokrat”.
- Motrevich V. P. (2021) *Vklad v Pobedu: selskoe khozyajstvo Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Contribution to the Victory: Agriculture of the Urals during the Great Patriotic War], Ekaterinburg: OOO Universalnaya Tipografiya “Alfa Print”.
- Paletskikh N. P. (2010) ORSy i kooperativnaya trgovlya na Urale v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Work supply departments and cooperative trade in the Urals during the Great Patriotic War]. *Vestnik Chelyabinskoy Gosudarstvennoj Agrozhennoy Akademii*, vol. 57, pp. 272–276.
- Potemkina M. N., Koldomasov I. O. (2023) Proizvodstvo neprofilnoj produktsii sotsialnogo naznacheniya na oboronnyh predpriyatiyah sovetskogo tyala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Production of non-core social products at defense enterprises of the Soviet rear during the Great Patriotic War]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya: Istoriya i Filologiya*, vol. 33, no 3, pp. 604–613.
- Straus K. M. (1998) *Factory and Community in Stalin's Russia: The Making of an Industrial Working Class*, Pittsburgh: University of Pittsburgh.
- Tryakhov I. S. (2021) Znachenie podsobnykh khozyajstv v reshenii prodovolstvennoj problemy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah tylovykh gorodov Vladimirskogo kraja) [The importance of subsidiary farms in solving the food problem during the Great Patriotic War (based on the materials of rear cities of the Vladimir Region)]. *Vestnik Ryazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. S. A. Esenina*, no 4, pp. 54–63.
- Zelenin I. E. (1969) *Sovkhozy SSSR (1941–1950)* [State Farms of the USSR (1941–1950)], Moscow: Nauka.

Постсоветская социальная трансформация северокавказских сельских сообществ (на примере Дагестана)

И. В. Стародубровская

*Ирина Викторовна Стародубровская, кандидат экономических наук, профессор
Гуманитарной школы, Университет Нархоз. 050035, Алматы, ул. Жандосова, 55.
Казахстан. E-mail: irinavstar@gmail.com*

EDN: GWEAFK

Аннотация. Статья посвящена социальным трансформациям в сельских сообществах Дагестана. Она основывается на результатах длительного полевого исследования 18 сел разной численности, географического положения, этнического состава. Теоретической базой исследования послужила современная интерпретация модели традиционного общества, разработанной в рамках ранних модернизационных теорий. Исследование продемонстрировало, что в дагестанских селах происходят разнонаправленные социальные трансформации, при этом доминирует эмансипационный тренд: ослабляются поколенческие и гендерные иерархии, снижается влияние кровнородственных и общинных коллективностей на индивидуальный выбор, постепенно преодолевается закрытость сообществ. В то же время эффективность действия всего комплекса социальных регуляторов (адат, шариат, светское законодательство) снижается и даже на селе появляются признаки аномии, что приводит к распространению административных и силовых способов разрешения конфликтов. Ислам, в том числе его современные глобализированные формы, играет неоднозначную роль в социальных трансформациях, консервируя традиционные отношения в одних сферах и вызывая модернизационные изменения в других. В Дагестане ислам стал языком поколенческой эмансипации, но при этом привел к отказу от многих достижений советского времени в гендерной сфере. Провоцируемая распространением фундаменталистского ислама внутрисельская религиозная конфронтация сопровождалась острыми межпоколенческими конфликтами, подрывом родовой и общинной солидарности, легитимацией насилия, последствия чего ощущаются в Дагестане до сих пор.

Ключевые слова: сельское сообщество, социальная трансформация, традиционное общество, модернизация, множественность модернов, поколенческие иерархии, гендерные иерархии, ислам, Дагестан

Глубокая трансформация социальных отношений в сельских сообществах после краха социалистического строя характерна для всех государств, переживших постсоциалистический транзит. При этом на отдельных территориях она может отличаться существенной спецификой. Если речь идет о северокавказском регионе, эта специфика определяется несколькими факторами:

- более высокой традиционностью сельских сообществ в досоветское и советское время по сравнению с территориями Центральной России, меньшим влиянием на них городов;
- масштабными процессами миграции и урбанизации, оказавшими существенное воздействие на сельские и городские сообщества большинства северокавказских регионов в постсоветский период;
- значительной ролью в происходящих в сельских сообществах процессах не только западной, но и исламской глобализации.

Подобные особенности позволяют рассматривать социальную трансформацию северокавказских сельских сообществ как особый объект исследования не только с географической, но и с содержательной точки зрения. Встает вопрос о теоретической рамке, которая может использоваться в подобном анализе, о влиянии культурных особенностей на ситуацию в селах, об общности и различиях трансформации в разных типах сообществ. Ответам на эти вопросы было посвящено полевое исследование северокавказских сельских сообществ, положенное в основу настоящей статьи.

Хотя исследование охватывало различные северокавказские республики, в данном случае его объект — сообщества Дагестана. Дагестан является самым крупным северокавказским регионом, сохранившим многообразие системы сельского расселения (сельские сообщества сохранились не только на равнине, но и в горах) и институциональных моделей. Для него в полной мере характерны указанные выше особенности сельских сообществ. И, что немаловажно, Дагестан являлся наиболее детально исследованной автором территорией, где «входы» в сельские сообщества были достаточно многочисленны и разнообразны. Более широкий охват северокавказских регионов потребовал бы подробного анализа различий в их социальной организации, что затруднительно осуществить в рамках одной статьи.

Теоретические подходы к исследованию

Задача изучения социальной трансформации в сельских сообществах требует определения теоретической рамки, подходящей для подобного анализа. Наиболее популярной после Второй мировой войны моделью, описывающей подобные процессы, выступила теория модернизации — предлагаемый западными учеными путь к современности для постколониальных стран, альтернативный социализму. В основу этой модели было положено разделение на традиционные и современные общества, каждое из которых описывалось набором универсальных взаимоисключающих характеристик. При этом признаки современных обществ в сильно идеализированном виде были списаны с западных стран, в первую очередь с США, тогда как характеристики традиционных обществ во многом конструировались «от противного» — «определение “традиции”

формулировалось не на основе наблюдений, но скорее как гипотетическая антитеза “модерну”» (Tipps, 1973: 212). Традиционные общества, в противоположность современным, считались статичными, характеризовались незначительным разделением труда, низким уровнем урбанизации и грамотности, отсутствием культурной динамики. Единственный предлагавшийся вариант преодоления отсталости сводился к вестернизации, то есть к отказу от традиций и движению в направлении западной модели, даже если это вызывало противодействие населения (Eisenstadt, 1973; Gilman, 2003).

Однако обещанным светлым перспективам модернизации не суждено было воплотиться в жизнь. «Вместо эволюции в направлении свободной конкуренции и демократии наблюдается “эрозия” демократии и тенденция к установлению автократических военных или однопартийных режимов. Вместо стабильности мы видим перевороты и мятежи. Вместо объединяющего национализма и строительства нации — непрекращающиеся этнические конфликты и гражданские войны. Вместо институциональной рационализации и дифференциации нередко происходит распад административных организаций, унаследованных от колониальной эпохи, ослабление и разложение политических организаций, сформировавшихся в ходе борьбы за независимость» (Хантингтон, 2004: 87–88). Последствия внедрения модернизационной модели не только ужаснули самих ее авторов, которые заговорили о срывах модернизации, но и вызвали широкие общественные протесты. Так, война США во Вьетнаме напрямую связывалась с реализацией модернизационной парадигмы. Усиливалась критика теории модернизации как слева, где ей противопоставлялась теория зависимости, утверждавшая, что слаборазвитость постколониальных государств навязана им искусственно, так и со стороны неолибералов, отвергавших социальную инженерию и делавших ставку на рыночные стимулы (Gilman, 2003).

Нельзя сказать, что теория модернизации полностью сошла со сцены. Ее современные варианты связаны с представлениями о множественности модернов (Eisenstadt, 2003; Gaonkar, 2001). Модернизация теперь трактовалась как ответ на вызовы современности, который не должен быть единообразным и зависит от конкретных особенностей того или иного общества. Традиции стали рассматриваться не как барьер на пути модернизации, а как резервуар ресурсов и практик для ее осуществления. Само понятие современности резко расширилось: «Даже выбор в пользу защиты традиций может быть понят как современная адаптация к настоящему — модерн» (Robinson, 2006: 21). При этом, отказываясь от многих недостатков прежних подходов, теория множественности модернов не смогла, как представляется, преодолеть кризис модернизационной теории. Это связано с неопределенностью содержания ключевых категорий — традиция, модерн, модернизационной переход — что существенно затрудняет ее использование для анализа процессов социальной трансформации.

Однако чтобы окончательно определиться с потенциалом модернизационных теорий для исследования социальных трансформаций, необходимо обратить внимание еще на один ее вариант. Противопоставление традиционного и современного общества и изучение перехода от первого ко второму началось гораздо раньше середины XX века. Эта проблематика была в центре ранних социологических теорий, хотя термин «модернизация» тогда еще не использовался. Впоследствии четкого разграничения между более ранними и более поздними теориями модернизации не проводилось. Между тем их отличия достаточно существенны. С одной стороны, ранние модернизационные теории не рассматривали процесс модернизации как рецепт всеобщего счастья. Более того, разрушение традиционных регуляторов ассоциировалось с социальным неблагополучием. Подобный подход позволил гораздо полнее, чем в более поздних теориях, выявить проблемы и конфликты модернизационного перехода. С другой стороны, ранние теории во многом основывались на социологических исследованиях современной им действительности или во всяком случае на наблюдениях за происходящим, а не на идеологизированных умозрительных конструктах.

Исходным пунктом ранних модернизационных теорий выступает модель традиционного общества (называемого по-разному — общность, народное общество и т.п.), формирование которой связывают с именами Ф. Тенниса, Э. Дюркгейма, Р. Редфилда (Теннис, 2002; Дюркгейм, 1996; Redfield, 1940, 1947, 1953). Эти ученые опирались на разную информационную базу: Теннис и Дюркгейм — в первую очередь на европейский опыт, Редфилд проводил антропологические исследования в Центральной Америке. Они не всегда совпадали в теоретических подходах: для Тенниса традиционное общество характеризуется органической солидарностью, для Дюркгейма же органическая солидарность присуща современному обществу с развитым разделением труда. Тем не менее характеристики традиционного общества в их работах во многом схожи и в чем-то взаимодополняемы. Тем самым их можно представить в обобщенном виде, не акцентируя различия. В этом случае специфика традиционного общества сводится к следующему:

- «совершенное единство человеческих воль» (Теннис, 2002: 16), растворение личности в коллективе, несформированность индивидуальности как таковой;
- первичность кровнородственных связей, формирующих каркас, на основе которого происходит систематизация и категоризация всех других отношений;
- пространственная локализация традиционных отношений — дом, деревня, город (у Тенниса), в отличие от большого города как воплощения модерна, либо совокупность небольших изолированных сообществ (у Редфилда), не затронутых городской цивилизацией (без разделения городов на традиционные и современные);

- личностный, персоналистский характер социальных отношений;
- возрастное и гендерное разделение труда; наличие жестких возрастных и гендерных иерархий; престиж и власть старшего поколения — носителей знаний и опыта (что особенно важно в бесписьменных культурах);
- особое место фигуры отца, позиция которого задает общую модель отношений господства-подчинения;
- социальная замкнутость, жесткое разделение на своих и чужих;
- статичность, связанная с отсутствием рациональных мотиваций и анализа альтернатив, восприятие устоявшихся действий как вытекающих из природы вещей; регулирование поведения и статуса человека традициями и обычаями, жесткой системой норм, базирующейся на распространенных в обществе верованиях; фиксация социальных ролей;
- особая роль стыда (у Тенниса) и страха (у Дюркгейма) как базовых регуляторов человеческого поведения.

Обращает на себя внимание, что ранние теоретики модернизации сосредоточились на характеристике исходной точки модернизационного перехода, связанной с сельскими сообществами. Однако в их работах сложно найти понимание того, как выглядит «современность» в сельской местности. Редфилд рассуждал о влиянии городов, а также развитых городских цивилизаций на «народное общество», в результате чего возникают крестьянские сообщества, отличающиеся от примитивных, однако ограничивался обсуждением отдельных кейсов. Теннис вообще говорил о том, что с разрушением общности страны «становятся похожими на единственный крупный город» (Теннис, 2002: 370). То есть модерн рассматривался как некая универсальная противостоящая традиции культура, распространяющая принципы городской жизни на все сообщества, без выделения специфики городских и сельских территориальных образований.

Теория традиционного общества вызвала разностороннюю критику — за недоучет разнообразия и динамизма реальных домодерных обществ; за европоцентричный, колониальный подход (Lewis, 1973; Tipps, 1973). Ставилась под вопрос и корректность проведенных ранними теоретиками модернизации исследований. Частично эту критику можно считать обоснованной. Действительно, даже используемая некоторыми из ранних социологов терминология — примитивные общества, варварство и цивилизация — явно не соответствует по меньшей мере современным этическим стандартам. Частично же она отражала непонимание методологии ранних исследователей модернизации. Так, для Редфилда его описание примитивных обществ, имевшее на первый взгляд много общих черт с моделью традиционного общества в более поздних модернизационных теориях, представляло не универсальную их характеристику, но идеальный тип, который основывался на выделении того, что объединяет эти общества и одновременно отличает от характеристик город-

ской жизни. При этом он признавал, что конкретные общества могут существенно отличаться от идеального типа. Более того, Редфилд и даже Теннис не считали традиции и модерн полностью взаимоисключающими, оба отмечали, что элементы традиционного общества сохраняются и при переходе к городской цивилизации.

Если же говорить о более современных исследованиях домодерных социумов, то на их основе скорее можно сделать вывод не об отказе от подходов, характерных для ранних теорий традиционного общества, но об уточнении сферы, регулируемой характерными для него отношениями.

Во-первых, было более четко определено, что эти отношения свойственны не обществу в целом, а той его сфере, которая связана с первичными, низовыми ячейками — семьей, родом, территориальной общиной. Полезным для понимания того, как сочетается теоретическое представление о стабильности традиционных обществ с характерными в реальности для домодерных социумов масштабными изменениями, является предлагаемое А. Джонсоном и Т. Эрлом их разделение на две подсистемы — экономику жизнеобеспечения и политическую экономику. Первая ориентирована на удовлетворение базовых потребностей, вторая строится на основе перераспределения властной элитой прибавочного продукта. Эти подсистемы различаются в том числе и свойственной им динамикой. «В то время как экономика жизнеобеспечения, возникшая на базе домохозяйства, остается удивительно стабильной и преемственной, динамика политической экономики приводит к разительным изменениям в ее природе» (Джонсон, Эрл, 2017: 49–50). Сдвиги в «политической экономике» далеко не всегда автоматически ведут к трансформации модели жизнеобеспечения, а когда это происходит, последняя имеет высокий потенциал регенерации. Очевидно, характеристики традиционного общества приложимы в первую очередь к тому, что авторы называют сферой жизнеобеспечения.

Во-вторых, создается впечатление, что модель традиционного общества характерна для домодерных социумов не на всех стадиях развития. Она свойственна оседлым сообществам, проживающим в устойчивых поселениях, и характеризует в первую очередь «крестьянский мир». Такой вывод напрашивается из анализа кейсов, рассматриваемых Джонсоном и Эрлом. Эволюция поколенческих и гендерных отношений в направлении установления жестких иерархий применительно к Северному Кавказу рассматривается также в работах Юрия Карпова (Карпов, 1996: 2001), который связывает усиление доминирования старших («революцию стариков») у горцев Кавказа «с переходом к земледельческому хозяйству и сопряженными с ним формами культа предков» (Карпов, 1996: 138), а переход от гендерного параллелизма к мужскому господству — еще и с ролью военных набегов в жизнедеятельности горских обществ.

Наконец, в-третьих, некоторые характеристики традиционного общества в ранних социологических теориях действительно оказа-

лись ошибочными. Так, в них явно преувеличивалась замкнутость родов и общин, стремление к минимизации связей с «внешним миром». Джонсон и Эрл демонстрируют, что стремлению к замкнутости противостоит тенденция к открытости и выходу за рамки кровнородственной и локальной группы. Этому способствуют культурные нормы и правила надлежащего поведения, приводящие к тому, что «люди способны общаться с дальними родственниками и чужаками с уважением или заботой в той же мере, что и с близкими родственниками» (Джонсон, Эрл, 2017: 48). Наиболее распространенными институциональными механизмами преодоления замкнутости в зрелых домодерных социумах эти авторы считают брак и долг.

Представляется, что в подобной интерпретации теория традиционного общества вполне может использоваться в анализе социальных трансформаций в сельских сообществах. Особенно с учетом специфики положения этих сообществ и их взаимосвязей с городами в регионах Северного Кавказа, в частности в Дагестане.

Особенности пространственной и социальной организации в Дагестане

Для понимания современной ситуации в сельских сообществах Дагестана необходимо обозначить их специфику в двух отношениях — по сравнению с другими северокавказскими регионами и по сравнению с сельскими территориями Центральной России.

В досоветское время основные характеристики традиционного общества на Северном Кавказе — поколенческие и гендерные иерархии, доминирующая роль кровнородственных и общинных коллективностей, стремление к замкнутости и противостоящая ему тенденция к открытости (реализовывавшаяся в первую очередь через институт куначества) — в целом успели сформироваться. По свидетельству исследователей, в регионе сложился «относительно единообразный порядок подчинения женщины мужчине, детей — родителям, младших — старшим» (Смирнова, 1983: 32). При этом «положение человека определялось тем, к какому клану он принадлежал» (Бобровников, Бабич, 2007: 69), а чужаки в большинстве случаев не могли стать полноправными членами общины. Однако дагестанские сельские сообщества — джамааты — исторически отличались определенными особенностями.

Во-первых, для Дагестана, в отличие от других северокавказских территорий, была характерна эндогамия — общинная или даже родовая. Кросскузенные браки считались допустимыми, браки между троюродными до сих пор воспринимаются как норма. Перспектива создания семьи с выходцами из других территорий во многих местах по-прежнему вызывает отторжение.

Во-вторых, общинные отношения доминировали над кровнородственными, в джамаатах «преобладали соседские, общинные связи

и взаимные обязательства» (Карпов, Капустина, 2011: 21). Это происходило в том числе и потому, что рода (тухумы) были относительно немногочисленны и не выходили за рамки общин. В так называемых «открытых» обществах, стремившихся привлекать население, тухумы вообще могли носить административный характер: новые жители включались в существующие родовые структуры, где лишь ядро сохраняло кровнородственные связи (Агларов, 1988).

В-третьих, надобщинные протогосударственные образования сформировались лишь на части территории Дагестана, но и там им приходилось считаться с правами джамаатов. В горном Дагестане возникла система так называемых «вольных обществ» — горизонтальных структур, объединяющих отдельные общины. В свою очередь, эти вольные общества формировали союзы, в результате чего сложилась уникальная территориальная система, не имевшая аналогов на Северном Кавказе.

В-четвертых, ислам, имевший в Дагестане глубокие корни, играл особую роль в жизни сельских сообществ, хотя, как и в других северокавказских регионах, они управлялись на основе сочетания традиционных и исламских норм. Попытки лидера антироссийского сопротивления в Кавказской войне — имама Шамиля (1797–1871) — нивелировать влияние традиций и построить централизованное шариатское государство не имели успеха, Российская империя активно поддерживала возврат к прежним, дошамилевским моделям организации жизни. Тем не менее влияние шамилевских реформ на дагестанские джамааты не поддается однозначной интерпретации. Некоторые исследователи считают, что после Шамиля все действительно вернулось на круги своя (Агларов, 1988), другие же утверждают, что эти реформы исламизировали правовую культуру Дагестана (и Северного Кавказа в целом), существенно уменьшив роль обычаев (Zelkina, 2000).

Начавшаяся после отмены крепостного права в Российской империи социальная модернизация в гораздо меньшей мере затронула Дагестан, чем территории Центральной России. Хотя развивающаяся транспортная инфраструктура способствовала активизации коммерции, на его территории не сформировалось значимых городских центров. Численность наиболее крупных городов Дагестана — Дербента и Порт-Петровска (будущей Махачкалы) — по переписи 1897 года составляла, соответственно, 14,6 и 10 тыс. человек (Гозулов, 1929: 125). Заметим, что к этому моменту Москва и Санкт-Петербург уже были миллионниками, а Ростов-на-Дону преодолел сотысячную отметку. При этом специфика урбанизации в регионе не ограничивалась отставанием масштабов. Отличался сам процесс складывания городского населения. «Формирование это шло не за счет миграции в города местного горского или казачьего населения, а за счет миграции населения из Европейской России» (Бобровников, Бабич, 2007: 241). В Порт-Петровске доминировали русские, немало было евреев и татов. В Дербенте велика была

доля персов. В подобных условиях города не оказывали существенного модернизирующего влияния на сельскую местность, периферия во многом оставалась традиционной.

Советская модернизация оказала значительное влияние на организацию жизни в дагестанских сельских сообществах. Можно выделить как негативные ее аспекты — целенаправленную борьбу с «пережитками родового быта» и их носителями, подвергавшимися репрессиям; насильственные переселения, в частности горцев на равнину, — так и позитивные: развивалось светское образование, усиливалась женская эмансипация, в некоторых сообществах активизировалась социальная мобильность. Медленно и фрагментарно, но все же происходила потребительская, бытовая модернизация. Аулы постепенно благоустраивались, даже в горах появлялось электричество, создавались клубы, библиотеки, магазины.

Однако воздействие советской модернизации было чрезвычайно неравномерным. Она в наибольшей мере затронула те села, которые изначально поддерживали новый строй, а также наиболее доступные территории, и далеко не в полной мере распространялась на отдаленные высокогорные селения или замкнутые, в том числе переселенческие, общины в предгорьях и на равнине. Во многих сельских сообществах продолжалась скрытая от властей жизнь со своими лидерами и институтами. Нельзя недоучитывать и то, что сама советская модернизация была социально консервативной, сочетавшей техническое развитие с «консервированием многих основополагающих традиционных институтов и ценностей и опорой на них» (Вишневский, 2010: 36). Иными словами, обычаи и советские нормы далеко не всегда конфликтовали, они могли вполне «мирно сосуществовать» и переплетаться. Так, те же колхозы воспроизводили близкую кавказцам коллективистскую форму организации жизни. Высказывалось даже мнение, что некоторые традиционные установления в советское время укрепились: «коллективизация и раскулачивание, как это ни покажется парадоксальным, оказались шагом к укреплению традиционной джамаатской социальной структуры» (Кисриев, 2004: 39).

В регионе шел рост городов. Численность столицы Дагестана Махачкалы выросла с 34 тыс. человек по переписи 1924 года до 119,3 тыс. в 1959-м и 314,8 тыс. в 1989-м. В позднесоветский период здесь стали активнее селиться представители местных этносов: по данным переписей, с 1959 по 1989 год доля аварцев выросла с 5,8 до 19,1%, даргинцев — с 5,3 до 11,1%, лакцев — с 5,1 до 11,5%; доля русских снизилась с 51,6 до 21,5%. Однако города оставались достаточно замкнутыми сообществами со своей современной для советского времени культурой, в которую сельские мигранты в тот период вполне органично вливались. И эта культура по-прежнему не оказывала существенного влияния на окружающие сельские территории.

Границы между селом и городом были окончательно сломлены лишь в ходе постсоветской трансформации. Массовый отъезд жителей крупных городов из Дагестана сопровождался наплывом туда

сельчан. Статистика численности городского населения не очень надежна, а вот сдвиги в этнической структуре прекрасно иллюстрируют произошедшие изменения. Так, по переписи 2010 года в Махачкале доля русских составляла лишь 6,3%, в то время как аварцев — 26,2%, даргинцев — 15,5%. Урбанизация затрагивала культуру не только городских, но и сельских сообществ, провоцировала ее эволюцию. Значимо было влияние и других факторов. В условиях развития рыночных отношений богатство как критерий статуса стало успешно конкурировать с традиционным авторитетом. Масштабные миграции, не ограничивавшиеся переездом в дагестанские города, разрушили обособленность местных сообществ и ощущение безальтернативности их устройства, привнесли понимание многообразия ценностей, идеологий и образов жизни. Интернет привел глобальный мир в каждый дом. Социальная трансформация сельских сообществ Дагестана именно в этот период является предметом анализа настоящей статьи.

Характеристика исследования

Статья основана на этнографической работе в 18 дагестанских сельских сообществах. В 13 селах было проведено полноценное исследование, охватывающее все стороны местной жизни. В остальных пяти исследование было менее масштабным, однако в них удалось выявить важные для понимания процессов социальной трансформации характеристики, не в полной мере представленные в основной выборке. Они также дополняют основную выборку с точки зрения свойственного Дагестану разнообразия типов сельских сообществ. Характеристики 13 сел основной выборки представлены в таблице 1. Дополнительная выборка включала такие села, как Тинди (Цумадинский район, аварцы (багвалинцы)); Советское (Магарамкентский район, Юждаг, лезгины); Тухчар (Новолакский район, лакцы, аварцы, чеченцы); Калининаул (Казбековский район, аварцы и чеченцы); Рича (Агульский район, агульцы).

Таблица 1. Характеристика основной выборки сельских сообществ в рамках проведенного исследования

Название села	Численность населения*		Географическое положение	Муниципальный район	Основной этнос (субэтнос)	Годы исследования	Число информантов**
	2010	2021					
Карата	4153	5093	горы	Ахвахский (районный центр)	аварцы (каратинцы)	2014, 2022	27
Со-гратль	2360	2761	горы	Гунибский	аварцы	2015–2016	15

Квана- да	1388	1116	горы	Цумадин- ский	аварцы (багва- линцы)	2012– 2013 2017– 2020 2023	22
Хотода	921	1037	горы	Шамильский	аварцы	2014	15
Кумух	1930	2284	горы	Лакский (районный центр)	лакцы	2015– 2016	12
Тпиг	2730	2814	горы (Юждаг)	Агульский (районный центр)	агульцы	2017	20
Кубачи	3060	3049	горы (Юждаг)	Дахадаев- ский	даргин- цы	2013, 2015, 2022	20
Кара- будах- кент	15 365	20 710	предго- рья	Карабудах- кентский (районный центр)	кумыки	2015– 2016	15
Доргели	5783	8375	предго- рья	Карабудах- кентский	кумыки	2015– 2016, 2022	22
Губден	8627	10 135	предго- рья	Карабудах- кентский	даргин- цы	2013– 2017	18
Ха- джал- махи	6187	7429	предго- рья	Левашин- ский	даргин- цы	2013– 2016	21
Сивух	3313	4567	равнина	Хасавюртов- ский	аварцы (кара- тинцы)	2022– 2023	29
Ново- сасит- ли	1791	2345	равнина	Хасавюртов- ский	аварцы (багва- линцы)	2013, 2014– 2016, 2022	11

* Официальная статистика Росстата по численности населения не всегда достоверна.

** В число информантов не включены участники фокус-групп со старшеклассниками, проведенных в селах Карата, Согратль, Кумух, Тпиг, Кубачи, Карабудах-кент, Доргели, Сивух.

Представленная выборка характеризуется существенным разнообразием. В нее входят сельские сообщества разной численности — от примерно 1 тыс. человек до более 20 тыс.; разного административного статуса — 4 села являются районными центрами; расположенные в горах, в предгорьях и на равнине. Несколько сел

находятся в Южном Дагестане, значительно отличающемся с точки зрения институциональной организации — в целом здесь разложение как традиционных, так и исламских регуляторов в советское время зашло существенно дальше, чем на других дагестанских территориях. С точки зрения этнической принадлежности сельчане относятся к аварцам (в том числе нескольким аварским субэтносам), даргинцам, кумыкам, лакцам, табасаранцам. В дополнительной выборке присутствуют также лезгины и чеченцы-аккинцы. Тухчар и Калининаул являются селами, объединяющими несколько этнических общин, состоящих в достаточно конфликтных отношениях.

Выбранные для исследования сообщества различаются и по другим характеристикам, в частности:

- *Влияние советской модернизации.* Если образ жизни в Кубачах, Тпиге, Кумухе ощутимо изменился в советское время, то ряд так называемых «закрытых» сел (Кванада, Губден), где жители пытались сохранять обособленность, не стремились к образованию и вертикальной мобильности, смогли в гораздо большей мере законсервировать традиционные отношения. Были и села (Тинди), где произошла социальная фрагментация — различные группы жителей ориентировались на разные ценности и жизненные стратегии.
- *Острота постсоветского кризиса.* В некоторых сообществах (Карабудахкент, Сивух) постсоветская трансформация проходила очень болезненно, тогда как другие (Доргели, Хаджалмахи) не испытывали столь серьезных потрясений, в том числе и благодаря функционировавшей в советское время теневой экономике. В случае Кубачей кризис «догнал» сельское сообщество уже в 2000-е годы.
- *Наличие и глубина религиозных конфликтов.* В выборке присутствуют села, для которых в постсоветское время было характерно противостояние между религиозной и светской частью сообщества и/или между разными религиозными группами (Согратль, Карата, Советское), доходившее до масштабного применения насилия внутри либо вовне села (Кванада, Губден, Хаджалмахи, Новосаситли). В других сообществах этот конфликт был менее выражен в результате достижения согласия между представителями разных исламских взглядов на его ранней стадии (Тинди), либо сохранения доминирования так называемого «традиционного ислама» (Сивух, Хотода, Доргели), что нередко сопровождалось «переездом» конфликта вместе с его носителями в города.

Исследование проводилось в течение достаточно длительного времени. Наиболее интенсивно полевая работа проходила в 2013–2016 годах, хотя, например, изучение села Сивух осуществлялось уже в 2020-е. В 2022–2023 годах также была актуализирована информация по ряду ранее исследованных сельских сообществ. В ходе исследования автор стремилась обеспечить поколенческий

и гендерный баланс информантов, но это удавалось не всегда. Так, в наиболее закрытых сообществах доступ к информантам-женщинам был чрезвычайно затруднен, причем это не зависело от гендерной принадлежности исследователя. В большинстве сел также наблюдался сдвиг в сторону более образованных информантов. По возможности в селах организовывались дискуссии со старшеклассниками. Наряду с сельскими жителями в исследование были включены выходцы из сел в городах Дагестана и других российских регионов, в отдельных случаях — также и в других странах.

Методология исследования строилась на теоретических основах, рассмотренных в первом разделе статьи. Сельские сообщества анализировались по единой структуре, отражающей базовые характеристики традиционного общества и их трансформацию. В каждом из изученных сел выявлялись следующие параметры:

- жизненные стратегии сельских жителей;
- состояние и эволюция поколенческих иерархий;
- состояние и эволюция гендерных иерархий;
- роль и эволюция кровнородственных отношений;
- характер и эволюция отношений в местном сообществе;
- степень и динамика закрытости/открытости;
- динамика религиозной ситуации;
- характерные для сообщества социальные регуляторы.

В целом подобный анализ позволял отразить степень разложения и направления эволюции традиционных отношений в постсоветский период в рамках семьи, рода и общины — основных точках их пространственной локализации. При этом акцент делался именно на тех отношениях, которые связаны с базовыми чертами традиционного общества. Так, в рамках семьи рассматривались в первую очередь иерархии, хотя не все традиционные семейные отношения носят иерархический характер. В центре внимания были не традиции-ритуалы (традиционные нормы вежливости), которые в целом достаточно устойчивы, но динамика сущностных характеристик: эволюция иерархий и регуляторов, соотношение коллективности/индивидуализма, ситуация с барьерами свой/чужой.

Те черты традиционных отношений, которые приписывались им в ранних модернизационных теориях, в каждом случае проверялись опытом сельского сообщества. Выявлялась эволюция этих отношений за как можно более длительный период, для чего в исследование вовлекались представители старшего поколения, местные краеведы. Привлекалась также научная и краеведческая литература, публикации в СМИ и социальных сетях. Подобный анализ выявил отсутствие существенных отклонений реально существовавших в прошлом институциональных отношений в сельских сообществах (или во всяком случае представлений о них) от используемой модели традиционного общества и тем самым адекватность применяемого подхода для изучения социальной трансформации в сельском Дагестане.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о высокой фрагментации социальных отношений в сельских сообществах Дагестана: в различных селах и даже в отдельных семьях в одном сообществе ценности и ориентиры могут существенно различаться. При этом декларации о незыблемости традиционных основ жизни нередко не соответствуют реальным практикам. Более подробное рассмотрение результатов по отдельным направлениям исследования демонстрирует следующее.

Что касается поколенческих иерархий, то здесь картина очень пестрая. Где-то они сохраняются практически в неизменном виде: родители, пока живы, осуществляют достаточно мелочный контроль даже за взрослыми детьми. *«Я, например, и мой старший брат, я и мои родители... Я, какой бы старший ни был, какой бы взрослый ни был, они взрослее меня... Отец, например, есть здесь у нас, с нами живет здесь. Отец сказал мне — сиди. Сижу. Все»*¹ (муж., сред. возр., 2014). Где-то поколенческие отношения претерпели серьезные изменения: *«Папа, лучше молчи, отстаешь от жизни! — Приходится молчать»* (муж., стар. возр., 2015). Однако наиболее распространенный вариант находится между этими крайностями — представители разных поколений стремятся договориваться и находить взаимоприемлемое решение. *«Сейчас родители учитывают тоже мнение своих детей. Нету такого, чтобы насильно куда-то учиться отправляли или замуж выдали. Редко такое»* (муж., мол. возр., 2017). При заключении брака, например, во многих сообществах действует правило «двух ключей» — молодые должны добровольно согласиться на брак (что раньше требовалось далеко не всегда), при этом их выбор должен устраивать старших.

Не получило подтверждение представление о том, что старшие во всех случаях отстаивают поколенческие иерархии, а младшие стремятся им противодействовать. Даже если родители сохраняют возможность определять судьбу своих детей, они далеко не всегда пользуются этим правом — не хотят брать ответственность. И если молодой человек (или даже девушка) категорически настаивают на решениях, не противоречащих конвенциональным жизненным моделям, родители вряд ли будут жестко противодействовать. *«Мать разясняет, отец разясняет, соседи разясняют, родные и близкие разясняют ему... Нет — тогда родители соглашаются и дружно живут. Что делать? Другого выхода же нету»* (муж., сред. возр., 2015). Однако бывает, что сами молодые не готовы самостоятельно определять свое будущее и вполне

1. Курсивом выделены цитаты из интервью; в целях обеспечения анонимности информантов название села, где проводилось интервью, не указывается.

могут передоверить старшим выбор вуза, поиск невесты, устройство на работу.

При этом общий тренд явно носит эмансипационный характер. Молодые лучше вписываются в современную жизнь, разбираются в современных реалиях. На этой основе формируется межпоколенческий разрыв, который рефлексруется и старшими, и молодыми. При этом обе стороны нередко формулируют свои мысли в терминах потерянного поколения. Старшие о молодежи: *«А вот получилось сразу эти девяностые годы. Не было армии. Не было учебы. Вот мы потеряли целое поколение... Вдруг вот этот миллионерный совхоз, в который каждый день идут на работу, — и все, ничего нету. Вот потерялись люди. Люди в полном смысле потерялись»* (жен., стар. возр., 2015). Молодежь о старших: *«Старшее поколение... все сходятся на мнении, что потерянное поколение, так сказать... они в этом коммунизме своем где-то там замкнулись... Вот этот разрыв между поколениями очень сильно ощущается. Просто на разных языках»* (муж., мол. возр., 2015). Подобный межпоколенческий разрыв в определенных условиях может перерасти в острый межпоколенческий конфликт.

Гендерные иерархии также подвергаются достаточно существенной трансформации, причем здесь действуют разнонаправленные тенденции и наблюдается широкая дифференциация, в том числе между разными семьями в одном сообществе. В целом более распространенным стало получение девушками высшего образования. Считается, что они должны быть готовы самостоятельно зарабатывать на жизнь, поскольку перспектива развода вполне реальна. *«Если вдруг не будет мужа, женщина должна растить детей, вести хозяйство, для этого надо в современном сейчас мире образование»* (жен., сред. возр., 2015). При этом образовательная миграция до сих пор затруднена. *«Если у них есть родственники в городе, если у них есть знакомые в других городах и близкие люди, туда едут, там учатся. Если нет — в основном заочно учатся»* (муж., сред. возр., 2014). Как правило, дочь не выдают замуж без ее согласия, и если отношения с мужем не складываются, родители нередко готовы принять ее обратно. *«Раньше терпели. Девочке говорили — сиди. Вот ты замуж вышла, все, терпи. Все. А сейчас этого нету»* (жен., сред. возр., 2017).

Однако консервативный поворот в гендерных отношениях также ощущим. В советское время, например, достаточно типичным для женщины было работать в общественном секторе. Сейчас в ряде мест в этом вопросе наблюдается откат. Есть села, где ситуация, когда муж запрещает работать даже жене с высшим образованием, достаточно распространена. В целом сохраняется гендерное разделение труда, причем вне зависимости от степени занятости женщины. В выборке присутствуют села, где девушки в основном не учатся после 9-го класса (или их забирают даже раньше) и рано выходят замуж; где возможно замужество без учета мнения девуш-

И. В. Стародубовская

Постсоветская социальная трансформация северокавказских сельских сообществ (на примере Дагестана)

ки (формально согласие спрашивают, но случаев отказа не бывает); где информанты могут упоминать о фактах насилия в отношении женщин даже в собственных семьях. В то же время имеются и противоположные примеры, когда девушки уезжают учиться за границу, предпочитают семье карьеру или выходят замуж за иностранца. И хотя такие практики, очевидно, достаточно редки, они подтверждают разнообразие гендерных отношений в сельском Дагестане.

Если оценивать роль «коллективностей», в которых, в соответствии с теорией традиционного общества, растворяется личность, она явно снижается в отношении и кровнородственных структур, и местных сообществ. Значение тухумов, раньше игравших ключевую роль в управлении семьями и сообществами, формировавших основу сетей солидарности и поддержки, падает практически повсеместно. *«Это все размылось, это все смешалось, перемешалось, тухумы перемешались. Это раньше было такое — ...живут они там, общее, старшие там... А сейчас такого нету»* (муж., сред. возр., 2022). Нередко приходилось слышать, что тухум — это то, чем можно гордиться, но никакого реального воздействия на жизнь он не оказывает. Две попытки в исследованных селах возродить построенные по тухумному принципу органы управления с разных сторон характеризуют сложившуюся ситуацию. В одном случае попытка провалилась — стало ясно, что структурирование сообщества идет скорее на основе религиозных различий. В другом она удалась, но фактически представляла собой «изобретение традиций» — выяснилось, что сельчане даже не очень в курсе, кто к какому тухуму принадлежит. А стоявшие за ней интересы были связаны в первую очередь с легитимацией участия городских мигрантов в сельском органе управления. Способность старших в тухуме влиять на решения отдельных семей также отмирает (как максимум с ними могут советоваться), они играют в первую очередь церемониальную роль, а также участвуют в традиционном процессе примирения — *масляхате*.

Тухумы в определенной степени продолжают функционировать как сети солидарности и поддержки, что консервируется в том числе и традициями внутритухумной эндогамии. Так, члены тухума могут консолидироваться вокруг «своего» кандидата на выборах. Но это также происходит не везде — упоминались случаи, когда конкурирующими кандидатами выступали близкие родственники. Можно наблюдать и сужение круга тех, кто входит в сети поддержки. *«Близкие там, братья, двоюродные»* (муж., стар. возр., 2022). *«Ну мы с троюродными как-то не особо близко общаемся»* (жен., мол. возр., 2022).

Что касается сельских сообществ, то для многих из них, несмотря на активные миграционные процессы, по-прежнему характерна внутренняя солидарность и взаимопомощь, активное участие жителей в благоустройстве села. Это не исключает внутрисельских размежеваний и конфликтов как традиционного характера, так и осно-

ванного на постсоветских реалиях: противоречия разных клиентел и политических групп, противостояние сторонников традиционно-го и фундаменталистского ислама.

В то же время регулирующая роль сообществ явно снижается. В прошлом здесь существовала достаточно единообразная система коллективного поколенческого контроля: младшие боялись прогневить старших и не смели им возразить; любой старший мог заставить себя обслуживать и при недостаточном усердии наказывать даже чужого ребенка; семья и школа объединяли усилия в осуществлении контроля; публичное унижение и физические наказания были основными инструментами воздействия. Сейчас эти механизмы в значительной степени себя изжили — воспитание детей считается прерогативой семьи, и попытки вмешательства в этот процесс извне достаточно решительно пресекаются.

Механизмы самоорганизации также претерпевают существенную трансформацию. На место старейшин в роли ключевых игроков приходят наиболее активные члены сообщества (обычно среднего возраста); часто бизнесмены, способные обеспечить финансовую поддержку; нередко горожане. *«Когда мы приезжаем в село, мы видим там проблемы, люди делятся с нами проблемами. Мы видим, что у нас есть какой-то ресурс — политический, финансовый ресурс — для решения тех или иных проблем. Мы знаем, как правильно все организовать, потому что мы люди большей частью образованные; люди, у которых есть бизнес; люди, которые работают в органах власти»* (муж., сред. возр., 2022). Ранее безгласная молодежь также все более активно предлагает варианты решения сельских проблем и берет на себя инициативу.

Нельзя сказать, что коренным образом изменилась ситуация с закрытостью сельских сообществ и недоверием к чужакам. О джамаатах до сих пор говорят как об отдельных государствах, а о людях извне — как о выходцах из других стран. Это хорошо видно на примере брачных стратегий. *«Возьмешь вот другую [замуж] — другая есть другая, это уже чужая страна, это не наше. Какие бы мы хорошие ни были, она нашей никогда не будет»* (жен., сред. возр., 2022). В выборке немало сел, где межэтнические браки и даже браки вне сельской общины до сих пор редки и получить на них согласие молодым, особенно девушкам, достаточно трудно. *«Чаще всего у нас именно на своих женятся, выходят замуж. Традиции, уклад. Традиция осталась так»* (жен., мол. возр., 2016).

Тем не менее неохотно, сопротивляясь, но сообщества вынужденно открываются окружающему миру. *«Сегодня молодежь по-другому смотрит... Они выбирают себе, кого захотят: можно лезгинку, можно даргинку. И родители тоже не противостоят этому»* (муж., сред. возр., 2015). В наибольшей мере открытость характерна для районных центров — в них функционирует рынок жилья, а миграционные потоки во многом носят ступенча-

И. В. Стародубовская

Постсоветская социальная трансформация северокавказских сельских сообществ (на примере Дагестана)

тый характер: туда съезжаются жители окрестных деревень, а от туда идет миграция в города. *«Мы до сих пор контролировали все село, каждый свою улицу, каждый свой народ. А вот сейчас теряется этот контроль. Мы не знаем, что за эти люди, чем они занимаются. Ночью что они делают, днем что они делают»* (жен., стар. возр., 2015).

Если говорить о характерных для сельского Дагестана социальных регуляторах, то в целом подтверждаются выводы кавказоведов о наличии полиюридизма и его базовой регулятивной триады: адат (традиционное право), шариат, российское законодательство (Бобровников, 2002; Казенин, 2014). Однако необходимо отметить, что роль этих регуляторов достаточно сильно ослаблена. Это проявляется по меньшей мере в двух моментах.

Во-первых, административные и силовые методы регулирования вполне могут доминировать над традиционными и правовыми. Так, широко обсуждаемые примеры регулирования земельных отношений на основе традиций и исламских норм характерны в основном для земель, не обладающих высокой рыночной стоимостью. Распределение ценных ресурсов нередко происходит другими способами. *«Земля — это наших отцов земля. Мы считаем, что это наша собственность... Они [жители] говорят — это моего отца земля. Они знают границы определенные. А сегодня какой-то глава по своему усмотрению распределяет эти земли»* (муж., стар. возр., 2014).

Во-вторых, наблюдаются проявления правового оппортунизма, манипулирования регуляторами. То есть люди выбирают ту правовую систему, в которой, по их мнению, решение будет в их пользу. Как утверждал один из сельских глав, *«если по закону это неправильно — я скажу — они идут к имаму. Шариат — это тоже закон, исламский. Если он скажет — не прав, они идут сюда. Люди по себе ищут»* (муж., стар. возр., 2012).

Дискуссия

Что важного выявил проведенный анализ? Первый момент достаточно очевиден: представление о северокавказских сельских сообществах как застывших, архаичных, характеризующихся неизменными культурными паттернами чрезвычайно далеко от действительности. Напротив, им свойственны активные трансформации разной направленности и интенсивности.

При всем многообразии наблюдаемых изменений, основным можно считать эмансипационный тренд. Поколенческие и гендерные иерархии в целом ослабевают, индивиды все меньше ощущают давление кровнородственных и общинных структур, их возможности самостоятельного выбора жизненного пути расширяются. Этому способствует распространение рыночных отношений, повы-

шение уровня образования, миграционные и особенно урбанизационные процессы, глобализационные тренды, в целом высокая изменчивость современного мира.

В то же время нельзя сказать, что на место уходящих в прошлое традиционных отношений во всех случаях приходят какие-то новые устойчивые формы организации жизни. Возникновение нормативного вакуума, называемого в ранних модернизационных теориях аномией или дезорганизацией и считавшегося свойственным в первую очередь городам, в определенной мере наблюдается и в сельских сообществах. Правовой оппортунизм и неспособность в ряде дагестанских сел разрешать возникающие конфликты в рамках существующих юрисдикций является одним из подобных примеров, далеко не единственным.

Особую и неоднозначную роль в социальной трансформации сельских сообществ сыграло характерное для многих из них распространение глобализированного фундаменталистского ислама. В условиях ослабления традиционных регуляторов по-новому интерпретированные исламские нормы стали претендовать на роль универсальных жизненных ориентиров. *«Молодежь начала говорить: э-э-э, какие могут быть традиции, если нам прямо сказано в Коране вот это вот, какие могут быть традиции?»* (муж., сред. возр., 2017). И хотя подобные претензии фактически нигде в полной мере не реализовались, исламизация явно возросла, особенно среди молодого поколения. Это имело многообразные, как модернизационные, так и архаизационные, последствия, баланс которых разнится от сообщества к сообществу.

Начнем с того, что в Дагестане фундаменталистский ислам фактически стал языком межпоколенческого конфликта. Его сторонники отрицали свойственную традиционному обществу сакрализацию опыта предков, стремились вырабатывать собственные жизненные ориентиры. *«Если в плане вот как другие: я вырасту, построю дом там, выращу сына — в таком плане я не строю свое будущее... У меня задача — как можно больше пользы принести людям... Я вижу пользу со стороны ислама»* (муж., мол. возр., 2015). При этом старшие гораздо болезненнее относились к самостоятельному религиозному выбору своих детей, чем к их эмансипации в других сферах жизни. В сельских сообществах молодежные группы, образовавшиеся при мечетях, нередко стремились перенаправить расходы сельчан с поддерживаемых традициями расточительных ритуалов на общественно полезные дела — помощь бедным, благоустройство села — что также вызывало далеко не однозначную реакцию. Причем подобной деятельностью занимались и молодые имамы, придерживающиеся традиционного ислама.

На место нерефлексивной встроенности в наследуемые коллективности последователи фундаменталистского ислама ставили сознательный выбор идеологически близкого сообщества. Это в некоторых случаях способствовало ослаблению свойственной

И. В. Стародубовская

Постсоветская социальная трансформация северокавказских сельских сообществ (на примере Дагестана)

Дагестану эндогамии — соблюдение исламских норм при выборе пары оказывалось важнее кровнородственных связей. Сложилась даже своеобразная субкультура, ориентирующаяся на браки с представителями другой этнической группы как манифестацию глобальности исламской уммы, однако она характерна в первую очередь для городов.

Чрезвычайно противоречивое влияние оказывает фундаменталистский ислам на гендерные отношения. Прошлые исследования демонстрировали существенное его воздействие на консервативный гендерный поворот, проявляющийся в снижении возможностей для девочек получать светское образование, запрете женщинам работать и ограничении их активности лишь домом и детьми, подчиненном положении женщины в различных аспектах семейной жизни (Стародубовская, 2019). В то же время и здесь ситуация неоднозначна и зависит от интерпретации гендерных исламских норм, которая различается в разных сообществах. Она может быть и такой, как у этой девушки, недавно ставшей соблюдающей мусульманкой: *«Когда я узнала, что, на самом деле, я отвечаю за себя, я решила за себя отвечать сама... Это вот отсюда, изнутри идет. Чужому мнению я вообще не поддаюсь»* (жен., мол. возр., 2017). Для определенных трактовок фундаменталистского ислама характерна некоторая либерализация традиционных семейных отношений: дочери перестают считаться людьми «второго сорта», смягчается гендерное разделение труда, отцы начинают больше заниматься детьми. Однако подобное влияние не универсально.

В то же время с распространением фундаменталистского ислама на Северном Кавказе связана острейшая религиозная конфронтация, затронувшая в том числе и сельские сообщества. Это нередко приводило к жестким межпоколенческим конфликтам, подрыву кровнородственной и сельской солидарности, легитимации культуры насилия. Последствия подобных размежеваний в некоторых селах не преодолены до сих пор.

* * *

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Разработанная ранними теоретиками модернизации теория традиционного общества в ее современной интерпретации может использоваться для анализа постсоветских социальных трансформаций в крестьянских сообществах, в частности в сохранивших в советское время многие традиционные черты селах Дагестана.
2. Для дагестанских сельских сообществ в постсоветский период характерны активные социальные трансформации, в первую очередь эмансипационной направленности: уменьшение роли

поколенческих и гендерных иерархий, а также традиционных кровнородственных и общинных коллективностей; постепенное снижение традиционных барьеров свой/чужой; расширение возможностей самостоятельного индивидуального выбора. Однако эти трансформации идут неравномерно и противоречиво и способствуют углублению социальной фрагментации в дагестанском социуме.

3. Усиление исламской религиозности и распространение современных глобализированных форм фундаменталистского ислама в Дагестане оказывают неоднозначное воздействие на направления социальной трансформации в сельских сообществах, углубляя консерватизм и стимулируя отказ от достижений советской модернизации в одних сферах и способствуя модернизационным изменениям в других. Подобная трактовка вполне вписывается в представления, сложившиеся в рамках теории множественности модернов. Во многом воздействие ислама зависит от того, как понимаются нормы шариата в отношении светского образования, гендерных ролей, допустимости семейного насилия (разнообразие интерпретаций этих норм в рамках различных исламских течений достаточно велико), а также от степени остроты религиозного конфликта, который был характерен в постсоветский период для многих сельских сообществ Дагестана.

Библиография

- Агларов М. А. (1988). Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука.
- Бобровников В. О. (2002). Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Восточная литература.
- Бобровников В. О., Бабич Л. И. (ред.). (2007). Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение.
- Вишневский А. Г. (2010). Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Гозулов А. И. (1929). Морфология населения: опыт изучения строения основных свойств населения Сев.-Кав. края по данным трех народных переписей — 1926, 1920 и 1897 гг. Ростов-на-Дону: Сев.-Кавк. краев. стат. упр.
- Джонсон А., Эрл Т. (2017). Эволюция человеческих обществ: От добывающей общины к аграрному государству / Пер. с англ. И. В. Кузнецова, Е. Веремеевой. М.: Изд-во института Гайдара.
- Дюркгейм Э. (1996). О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон.
- Казенин К. И. (2014). Перспективы институционального подхода к явлению полиюридизма (на примере Северного Кавказа) // Экономическая политика. Т. 9. № 3. С. 178–198.
- Карпов Ю. Ю. (1996). Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН.

- Карпов Ю. Ю. (2001). Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петербургское Востоковедение.
- Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. (2011). Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское Востоковедение.
- Кисриев Э. Ф. (2004). Ислам и власть в Дагестане. М.: ОГИ.
- Смирнова Я. С. (1983). Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX — XX в.). М.: Наука.
- Стародубровская И. В. (2019). Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. Т. 17. № 1. С. 39–56.
- Теннис Ф. (2002). Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль.
- Хантингтон С. (2004). Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. с англ. В. Р. Рокитянского. М.: Прогресс-Традиция.
- Eisenstadt S. N. (1973). Tradition, Change, and Modernity. New York: John Wiley&Sons.
- Eisenstadt S. N. (2000). Multiple modernities // *Daedalus*. Vol. 129. № 1. P. 1-29.
- Gaonkar D. P. (2001). On Alternative Modernities // *Alternative Modernities* / D. P. Gaonkar (ed.). Durham and London: Duke University Press. P. 1-23.
- Gilman N. (2003). *Mandarins of the Future. Modernization Theory in Cold War America*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Lewis O. (1973). Some perspectives on urbanization with special reference to Mexico City // *Urban Anthropology. Cross-Cultural Studies of Urbanization* / A. Southall (ed.). New York, London, Toronto: Oxford University Press. P. 125-138.
- Redfield R. (1940). The folk society and culture // *American Journal of Sociology*. Vol. 45. № 5. P. 731-742.
- Redfield R. (1947). The folk society // *American Journal of Sociology*. Vol. 52. № 4. P. 293-308.
- Redfield R. (1953). The natural history of the folk society // *Social Forces*. Vol. 31. № 3. P. 224-228.
- Robinson J. (2006). *Ordinary Cities. Between Modernity and Development*. London and New York: Routledge.
- Tips D. (1973). Modernization theory and the comparative study of societies: A critical perspective // *Comparative Studies of Society and History*. Vol. 15. № 2. P. 199-226.
- Zelkina A. (2000). In Quest for God and Freedom. The Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus. New York: New York University Press.

Post-Soviet social transformation of the North-Caucasian rural communities (on the example of Dagestan)

Irina V. Starodubrovskaya, PhD (Economics), Professor, School of Arts and Social Sciences, Narxoz University. Zhandosov St., 55, Almaty, 050035, Kazakhstan. E-mail: irinavstar@gmail.com

Abstract. The article considers social transformations in Dagestani rural communities based on the results of the long fieldwork in 18 villages of different size, location and ethnic composition and on the interpretation of the traditional society model developed within early modernization theories. Thus, Dagestani rural communities go through multidirectional social transformations, but emancipation is the dominant trend. Generational and gender hierarchies weaken, kin and community impose less restrictions for individual choices, the closeness of communities is gradually overcome. All social regulations (adat, Saria, secular legislation) function less efficiently, and symptoms of anomie are evident even in rural areas, which determines the spread of administrative and violent mechanisms for conflict resolution. Islam in general and its contemporary glo-

balized forms in particular play controversial role in social transformations by both preserving traditions and stimulating changes. In Dagestan, Islam became the language of generational emancipation but led to the rejection of many soviet modernization achievements in gender relations. Religious confrontation in rural communities, provoked by the spread of fundamentalist Islam, led to acute generational conflicts, destruction of family and community ties, and legitimation of violence, which is still observed in Dagestan.

Key words: rural community, social transformation, traditional society, modernization, multiple modernities, generational hierarchy, gender hierarchy, Islam, Dagestan

References

- Aglarov M. A. (1988) *Selskaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII — nachale XIX v. (Issledovanie vzaimootnosheniya form khozaystva, sotsialnih struktur i etnosa)* [Rural Community in Mountainous Dagestan in 17th — Early 19th Century (A Study of the Relationship between Economic Forms, Social Structures and Ethnic Groups)], Moscow: Nauka.
- Bobrovnikov V. O. (2002) *Musulmane Severnogo Kavkaza: obichay, pravo, nasilie. Ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana* [The North Caucasus Muslims: Tradition, Legislation, Violence. Essays on History and Ethnography of Law in Mountainous Dagestan], Moscow: Vostochnaya literatura.
- Bobrovnikov V. O., Babich L. I. (Eds.) (2007) *Severny Kavkaz v sostave Rossiyskoy Imperii* [North Caucasus within the Russian Empire], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Durkheim E. (1996) *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society], Moscow: Kanon.
- Eisenstadt S. N. (1973) *Tradition, Change, and Modernity*, New York: John Wiley & Sons.
- Eisenstadt S. N. (2000) Multiple modernities. *Daedalus*, vol. 129, no 1, pp. 1–29.
- Gaonkar D. P. (2001) On alternative modernities. *Alternative Modernities*. Ed. by D. P. Gaonkar, Durham; London: Duke University Press, pp. 1–23.
- Gilman N. (2003) *Mandarins of the Future. Modernization Theory in Cold War America*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Golusov A. I. (1929) *Morfologiya naseleniya: opyt izucheniya stroeniya osnovnykh svoystv naseleniya Sev.-Kav. Kraja po dannim trekh narodnykh perepisey — 1926, 1920 i 1897 gg.* [Morphology of Population: A Study of the Composition of the Main Population Features according to Three National Censuses — of 1926, 1920, and 1897], Rostov-on-Don: Sev.-Kav. kraev. stat. upr.
- Johnson A., Earle T. (2017) *Evolutsiya chelovecheskih obshchestv: ot dobyvayushchey obshchiny k agrarnomu gosudarstvu* [The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State], Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaidara.
- Huntington S. (2004) *Politichesky poryadok v menyaushchikhsya obshchestvah* [Political Order in Changing Societies], Moscow: Izdatelstvo “Progress-Traditsiya”
- Karpov Yu. Yu. (1996) *Dzhigit i volk. Muzhskie souzy v sotsiokulturnoy traditsii gortsev Kavkaza* [Jigit and Wolf. Male Unions in the Sociocultural Tradition of Caucasian Highlanders], Saint Petersburg: MAE RAN.
- Karpov Yu. Yu. (2004) *Zhenskoe prostranstvo v culture narodov Kavkaza* [Women's Space in the Culture of Caucasian Peoples], Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Karpov Yu. Yu., Kapustina E. L. (2011) *Gortsy posle gor. Migratsionnye protsessy v Dagestane v XX — nachale XXI veka: ikh sotsialnye i etnokulturnye posledstviya i perspektivy* [Highlanders after Mountains. Migration Processes in Dagestan in the 20th — Early 21st Centuries: Their Social and Ethnocultural Consequences and Perspectives], Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

- Kazenin K. (2014) Perspektivy institutsionalnogo podkhoda k yavleniyu poliyuridisma (na primere Severnogo Kavkaza) [Perspectives of the institutional approach to legal pluralism (on the example of the North Caucasus)]. *Economic Policy*, vol. 9, no 3, pp. 178–198.
- Kisriev E. F. (2004) *Islam i vlast v Dagestane* [Islam and Power in Dagestan], Moscow: O. G. I.
- Lewis O. (1973) Some perspectives on urbanization with special reference to Mexico City. *Urban Anthropology. Cross-Cultural Studies of Urbanization*. Ed. by A. Southall, New York; London; Toronto: Oxford University Press, pp. 125–138.
- Redfield R. (1940) The folk society and culture. *American Journal of Sociology*, vol. 45, no 5, pp. 731–742.
- Redfield R. (1947) The folk society. *American Journal of Sociology*, vol. 52, no 4, pp. 293–308.
- Redfield R. (1953) The natural history of the folk society. *Social Forces*, vol. 31, no 3, pp. 224–228.
- Robinson J. (2006) *Ordinary Cities. Between Modernity and Development*, London; New York: Routledge.
- Smirnova Ya. S. (1983) *Semjy i semejny byt narodov Severnogo Kavkaza (vtoraya polovina XIX — XX vek)* [Family and Family Life of the North Caucasian Peoples (Second Half of the 19th — 20th Centuries)], Moscow: Nauka.
- Starodubrovskaya I. (2019) Krisis traditsionnoi severokavkazskoi semyi v postsovet'sky period i ego sotsialnye posledstviya [Crisis of the traditional North Caucasian family in the post-soviet period and its social consequences]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 1, no 17, pp. 39–56.
- Tipps D. (1973) Modernization theory and the comparative study of societies: A critical perspective. *Comparative Studies of Society and History*, vol. 15, no 2, pp. 199–226.
- Tonnies F. (2002) *Obshchnost i obshchestvo: Osnovnye ponyatiya chistoy sotsiologii* [Community and Society], Saint Petersburg: "Vladimir Dal".
- Vishnevsky A. G. (2010) *Serp i rubl. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and Rubble. Conservative Modernization in the USSR], Moscow: Izdatelsky dom GU VShE.
- Zelkina A. (2000) *In Quest for God and Freedom. The Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus*, New York: New York University Press.

Здоровье пожилых в российской деревне¹

И. С. Петухова, О. А. Парфенова, К. А. Галкин

Ирина Сергеевна Петухова, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; доцент Петрозаводского государственного университета, 185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
E-mail: irini-prz@yandex.ru

Оксана Анатольевна Парфенова, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14. E-mail: oparfenova2023@yandex.ru

Константин Александрович Галкин, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14. E-mail: kgalkin1989@mail.ru

EDN: HCRFEU

Аннотация. Статья посвящена анализу представлений о здоровье и здоровьесберегающего поведения пожилых сельчан. Современное российское село рассматривается как кризисное пространство, характеризующееся дефицитной инфраструктурой и ограниченным доступом к медицинской помощи. Эмпирическими материалами послужили собранные в 2024 году глубинные интервью с пожилыми [60+] (N=42) и организаторами заботы в селе (N=23), а также подробные плотные описания девяти сел, включая фотоматериалы. Все данные были собраны в селах Ленинградской и Новгородской областей и Республики Карелия. Исследование показало, что пожилые определяют свое здоровье через функциональность в пространстве — способность обслуживать приусадебное хозяйство, собственный дом и себя. По мере снижения мобильности пространство функциональности сужается — от пространства всего села до приусадебного участка и на последнем этапе — к собственному дому и телу. С утратой функциональности потребность в автономии сохраняется, и ключевое значение приобретает система внешней поддержки — помощь родственников, соседей, фельдшеров и социальных работников. Сельский фельдшер может играть ключевую роль как организатор медпомощи в том случае, когда инфраструктурные возможности это позволяют (например, есть ФАП и специальный медицинский автомобиль с водителем). При этом наличие инфраструктуры отнюдь не означает автоматического повышения доступа к медицинской помощи или улучшения ее качества, поскольку бывает трудно найти медиков для работы в селе. В сельском контексте здоровьесберегающее поведение пожилых принимает форму тактик адаптации к кризисному пространству, в которых большую роль играют близкое окружение и местное сообщество.

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10118 [<https://rscf.ru/project/24-78-10118/>].

Ключевые слова: старение на селе, здоровье пожилых, медицина на селе, доступность медицины для пожилых, сельская инфраструктура, государственная политика в области здравоохранения

Генеральная Ассамблея ООН объявила 2021–2030 годы десятилетием здорового старения, поручив ВОЗ возглавить реализацию проекта, основные задачи которого направлены на сокращение неравенства в сфере здравоохранения и улучшение качества жизни пожилых: сокращение эйджизма; развитие сообществ для лучшей реализации потенциала пожилых; предоставление ориентированной на человека комплексной медицинской помощи и услуг первичной медико-санитарной помощи, учитывающих потребности пожилых людей; обеспечение доступа пожилых людей, которые в этом нуждаются, к качественному долгосрочному уходу. Акцентируя внимание на важности индивидуального вклада в собственное здоровье (питание, достаточный уровень активности и т.п.), ВОЗ в свою очередь также декларирует необходимость доступности медицинской помощи и услуг пожилым для профилактики и лечения заболеваний². В своем исследовании мы фокусируемся на процессах старения в современном российском селе. Эти процессы протекают в условиях оттока молодежи в города, стремительно сжимающейся инфраструктуры и территориальной удаленности от крупных центров. При этом пожилые сельчане зачастую не имеют желания и/или возможностей переехать в более благоприятные условия. Забота о здоровье в условиях села приобретает свои специфические черты, отличные от городских. В крупных городах с развитой сетью клиник и наличием специалистов медицинские услуги более доступны, тогда как в сельской местности медицина чаще ориентирована на лечение экстренных случаев. Это приводит к тому, что сельские жители реже проходят диспансеризацию, поскольку помимо инфраструктурных дефицитов зачастую имеют ограниченные финансовые возможности, низкий уровень осведомленности о доступных услугах и мотивацию обращаться за медицинской помощью. В России традиционно именно городская среда рассматривается властями как основа для планомерного развития здравоохранения. Состояние сельской медицины при этом характеризуется множеством проблем. Несмотря на реализуемые меры и программы поддержки, такие как «Земский доктор» и «Земский фельдшер», доступность медицинских услуг для сельского населения непрерывно снижается: сокращается количество фельдшерско-акушерских пунктов, ухудшается лекарственное обеспечение (Чернышев и др., 2021), растет кадровый дефицит и старение медицинских работников (Козырева и др., 2018), плохая техническая оснащенность учреждений и недостаточное количество транспортных средств для медицинских работников, а также ограниченные возможности для организации дистанционных консультаций (Галкин,

2. WHO Ageing and Health? 2024. <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health>

2020а, 2022). Жители сельских территорий зачастую вынуждены преодолевать десятки километров, чтобы добраться до ближайшего медпункта, что значительно затрудняет своевременное получение даже первичной медицинской помощи (Калининская и др., 2020). Отдельное внимание авторы уделяют снижению обеспеченности медицинским персоналом: за последние годы (2018–2022) число врачей сократилось почти на 9%, а среднего медицинского персонала — на 10,1%, повышается средний возраст медицинских работников, что свидетельствует о старении кадрового состава (Латышова и др., 2025).

Современные научные представления о системе здравоохранения уже не сводятся исключительно к трактовке ее как совокупности медицинских учреждений (Filipkowski et al., 2010; Крашениникова, 2015). Напротив, акценты постепенно смещаются в сторону ее рассмотрения как сложной, многоуровневой системы, включающей в себя не только институциональные структуры, но и разнообразные повседневные практики, формирующиеся внутри этих структур и взаимодействующие с ними на различных уровнях (Руסיнова и др., 2018; Korolenko, 2021). Эти практики обусловлены как профессиональными стандартами, так и культурными, экономическими и территориальными особенностями. Механизмы подобных практик, их возникновение и формирование, а также аспекты субъективного доверия, возникающего между пациентом и медицинской системой, зачастую остаются вне поля зрения академических исследований. Особенно это касается работ, где преобладают количественные методы сбора данных, часто обесценивающие контекстуальные различия, нюансы локального взаимодействия и специфику территориального размещения (Еругина и др., 2016; Калининская и др., 2015; Козырева и др., 2018).

Исследователи отмечают, что устойчивость и эффективность сельской медицины во многом зависят от сплоченности местных сообществ (Somporn et al., 2018). Это справедливо и для российского контекста, в котором значимость местных сообществ возрастает: они компенсируют нехватку ресурсов, оказывая поддержку в доставке лекарств и организации помощи и заботы (Богданова и др., 2024). Однако соседские сообщества не в силах решить все существующие проблемы, они могут лишь частично смягчить некоторые ограничения.

Для многих пожилых на селе невозможность получения медицинских услуг является одним из главных страхов, особенно в тех случаях, когда врачебная помощь становится остро необходимой (Петухова, 2022). В нашем исследовании мы фокусируемся на сельском контексте и на пожилых как наиболее чувствительной к дефициту здравоохранению социальной группе. Мы изучаем самооценки здоровья пожилых, их представления о том, что значит быть здоровым, а также то, как пожилые сельчане поддерживают свое здоровье в условиях кризисного пространства. Целью данной статьи является анализ здоровьесберегающих практик пожилых сель-

чан с отдельным фокусом на доступность медицинской помощи и ее востребованность нашими информантами. Данный фокус обусловлен перспективой кризисности пространства, которая предполагает изучение инфраструктуры (доступность медпомощи в ФАП, наличие фельдшеров, доступность неотложной помощи и т.п.).

Теоретические основания исследования

Популярная концепция социального пространства Анри Лефевра рассматривает пространство как активно создаваемый и воспроизводимый социальный феномен, тесно связанный с властью, неравенством и социальной практикой. Лефевр выделяет три измерения пространства: материальное (физическое пространство), репрезентированное (концептуальные и социально-политические конструкции) и воспринимаемое (повседневный опыт и практика людей) (Lefebvre, 1991). Для него пространство не является нейтральным или статичным объектом, оно постоянно создается и меняется в процессе воспроизводства социальных отношений, отражая структуру власти и общества. В современных исследованиях, направленных на изучение повседневной жизни людей старшего возраста, все больше внимания уделяется роли пространства, которое анализируется в том числе с применением концепции Лефевра (см., напр.: Petersen, Minnery, 2013). Пространство рассматривается как важный элемент, помогающий более детально рассмотреть повседневную жизнь и связи человека с территориальной, культурной и социальной средами, в рамках которых происходит процесс старения (Wiles et al., 2012; Pani-Harreman et al., 2021). Исследователи отмечают, что кризисность пространства может быть связана со множеством факторов, включая оптимизацию медицины и снижение доступности медицинских услуг. Например, в сельских районах часто наблюдается нехватка квалифицированных медицинских кадров, закрытие местных больниц и аптек, а также трудности с транспортной доступностью ближайших медицинских учреждений. В городских условиях кризисность может проявляться через перегрузку медицинских учреждений, что приводит к длительным очередям и снижению качества обслуживания (Phillipson, 2011; Sanders, 2023). И хотя идея социального исключения не присутствует в явном виде в работах Лефевра, она обнаруживается там имплицитно и активно транслируется уже его последователями в более поздних исследованиях пространств. Став очень популярной в последние годы, концепция социального исключения рассматривает связь между человеком и местом его проживания как один из важных параметров (Walsh et al., 2020). Изучая влияние места проживания на уровень социального включения, европейские социологи предлагают концептуальную модель, объединяющую возраст (age), пространство (space) и социальное исключение (exclusion), так называемый «ASE triangle» (ASE-треугольник)

(Wanka et al., 2018). Очевидно, что с возрастом взаимосвязь между человеком и окружающей средой становится более значимой. Социальное исключение является многомерным и процессуальным явлением, при котором дефициты в одной сфере жизни тесно связаны с проблемами в других.

В данном контексте категория «пространство» представлена как многоуровневая социальная среда, структурированная по масштабу и форме социальных взаимодействий, влияющая на возможность включения или исключения индивидов. Анализ причин социального исключения пожилых может исходить из того, на каком уровне социального пространства они проявляются — макро-, мезо- и микроуровне. Влияние макрофакторов связано с социальными и экономическими процессами на макроуровне, экономической рецессией, старением населения и индивидуализацией, а также политикой в области старения. Мезориски социального исключения связаны с деятельностью государственных сервисов (медицинских и социальных) и могут проявляться, например, в виде дискриминации, неадекватной реализации прав и т.д. Микрориски социального исключения проявляются на уровне индивида и его семьи, они могут быть связаны с плохим здоровьем, выходом на пенсию, снижением финансовых ресурсов, одиноким проживанием пожилых (Jehoel-Gijsbers et al., 2008).

Европейские исследователи выделяют шесть доменов (областей) социального исключения пожилых: соседство и сообщество (neighbourhood and community); услуги, удобства и мобильность (service, amenities and mobility); социальные отношения (social relations); материальные и финансовые ресурсы (material and financial resources); социокультурные аспекты (socio-cultural aspects of society); гражданское участие (civic participation) (Walsh et al., 2017). Каждый из доменов включает в себя несколько субдоменов. Выделение доменов и субдоменов социального исключения показывает, что изоляция в позднем возрасте многомерна. Среда обитания и сообщество (neighborhood and community) рассматриваются как один из шести доменов социального исключения (Walsh et al., 2017), поскольку пожилые люди могут испытывать ограничения в доступе к ресурсам этой среды. То есть место проживания может выступать в роли триггера социального исключения, ограничивая социальные связи, доступ к услугам, участие в политической жизни (Dahlberg, 2019). А пересечение факторов возраста и инфраструктурного дефицита создает так называемую «двойную опасность» для пожилых людей, проживающих в сельской местности (Joseph et al., 2004). При этом процессы социального исключения часто имеют скрытый характер, так как длительное проживание на периферии сопровождается низкими ожиданиями относительно социальной интеграции и доступа к инфраструктурным объектам (Colibaba et al., 2021).

Концептуально пространственное исключение проявляется на индивидуальном и групповом уровнях под влиянием объективных и субъективных факторов. Субъективные факторы пространствен-

*И. С. Петухова,
О. А. Парфенова,
К. А. Галкин*
Здоровье пожилых в российской деревне

ного исключения концептуализируются через то, как пожилые люди воспринимают свой район, ощущают ли они себя его частью, получают ли они удовольствие от проживания в этом районе, испытывают ли чувство безопасности, надежности, а также привязанности к его жителям (Miranti et al., 2015; Van Regenmortel et al., 2018). Помимо оценки субъективных восприятий в исследованиях социального исключения отдельное внимание уделяется измерению физической среды и анализу того, как объективные характеристики района (географическое положение и природные условия, инфраструктурная обеспеченность, экономико-географические характеристики района, социально-экономические факторы) могут способствовать включению или исключению пожилых людей (Van Regenmortel et al., 2018).

Европейские исследователи фокусируются на том, как социальное исключение в городской и сельской среде может влиять на социальное исключение пожилых (например: Dwyer, 2011; Walsh et al., 2012; Walsh et al., 2017; Scharf et al., 2005; Buffel et al., 2013). Британские ученые показали, что пожилые люди, проживающие в городских районах, сталкиваются с социальным исключением в иных областях (множественное исключение), чем те, кто проживает в сельской местности (Becker et al., 2009). Напротив, Макс Спур с коллегами утверждают, что риски социального исключения выше в сельской местности. Исследуя сельские территории Южной, Центральной и Восточной Европы, авторы показали, что риски социального исключения в селе выше, чем в городе, за счет более низких доходов, худшего доступа к социальным и медицинским сервисам, однако показатели субъективной удовлетворенности качеством жизни у сельских пожилых выше, чем у городских (Spoor et al., 2014). Еще один момент обнаружили ирландские ученые: поскольку формальная поддержка пожилых в селе часто недостаточна, на первый план выходят семейные и соседские связи, которые, однако, также под давлением экономических и социальных изменений становятся хрупкими (Walsh et al., 2014). Подобная неформальность может приводить к размыванию границ между профессиональными и личными ролями, дополнительной нагрузке на отдельных лиц, ограничению доступа к помощи для некоторых пожилых.

В целом же в исследованиях социального исключения в странах постсоветского пространства фиксируются следующие риски: недоступность социальных и медицинских служб; низкие социальные стандарты и качество жизни; бедность и недостаточное пенсионное обеспечение; плохая развитость транспортной сети (Патьян и др., 2020; Grigoryeva et al., 2021). Эти проблемы весьма актуальны для жителей отдаленных регионов России, где вследствие сочетания сразу нескольких факторов возникает та самая ситуация многомерного исключения.

Таким образом, пространство тесно связано с социальной структурой и неравенством: оно может служить инструментом социального контроля и способствовать социальному исключению опреде-

ленных групп через разделение, сегрегацию и ограничение доступа к ресурсам. В нашем исследовании мы имеем дело с активными проявлениями исключения на разных уровнях и в разных сферах — как правило, пожилые в селе это малообеспеченные и одиноко проживающие люди, имеющие сниженный доступ к инфраструктуре и сложные бытовые условия (отсутствие централизованного водопровода и отопления в доме, перебои с электричеством, плохая связь и т.д.). Рассматривая современное село как наиболее кризисное пространство жизни, в котором пожилые жители находятся в ситуации многомерного исключения, мы помещаем в центр внимания те представления и практики, которые формируют здоровьесберегающее поведение наших информантов. Фокус на здоровье обусловлен тем, что это одна из ключевых сфер жизни, в которой в старшем возрасте пересекаются сразу несколько важных параметров — представления индивида, его практики, доступная ему инфраструктура и социальная среда, что в сумме формирует здоровьесберегающее поведение.

Материалы и методы

Настоящее исследование выполнено с помощью качественной методологии. Материалами послужили собранные в 2024 году глубинные полуструктурированные интервью с пожилыми [60+] [N=42] и организаторами заботы — теми, кто часто контактирует с пожилыми в селах (социальными работниками, руководителями из социальных служб, фельдшерами, работниками ДК и почты) (N=23). Были составлены подробные плотные описания девяти сел, включая фотоматериалы. В качестве информантов мы выбирали людей старше 60 лет, постоянно проживающих в исследуемых селах. Нас интересовали как работающие, так и не работающие люди, имеющие разный уровень социальной активности и мобильности (включая тех, кто состоит на социальном обслуживании). Возраст информантов варьировался от 60 до 95 лет. Все данные собирались в Ленинградской³ и Новгородской⁴ областях, а также в Республике Карелия⁵. Выбранные регионы обладают схожими социально-экономическими показателями и входят в пятерку самых неблагополучных по качеству жизни в сельской местности. Мы выбрали села, различающиеся с точки зрения медицинской инфраструктуры: в ряде сел был ФАП, в котором на регулярной основе работает фельдшер, в некоторых — фельдшер приезжий, курсирующий на служебном автомобиле между соседними селами, в одном селе построен новый амбулаторный

3. 23 интервью собрано в п. Осьмино, д. Низовская, п. Мшинская, д. Пехенец.

4. 23 интервью собрано в с. Оскуй, д. Маслено, д. Селищи, д. Спасская Полясть, д. Гачево.

5. 19 интервью собрано в п. Рабочеостровск, п. Волома, д. Пяльма, с. Великая Губа, с. Кончерево, с. Шелтозеро.

пункт, но специалистов нет, в результате пожилые за медпомощью вынуждены обращаться в городские поликлиники и т.п. В плотных описаниях и фотоматериалах мы фиксировали наличие ФАПов и амбулаторий и их доступность для пожилых, режим работы фельдшера, наличие/отсутствие аптек, транспортное сообщение с ближайшим районным или областным центром⁶.

Анализ транскриптов выполнен с помощью метода тематического анализа (Braun et al., 2006). Ключевыми темами выступили кризисность места, основные агенты помощи и взаимоотношения с ними, а также существующие сценарии организации заботы. Выделяя эти темы, мы опирались на положения о кризисности системы здравоохранения (Phillipson, 2011; Sanders, 2023) и взаимосвязи доступности медицинских услуг с качеством жизни. Ряд категорий, в частности, анализ преодоления кризисности территории, были выявлены индуктивно уже при работе с данными, в ходе которой мы двигались от частных наблюдений к обобщениям. Таким образом, логика анализа материала была дедуктивно-индуктивной. Валидность полученных выводов обеспечивалась методом исследовательской триангуляции, при котором транскрипты анализировались тремя исследователями независимо друг от друга (Denzin, 2012).

При цитировании интервью в статье все информанты и населенные пункты анонимизированы. Все участники исследования подписывали информированное согласие, в котором содержалась основная информация о нашем исследовании и планах по дальнейшей работе с данными.

Значение здоровья и влияние среды

Самооценки здоровья и практики самозаботы

Восприятие собственного здоровья и его оценка разнятся у наших информантов в зависимости от их возраста/объективного состояния здоровья. Так или иначе, здоровье рассматривается в категориях функциональности, переопределяясь с течением времени и при изменении объективных показателей здоровья. Так, для более мобильных информантов быть здоровым означает не нуждаться в посторонней помощи, иметь возможность сохранять привычную физическую активность и вести хозяйство. В этом случае сопутствующие заболевания,

6. В этой статье мы не делаем сравнительный анализ разных групп пожилых и регионов с точки зрения доступности/недоступности медицинской помощи. В нашу задачу входит собрать наиболее полный репертуар практик пожилых сельчан во взаимодействии с государственной системой здравоохранения, а также как они адаптируются к специфическим условиям среды, влияющим на их возможности поддержания здоровья и лечения заболеваний.

такие как, например, гипертония, диабет, которые к тому же успешно купируются препаратами, не воспринимаются как снижающие здоровье. С возрастом и утратой мобильности (хотя эти процессы не всегда параллельны) по мере включения цепочек заботы в виде родственников, односельчан и социальных работников, происходит переопределение здоровья — функциональность сужается до пространства собственного двора и дома. В этом случае участники нашего исследования, как правило, не покидают самостоятельно пределов собственного двора и нуждаются в помощи не только сезонной (дрова/огород), но рутинной повседневной. На селе спектр этой помощи, как правило, существенно шире, чем в городе (помогающий в лице социального работника/родственника/соседа приносит воду, топит печь, ухаживает за домашними животными, помогает помыться в бане, чистит снег, иногда выполняет специфическую работу по починке насоса и так далее). В случае утраты мобильности функциональность сужается до собственного тела — когда человек уже не может обслуживать пространство двора и дома, для него важным остается вопрос самостоятельности в соблюдении интимной гигиены, мытья, переодевания — эти функции информанты до последнего стремятся выполнять полностью самостоятельно. Подобное стремление к автономии фиксировалось нами и в предыдущих исследованиях (Галкин, 2020б).

В качестве практик самозаботы мы обнаруживаем регулярный прием препаратов для компенсации хронических заболеваний (как правило, гипертония, диабет) и регулярное посещение бани, которое рассматривается не только как гигиеническая процедура, но и оздоравливающая. Сельчане в меньшей степени фокусируются на питании и подвижности как способах здоровьесбережения, в отличие от горожан старшего поколения (Parfenova, 2022). Схожее с городскими сверстниками и отношение к медицине как способу сохранения здоровья — информанты в селе стремятся минимизировать обращения за медпомощью, предпочитая самолечение и народную медицину. При этом для сельских информантов их приусадебное хозяйство, иногда и животные (как правило, куры, реже козы), являются точками приложения физических сил и тем, что, по их словам, поддерживает в них активность и укрепляет здоровье. *«Поддерживать здоровье? Да, собственно, ничего. В лес хожу иногда, на рыбалку. Чисто для удовольствия, может, и для поддержания здоровья. Работаю на огороде»* (мужчина, 64 года, Карелия).

Часто упоминаются сбор и заготовка трав, которые, по их мнению, помогают пожилым в профилактике и лечении заболеваний. Овощи и фрукты, выращенные на собственном огороде и обеспечивающие питание на будущий год, также воспринимаются как вклад в здоровье, поскольку они более экологичные, «без химии».

Сравнивая между собой интервью с мужчинами и женщинами, мы обнаружили определенные гендерные различия — мужчины в большей степени склонны определять свое здоровье через функциональность («могу колоть дрова и копать картошку — значит, здоров»)

и практически не жалуются на болезни, женщины чаще помимо себя заботятся и о супруге, если он есть, говорят о негативных эффектах одиночества и изоляции и более активно ищут эмоциональной поддержки и общения вовне, в том числе в лице тех, кто оказывает им помощь. Организаторы заботы на селе помогают либо частично преодолеть, либо сгладить социальную исключенность наших информантов. Социальные работники, фельдшеры, соседи оказывают не только конкретную помощь, но зачастую выступают неформальными собеседниками, которых так не хватает пожилым. В селах, где есть ДК и/или библиотеки, мы видим примеры организации групповых активностей пожилых (скандинавская ходьба, занятия, чаепития с днями рождениями, концерты). Далее мы подробнее анализируем влияние инфраструктуры на поддержание здоровья.

Кризисность места: дефицит инфраструктуры и кадров

В нашем исследовании мы охватываем несколько разных сел из трех регионов Северо-Запада: Республики Карелия, Ленинградской и Новгородской областей. Села имеют разную инфраструктуру и в разной степени удалены от крупных городов — Санкт-Петербурга, Новгорода и Петрозаводска. Доступ к медицинским услугам напрямую связан с состоянием здоровья и мобильностью пожилого человека, наличием ФАПа и его кадровым составом. Описывая состояние медицинской инфраструктуры в своих селах, пожилые отмечали ее значительное сокращение по сравнению с тем, что было раньше. При этом некоторые информанты вспоминали советское прошлое: наличие больницы, поликлиники, родильного дома в селе, в то время как другие — относительно недавнее прошлое (5 и менее лет назад). В первом случае кризис медицины на селе сопряжен с общим кризисом — сокращение производства, закрытие крупных предприятий, при которых располагались и финансировались многие медицинские учреждения. Во втором случае информанты говорят о недавних изменениях, связанных с оптимизацией, сокращением кадров, усложнением процедур записи к узким специалистам.

«Говорю, что плохо, что у нас закрыли районную больницу, не закрыли, а просто она, ну, из Муезерки, по нашему району, а нас приплюсовали в Костомукшие. И вот в Костомукшие, вот приедешь, там можно к врачам не попасть. Вот повезла я брата, всё созвонились, всё записано, всё, приезжаем. Кардиолог на больничный вышла. И говорят, надо было предупредить, надо было позвонить, узнать» (женщина, 75 лет, Карелия).

Даже если речь идет о предполагаемом обращении за медицинской помощью, а не о реальной ситуации, с которой столкнулся пожилой человек, информанты все равно описывают ощущение собственной изоляции ввиду невозможности получить медицинскую помощь.

«Лечение? Не задавали бы такой вопрос. Я поэтому и засмеялась. Что какое тут может быть медицинское? Никакого.

У нас где врачи-то? Бабушки и дедушки, пенсионеры, слава богу, эти еще трепещут-то там. А так-то что? У нас никого больше нет» (женщина, 60 лет, Ленинградская обл.).

Нередко информанты испытывали раздражение, иронию, недоумение от очевидных и понятных вопросов относительно состояния и доступности медицины на селе. С другой стороны, были и те, кто считает, что это общий кризис медицинской системы: *«А медицина везде такая. Везде такая. И в городе тоже не везде так, что попадешь там всё»* (женщина, 69 лет, Ленинградская обл.). В этой и других оценках наших информантов можно встретить общую критику системы здравоохранения, связанную с отсутствием или недостаточной квалификацией кадров, нехваткой или устареванием оборудования, медицинских препаратов.

Одной из наиболее острых проблем села является сложность с вызовом скорой помощи и время на ее ожидание: *«Ни скорая, ничего сюда, и так скорой нету. Ну, приезжает, но пока она доедет, можно пять раз умереть»* (женщина, 60 лет, Ленинградская обл.). Часто проблемы с вызовом скорой накладываются на плохое состояние дорог и не всегда отлаженную систему взаимодействия между медицинскими организациями в разных районах в пределах одного региона. Так, пожилые нередко отмечали случаи, когда ближайшие к ним экстренные службы не принимали вызов, потому что эта территория не попадает в зону их обслуживания или, в случае выезда по вызову, фактически пересаживали пациентов с одной машины в другую.

«Как-то два года назад мне делали операцию по защемлению грыжи. И наша скорая, правда, быстро пришла, потом меня довезли до X, и там меня уже пересаживали в другую и повезли в Y, потому что наша скорая туда не едет» (женщина, 60 лет, Новгородская обл.).

Важной характеристикой кризисности системы здравоохранения в регионах в целом и в сельской местности в частности является невозможность попасть на прием к узкому специалисту ввиду его отсутствия в районных поликлиниках и больницах, долгой очереди или транспортных барьеров. В итоге попадание в районные больницы к нужному специалисту или даже терапевту превращается в сложную задачу с выстраиванием маршрутов и логистики.

«Ты приедешь полдевятого утра, и ты будешь на вокзале сидеть до двух часов, пока на прием тебе. Или лучше еще в пятницу идет обратно. Если ты утром приедешь, вот ты целый день должен отсидеть, чтобы попасть к врачу, если он оставил смену» (женщина, 69 лет, Ленинградская обл.).

Представленная цитата является показательной, но ситуация, описанная в ней, — не единственный случай, когда попадание к специалисту — сложная проблема, решать которую часто приходится наймом такси, съемом жилья, выстраиванием сложных маршрутов, даже когда фактическое расстояние до районного центра

И. С. Петухова,
О. А. Парфенова,
К. А. Галкин
Здоровье пожилых в российской деревне

не превышает 50 км. Ожидание приема может длиться неделями и месяцами, а само посещение узких специалистов и городских поликлиник и/или больниц — превращаться в цепочку формальных процедур: запись по телефону, ожидание поездки, короткий прием, стандартные назначения.

Компенсируется дефицит отчасти визитами в села городских врачей-специалистов. Организуют такие выезды работники сельских медицинских учреждений. Правда, там, где нет медицинских работников, нет или практически нет таких выездов. Там, куда приезжают врачи, их услуги пользуются большим спросом у местных жителей и жителей окрестных деревень — можно сдать кровь на анализы, сделать УЗИ, маммографию, проверить зрение и пр. Объявление о визите врачей публикуется заранее. В ряде сел посещение приезжих врачей ведется по записи, в результате не у всех желающих есть возможность попасть на прием. Иногда приходится идти на договоренности с местными жителями, когда речь идет об отсутствии помещения для проведения диспансеризации:

«Диспансеризация сюда входит ежегодно, несколько раз в год ко мне приезжает бригада с ЦРБ, значит, я собираю население, и мы организовываем осмотры профилактические. Да, в рамках диспансеризации населения, вот, даже в деревни выезжаем порой, но там нам везти, конечно, неудобно из-за того, что помещений, ну, вот, люди идут навстречу, например, в деревне [название], мне вот уже два года подряд женщина-пенсионерка, она 54-го года рождения, предоставляет свой дом, она живет одна. Мы, значит, у нее располагаемся по комнатам, там, допустим, у нас забор крови происходит, здесь невролог, здесь терапевт, там глазной врач, а гинеколог принимает у нас в автобусе кресло гинекологическое, специально оборудованное, то есть гинеколог принимает отдельно в автобусе пациенток» (фельдшер, село S, Новгородская обл.).

Помимо сложностей с записью к специалистам и вызовом скорой помощи, наши информанты рассказывали о трудностях с покупкой или получением бесплатных лекарств, выпиской рецептов и получением технических средств реабилитации.

«Коляски, если нужно коляску, ее не добиться просто. Это такая была волокита. Я вот сама уже за свои деньги покупала две коляски. А коляска теперь стоит вот это, 15 тысяч. А у меня пенсия с инвалидностью 19» (женщина, 60 лет, Ленинградская обл.).

Представленная цитата демонстрирует «пересечение» кризисности медицины с другими проблемами, в данном случае — низкими пенсиями по инвалидности.

В ходе исследования мы обнаружили, что формальные критерии (например, наличие недавно отстроенного ФАПа или амбулатории) отнюдь не означает автоматически повышения досту-

па к медицинской помощи или улучшения ее качества. Так, село N в Ленинградской области в интервью с нашими информантами из соседнего села [село M] характеризовалось как очень «продвинутое место», с новой двухэтажной амбулаторией, газификацией и развитой транспортной доступностью. На практике выяснилось, что амбулатория построена, но найти туда постоянного терапевта оказалось сложной задачей — наблюдается постоянная текучка кадров, а нынешний фельдшер, приехавшая из города, отметила, что работает всего месяц и не планирует задерживаться надолго. Приведенная ниже цитата демонстрирует рассуждения информантов по этому поводу:

Р: <...> Надо сделать уже как-то заинтересовать, врача постоянного иметь, постоянного, не пришло, вот, да, врачи хорошие, не буду говорить. <...> Но все равно хорошо, смотрите, ну, что она раз в неделю приедет, как она может обслужить?

И: То есть, получается, амбулатория есть, а врача постоянного нет?

Р: А врача нету, вот, надо, ну, как бы заинтересовали бы человека, всё, понимаете, вот. Девочки там, ну, я имею в виду, я не буду за всех-то говорить, я говорю за себя, что я наблюдала, вот» (женщина, 86 лет, Ленинградская обл.).

Аналогично этому в одном из сел Карелии [село D] несколько лет назад отстроили амбулаторию, но найти туда нужных специалистов также не получается, несмотря на наличие двух оборудованных машин, машина скорой помощи приезжает из соседних сел (расстояние от 20 до 40 км), медикаменты привозят исключительно «по заказу» раз в неделю, на данный момент она функционирует как помещение для приезжающих врачей из города, большая часть помещений и кабинетов — пустует. Вот как наши информанты рассуждают по этому поводу:

Р: Так что, не, медицина здесь, скажу я вам, вот любого спросите. Нет медицины как таковой, нет. Построили снова это здание, и я ходила когда-то к ЛОРу на прием. Написано “кабинет терапевта”, “кабинет терапевта”, “кабинет терапевта”. Где они? Терапевтов-то их нет.

И: То есть врачей тоже нет?

Р: Нету, нету, нету, нету. Сейчас девушка какая-то работает, по-моему, по направлению пришла фельдшер. Ну, она детский, принимает детей, а для взрослых нет» (женщина, 84 года, Карелия).

В другом селе [S] в Новгородской области есть амбулатория и фельдшер, которому два года назад закупили специальный автомобиль, и она, взяв ставку водителя, самостоятельно ездит на нем по всем окрестным обслуживаемым селам, а также возит своих пациентов при необходимости в райцентр на анализы или прием. Однако в другом подобном селе [село F] закупка подобного автомобиля не решила проблемы, так как сам фельдшер не имеет во-

дительских прав, а человека на ставку водителя не нашлось ввиду низкой заработной платы. Таким образом, роль отдельно взятых специалистов — в данном случае фельдшеров в этом конкретном селе является определяющей, рассмотрим ее подробнее.

Роль фельдшера

Все исследуемые нами села условно можно разделить на две группы — с наличием медицинского работника (как правило, фельдшера) или его отсутствием. В свою очередь, те села, в которых есть медицинский работник, также можно разделить на две группы — села, в которых сельчане доверяют медицинскому работнику и высоко оценивают его роль, и села, где информанты критикуют профессиональные компетенции медицинских работников. При этом в исследуемых нами селах оценки работы фельдшера нашими информантами в пределах села, как правило, совпадали — либо все были довольны, либо напротив — недовольны. Как правило, критика связана с безразличием фельдшера к проблемам пожилых, невозможностью выполнить те или иные медицинские процедуры, грубым отношением и пр. представленные цитаты демонстрируют суть критики:

«Конечно, у нас врача нету настоящего. Что это, Наталья Анатольевна⁷? Это я иду в аптеку, поговорю, спрошу, мне они посоветуют. А к Наталье Анатольевне бесполезно идти» (женщина, 83 года, Ленинградская обл.); *«И капельницу не умеет сделать. Я ходила, 25 лет работает в поликлинике, не попасть ей в вену. Все ругаются, у кого что»* (женщина, 70 лет, Ленинградская обл.).

Представленные цитаты позволяют сделать вывод о большой роли человеческого фактора. Недовольство работой фельдшера усиливает ощущение кризисности.

Как правило, в тех селах, где жители высоко оценивают работу фельдшера, его роль не ограничивается приемами в ФАПе и работой на выезде по адресам. Зачастую информанты рассказывают о «внеурочных» вызовах фельдшера, консультациях по телефону в нерабочее время. Подтверждают это и сами фельдшеры в интервью:

«Вызова обслуживаю я, экстренная помощь в рабочее время, в нерабочее обслуживает станция скорой помощи. Вот, то есть люди все знают номера телефонов, ну, если какой-то форс-мажор, если ребенок заболел или что, конечно, я иду навстречу, не без этого, и обслуживаю в любое время дня и ночи, скажем так, если я дома» (фельдшер, село S, Новгородская обл.).

Во многих ФАПах прекратилась продажа лекарственных препаратов или существенно снижен их ассортимент, и фельдшер/со-

7. Имена изменены.

циальный работник/родственники могут привозить по заказу своих пациентов то, что им необходимо, а также получать рецептурные препараты в районном центре. Помимо этого, фельдшеры курируют приезды врачей-специалистов, профилактическую помощь [в виде прививок] на селе, сопровождают пожилых в поликлинику или отвозят на собственном транспорте:

«А так-то вообще у нас N молодец. Она у нас проводит все прививки, сама ездит к нам, мы не ходим. Вот. А так, например, сделать флюшку, машина приходит в N [прим. название села], она всех оповещает, и сама даже на машине придет, если надо, свезет. Так что в этом отношении у нас неплохо» (женщина, 84 года, Новгородская обл.).

Часто фельдшер является представителем местного сообщества, «своим», знающим всех местных жителей. Его помощь в этом случае переплетена с соседской заботой:

«Фельдшер у нас работает больше 40 лет уже отработала, она уже как врач считаю все же. Она, во-первых, что хорошо, она всех людей знает, наша местная она девушка, выучилась и приехала сюда работать, вышла замуж, семья все. Всю жизнь она здесь проработала, она всех людей знает, знаете все болячки у кого что, и очень квалифицирована» (женщина, 75 лет, Карелия).

Еще одна цитата, демонстрирующая теплые отношения фельдшера с пожилыми сельчанами: *«Я, вы знаете, вот эту, фельдшера позову. Она придет мне, и уколы делала, и лекарства. Я говорю, ты мне самый лучший доктор, Юленька»* (женщина, 83 года, Новгородская обл.). Представленные цитаты демонстрируют высокую личную и профессиональную оценку медицинского персонала, деятельность которого «вплетена» в заботу внутри села. Там, где фельдшер включен в заботу, реагирует на просьбы сельчан, вопрос о его компетентности не ставится. В этом случае, в представлениях информантов, работа одного фельдшера компенсирует дефицит медицины на селе. В тех селах, в которых нет медицинских работников или их работа критикуется, кризис инфраструктуры воспринимается более остро.

Тактики адаптации

Практически все наши участники исследования — как пожилые, так и организаторы заботы, даже если они не испытывают проблем со здоровьем, или на селе есть медицинский пункт, или если они удовлетворены той медицинской помощью, которую они получают в самом селе или в городе, все равно проблематизируют ситуацию с доступностью и качеством медицинских услуг. Кто-то из информантов готов смириться с существующими проблемами и «доживать» в сложившихся условиях, кто-то ищет варианты удовлетворения потребностей в медицинской помощи, обращаясь к родственникам и знакомым, кто-то обращается за платными медицинскими услугами. Далее мы рассмотрим существующие адаптивные тактики.

Нередко сельские жители старшего возраста сталкиваются с необходимостью самостоятельно определять потребность в медицинской помощи и обращаться за лечением. В интервью представители старшего поколения отмечают, что доверие к сельским врачам ограничено их сугубо инструментальной ролью, под которой подразумевается выполнение базовых медицинских процедур, таких как измерение давления, выписка рецептов или направление к специалистам, без полноценного участия в лечении сложных заболеваний: *«Так у нас, конечно, это самый медкабинет. Но это так, знаете, простуды или что-нибудь такое. А так вот если что-то серьезное, МРТ, КТ, кардиолог, это все в Лугу»* (женщина, 75 лет, Ленинградская обл.). Зачастую при серьезных заболеваниях сельские жители предпочитают обращаться в районные больницы и поликлиники, расположенные в ближайших городах. Такие учреждения вызывают у них больше доверия благодаря лучшему оснащению и квалификации персонала: *«Насчет медицины, вот я говорю, что... В областной еще врачи нормальные, в Гатчине, в Лужской больнице»* (мужчина, 78 лет, Ленинградская обл.).

Обращение в платную клинику считается многими нашими информантами вынужденной мерой, связанной с невозможностью получить ту или иную услугу бесплатно, квалифицированно и/или в короткие сроки:

«Я ездила и в Питер, я же МРТ делала, платно ходила на прием к неврологу сразу, и тут я ездила платно. А к эндокринологу я ездила тоже платно. Так что медицина очень плохая у нас. Вот единственное, на что нам жаловаться» (женщина, 69 лет, Ленинградская обл.).

Обращение к платному специалисту объясняется нашими информантами большим доверием к платной медицине, особенно в ситуации страха перед многими заболеваниями. Еще одно объяснение — срочность и надежность получения той или иной услуги. В городскую поликлинику сложно достать номерок, попасть к нужному специалисту, можно приехать на прием и остаться без услуги (например, когда специалист заболел). А платную услугу можно получить в относительно короткие сроки (особенно когда речь идет об ограничениях во времени), это, как правило, гарантировано самим наличием, а также конкретным временем попадания на прием, что особенно актуально в ситуации зависимости от расписания общественного транспорта. Среди наших информантов есть и те, кто убежден, что любая квалифицированная медицинская помощь возможна только за деньги:

«Это надо с деньгами ложиться туда вот, а денег надо много, чтобы это все вылечить. А что вылечить? Щитовидка не лечится, давление каждый вечер там ничего это не лечится» (женщина, 69 лет, Новгородская обл.).

В этом случае информантка предпочитает не обращаться за медицинской помощью, артикулируя представления о невозможности

лечения ряда болезней или о высокой стоимости этого лечения. Возможность обращаться за платной помощью практически всегда сопряжена с наличием близких родственников (как правило, детей), готовых организовать эту помощь и часто оплатить ее. В целом многие наши информанты отмечают, что полагаются только на себя и своих родственников, реже — на соседей в получении медицинской помощи. Родственники привозят лекарства, записывают на прием к нужному специалисту, сопровождают/отвозят в поликлинику/больницу, осуществляют медицинские процедуры. Соседские и дружеские связи также зачастую воспринимаются как ресурс заботы: они привозят лекарства, сопровождают на прием, могут вызвать скорую, проинформировать о каких-либо медицинских манипуляциях — измерить давление, сделать укол. Особую ценность приобретают так называемые «связи» — знакомые, или знакомые знакомых, которые могут помочь в решении каких-либо проблем или просто проконсультировать. Благодаря «связям» можно получить номерок к нужному специалисту, получить рецепт, пройти обследование:

«Если нет номерка, ну, могут и не принять там. Но так как у меня, значит, вот эта родственница, как я, квартирантка говорю, которая работает в больнице, ну, санитаркой, ну, она сейчас работает на гардеробе, то где-то проблем нет...» (женщина, 79 лет, Карелия).

Нередко знакомые, имеющие медицинское образование, дополняют или заменяют фельдшера и/или врача в поликлинике. Обращение к знакомым за медицинскими консультациями может быть связано с недоверием к местному медицинскому персоналу или его отсутствием вовсе. В одном из сел Карелии, где нет медицинского пункта, информанты высоко оценивают роль сотрудницы аптеки, готовой внимательно выслушать и проконсультировать, измерить давление, предложить препараты, подробно узнать о состоянии здоровья. В этом, как и во многих других случаях, мы видим, что большую роль играет человеческий фактор, способный сгладить некоторые проблемы сельской медицины.

В крайних случаях те, кто не удовлетворен услугами здравоохранения, обращаются в вышестоящие органы — в департамент, министерство или в администрацию президента. Такое обращение может быть чуть ли не единственным способом решения проблем:

«Она меня год мучжила. У меня глаз ослеп. У меня давление уже 34 единицы. Потом уже, смотрю, 36. Все больше и больше давление. Я, недолго думая, а у меня президента адрес. Этого... Генерального прокурора и Медведева адреса есть. Я беру письмо на президента. Все написал и послал. Буквально месяца не прошло. Приходит мне приглашение уже с комитета по здравоохранению с областного, в областную поликлинику» (мужчина, 78 лет, Ленинградская обл.).

Однако стоит отметить, что такие тактики скорее исключение — люди старшего поколения редко пишут обращения в государствен-

ные инстанции с жалобами на государственные же учреждения, предпочитая найти альтернативные возможности получения нужной помощи или смириться.

Заключение

Понимание того, что значит быть здоровым, меняется у пожилых сельчан по мере изменения их здоровья и функциональности. Многомерность исключения пожилых сельчан, выражающаяся в разного рода инфраструктурных дефицитах на уровне села и собственного быта, становится более очевидной по мере утраты здоровья и сжатия пространства активности. Условно можно выделить три уровня пространственной активности, на каждом из которых понимание того, что значит «быть здоровым», будет отличаться. Первый уровень — когда практически нет ограничений и жизненное пространство включает в себя все село (человек без ограничений посещает почту, магазин, ФАП, местный клуб и т.п., не испытывает никаких ограничений). Второй уровень предполагает «сужение» до пространства собственного двора — когда внешняя активность сводится к минимуму и пожилой человек редко покидает пределы собственного двора, занимаясь огородом, участком, подсобным хозяйством (в том числе ухаживая за животными). Наконец, третий уровень сопряжен со значительным снижением функциональности, которая позволяет обслуживать себя в пределах собственного дома, а инфраструктурный дефицит приводит к потребности в посторонней помощи (принести дрова, воду, растопить печь, почистить снег, доставить продукты и лекарства и т.п.) Быть здоровым для пожилых сельчан означает сохранять возможность к самообслуживанию и максимальную автономность на каждом этапе «сужения» пространства.

В части практик поддержания здоровья, таких как регулярный прием препаратов или внимание к питанию, сельские пожилые мало чем отличаются от городских. Специфически сельскими способами и практиками поддержания здоровья, которые озвучивают сами информанты, являются: заготовка «целебных трав»; работа на огороде; посещение леса; баня. На доступность и качество медицинской помощи, которая является одной из важных составляющих здоровьесбережения, в данном случае серьезное влияние оказывает кризисность пространства. Исследуя опыт обращения пожилых сельчан к системе здравоохранения, мы показали, с какими дефицитами и барьерами приходится сталкиваться пожилым людям в вопросах заботы о собственном здоровье (недооснащенность медицинским персоналом и ФАПами или оснащенность «на бумаге»; транспортная недоступность медучреждений и сложности к попаданию к профильным специалистам; невозможность приобрести даже простые лекарственные средства; отсутствие социально-медицинского об-

служивания в ряде населенных пунктов и т.д.). Адаптируются к дефицитам не только сами пожилые, но и организаторы заботы в лице фельдшеров и социальных работников. В случае удачного совпадения инфраструктурного оснащения (наличие ФАПов, автомобиля для фельдшера) и активной фигуры в лице фельдшера, иногда социального работника, а также активного местного сообщества, мы наблюдаем более эффективные тактики адаптации — пожилые получают более широкие возможности для диспансеризации, медицинской помощи и лекарственного обеспечения.

Другими словами, на практике медицинская составляющая здоровьесбережения пожилых в селе определяется не только уровнем инфраструктуры, но и инициативностью и активностью членов местного сообщества, которые помогают компенсировать существующие дефициты. В случае «неудачной» комбинации инфраструктурного и человеческого факторов, пожилые откладывают обращение за медицинской помощью настолько, насколько это возможно. Государственная политика, которая, с одной стороны, «оптимизирует» здравоохранение, отрезая целые районы от доступной помощи, а с другой — пытается реконструировать и развивать систему путем строительства новых ФАПов, закупки медицинского транспорта для местных фельдшеров, привлечения врачей в села и т.п., выглядит непоследовательной. На практике дефициты системы здравоохранения компенсируются местными сообществами, от которых во многом и зависит устройство заботы о пожилых. Преодоление кризисности сельской инфраструктуры через развитие сельской медицины требует не только формальных изменений, но и учета потребностей местных жителей, а также особенностей их опыта обращения к государственной системе здравоохранения.

Библиография

- Богданова Е., Галкин К., Низамова А. (2024). Этики соседской заботы о пожилых в российском селе: на пути к общинному менеджериализму // Социологическое обозрение. Т. 23. № 3. С. 285–313.
- Галкин К. А. (2020а). Все прелести сельской жизни? Типы профессиональной идентичности молодых врачей, работающих в сельской местности // Журнал исследований социальной политики. Т. 18. № 2. С. 175–190.
- Галкин К. А. (2020б). Режимы заботы и самозаботы при отдельном проживании пожилых людей в периферийных поселениях // Социологические исследования. № 9. С. 70–78.
- Галкин К. А. (2022). Практики здоровьесбережения пожилых людей в сельской местности после COVID-19 // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. Т. 67. № 3. С. 126–134.
- Еругина М. В., Кром И. Л., Ермолаева О. В. и др. (2016). Современные проблемы организации медицинской помощи сельскому населению // Современные проблемы науки и образования. № 5. С. 76–76.
- Калининская А. А., Маликова Л. М. (2015). Проблемы и пути реформирования здравоохранения села // Социальные аспекты здоровья населения. Т. 44. № 4. С. 3.

- Калининская А. А., Баянова Н. А. (2020). Научное обоснование оценки территориальной доступности первичной врачебной медико-санитарной помощи сельскому населению // Казанский медицинский журнал. Т. 101. № 6. С. 890–896.
- Козырева П. М., Смирнов А. И. (2018). Проблемы медицинского обслуживания в сельской местности // Гуманитарий Юга России. Т. 7. № 4. С. 33–49.
- Крашенинникова Ю. А. (2015). «Неформальное здравоохранение» в современной России и факторы его развития (по материалам пилотного исследования) // Мир России. Социология. Этнология. Т. 24. № 4. С. 99–122.
- Латышова А. А., Несветайло Н. Я., Люцко В. В., Иванова М. А. (2025). Медицинские кадры в сельской местности: тренды ключевых показателей // Здравоохранение Российской Федерации. № 69(1). С. 5–11.
- Патьян Н., Голубева Е. Ю., Семан Ж., Троберт М. А. (2020). Риски социального исключения при взаимодействии государства и семьи в системе ухода за пожилыми людьми // Экология человека. № 1.
- Петухова И. С. (2022). Пожилые люди в сельской местности во время пандемии COVID-19 // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 25. № 3. С. 187–209.
- Русинова Н. Л., Сафронов В. В. (2018). Психологические медиаторы социальных неравенств в здоровье: «уверенность в себе» в Европе и России // Социологический журнал. № 4. С. 30–53.
- Чернышев В. М., Стрельченко О. В., Мингазов И. Ф. (2021). Последствия реформирования здравоохранения в РФ [1990–2020 гг.]. Проблемы и предложения // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. Т. 24. № 2. С. 86–102.
- Becker E., Boreham R. (2009). Understanding the risks of social exclusion across the life course: Older age // Social Exclusion Task Force.
- Braun V., Clarke V. (2006). Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. Vol. 3. № 2. P. 77–101.
- Buffe T., Phillipson C., Scharf T. (2013). Experiences of neighbourhood exclusion and inclusion among older people living in deprived inner-city areas in Belgium and England // Ageing & Society. Vol. 33(1). P. 89–109.
- Colibaba A., Skinner M. W., Russell E. (2021). Rural aging during COVID–19: A case study of older voluntarism // Canadian Journal on Aging. <https://doi.org/10.1017/S0714980821000386>.
- Grigoryeva I., Parfenova O., Dmitrieva A. (2021). Social policy for older people in the post-Soviet space: How do pension systems and social services influence social exclusion? // Social Exclusion in Later Life: Interdisciplinary and Policy Perspectives. Cham: Springer International Publishing. P. 385–395.
- Dahlberg L. (2019). Ageing in a changing place: A qualitative study of neighbourhood exclusion // Ageing and Society. Vol. 40. № 10. P. 2238–2256.
- Denzin N. K. (2012). Triangulation 2.0 // Journal of Mixed Methods Research. Vol. 6. № 2. P. 80–88.
- Dwyer P., Hardill I. (2011). Promoting social inclusion? The impact of village services on the lives of older people living in rural England // Ageing & Society. Vol. 31. № 2. P. 243–264.
- Filipkowski K. B. et al. (2010). Do healthy people worry? Modern health worries, subjective health complaints, perceived health, and health care utilization // International Journal of Behavioral Medicine. Vol. 17. P. 182–188.
- Jehoel-Gijsbers G., Vrooman J. (2008). Social exclusion of the elderly // Centre for European Policy Studies, European Network of Policy Research Institutes. Brussels. P. 40.
- Joseph A. E., Cloutier-Fisher D. (2004). Ageing in Rural Communities: Vulnerable People in Vulnerable Places. L.: Routledge.
- Korolenko A. V. (2021). Health-saving attitudes as a factor promoting self-preservation behavior: Approaches to the study and experience in typology // Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny. Vol. 14. № 4. С. 59–76.
- Lefebvre H. (1991). The Production of Space. Vol. 142. Blackwell: Oxford.

- Miranti R., Peng Y. (2015). Why social exclusion persists among older people in Australia // *Social Inclusion*. Vol. 3. № 4. P. 112-126.
- Pani-Harreman K. E., Bours G., Zander I. et al. (2021). Definitions, key themes and aspects of 'ageing in place': A scoping review // *Ageing & Society*. Vol. 41. № 9. P. 2026-2059.
- Parfenova O. A. (2022). Health-saving practices of older city dwellers in the context of delayed aging // *Advances in Gerontology = Uspekhi Gerontologii*. Vol. 35. № 5. P. 679-685.
- Phillipson C. (2011). Developing age-friendly communities: New approaches to growing old in urban environments // *Handbook of Sociology of Aging*. P. 279-293.
- Petersen M., Minnery J. (2013). Understanding daily life of older people in a residential Complex: The contribution of Lefebvre's social space // *Housing Studies*. Vol. 28. № 6. P. 822-844.
- Sanders D. (2023). *The Struggle for Health: Medicine and the Politics of Underdevelopment*. Oxford University Press.
- Scharf T., Phillipson C., Smith A. E. (2005). Social exclusion of older people in deprived urban communities of England // *European Journal of Ageing*. Vol. 2. № 2. P. 76-87.
- Somporn P., Ash J., Walters L. (2018). Stakeholder views of rural community-based medical education: A narrative review of the international literature // *Medical Education*. Vol. 52. № 8. P. 791-802.
- Spoor M., Tasciotti L., Peleah M. (2014). Quality of life and social exclusion in rural Southern, Central and Eastern Europe and the CIS // *Post-Communist Economies*. Vol. 26. № 2. P. 201-219.
- Van Regenmortel S., De Donder L., Smetcoren A. S., Lambotte D., De Witte N., Verté D. (2018). Accumulation of disadvantages: Prevalence and categories of old-age social exclusion in Belgium // *Social Indicators Research*. Vol. 140. № 3. P. 1173-1194.
- Walsh K., O'Shea E., Scharf T., Murray M. (2012). Ageing in changing community contexts: Cross-border perspectives from rural Ireland and Northern Ireland // *Journal of Rural Studies*. Vol. 28. № 4. P. 347-357.
- Walsh K., O'Shea E., Scharf T., Shucksmith M. (2014). Exploring the impact of informal practices on social exclusion and age-friendliness for older people in rural communities // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. Vol. 24. № 1. P. 37-49.
- Walsh K., Scharf T., Keating N. (2017). Social exclusion of older persons: A scoping review and conceptual framework // *European Journal of Ageing*. Vol. 14. № 1. P. 81-98.
- Walsh K., Scharf T., Van Regenmontel S., Wanka A. (2020). *Social Exclusion in Later Life. Interdisciplinary and Policy Perspectives*. Cham: Springer International Publishing.
- Wanka A., Moulaert T., Drilling M. (2018). From environmental stress to spatial expulsion: Rethinking concepts of socio-spatial exclusion in later life // *International Journal of Ageing and Later Life*. Vol. 12. № 2. P. 25-51.
- Wiles J. L., Leibing A., Guberman N. et al. (2012). The meaning of "aging in place" to older people // *Gerontologist*. Vol. 52. № 3. P. 357-366.

И. С. Петухова,
О. А. Парфенова,
К. А. Галкин
Здоровье пожилых в российской деревне

Health of the elderly in the Russian village

Irina S. Petukhova, PhD (Sociology), Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. 190005, Saint Petersburg, 7th Krasnoarmeiskaia st., 25/14, Associate Professor, Petrozavodsk State University. 185910, Petrozavodsk, Prosp. Lenina, 33. E-mail: irini-prz@yandex.ru

Oksana A. Parfenova, PhD (Sociology), Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. 190005, Saint Petersburg, 7th Krasnoarmeiskaia St., 25/14. E-mail: oparfenova2023@yandex.ru

Konstantin A. Galkin, PhD (Sociology), Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. 190005, Saint Petersburg, 7th Krasnoarmeiskaya St., 25/14.
E-mail: kgalkin1989@mail.ru

Abstract. The article considers the perception of health and health-preserving behavior by the elderly rural residents. Today Russian villages are viewed as crisis-prone spaces characterized by poor infrastructure and limited access to medical care. In 2024, the authors conducted in-depth interviews with the elderly (60+) (N=42) and rural care organizers (N=23) and prepared detailed descriptions with photographs of nine villages in the Leningrad Region, Novgorod Region, and the Republic of Karelia. The elderly define their health as spatial functionality — the ability to maintain one's home, one's household, and oneself. As mobility decreases, the space of functionality narrows — from the village to the household, and at the last stage to one's home and body. Despite the declining functionality, there remains a need for autonomy, and a system of external support becomes increasingly important — assistance from relatives, neighbors, medical and social workers is vital in the countryside with its crisis conditions and a required wide range of necessary assistance. The rural medical worker can play a key role as a medical care organizer provided necessary infrastructure (for example, a first aid station and a special medical vehicle with a driver). However, the presence of infrastructure does not guarantee expanded access to medical care or its improved quality, as it may be difficult to find medical personnel willing to work in the village. Thus, the health-preserving behavior of the rural elderly is a crisis adaptation tactic in which the close social circle and local community play a significant role.

Key words: aging in rural areas, health of the elderly, medicine in the village, accessibility of medicine for the elderly, rural infrastructure, state healthcare policy

References

- Becker E., Boreham R. (2009) Understanding the risks of social exclusion across the life course: Older age. *Social Exclusion Task Force*.
- Bogdanova E., Galkin K., Nizamova A. (2024) Etiki sosedskoy zaboty o pozhiyih v Rossiyskom sele: na puti k obshchinnomu menedzhirializmu [Ethics of neighborly care for the elderly in the Russian village: On the way to community managerialism]. *Russian Sociological Review*, vol. 23, no 3, pp. 285–313.
- Braun V., Clarke V. (2006) Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, vol. 3, no 2, pp. 77–101.
- Buffel T., Phillipson C., Scharf T. (2013) Experiences of neighborhood exclusion and inclusion among older people living in deprived inner-city areas in Belgium and England. *Ageing & Society*, vol. 33, no 1, pp. 89–109.
- Chernyshev V. M., Strelchenko O. V., Mingazov I. F. (2021) Posledstviya reformirovaniya zdravookhraneniya v RF [1990–2020 gg.]. Problemy i predlozheniya [Consequences of the healthcare reform in the Russian Federation [1990–2020]. Problems and suggestions]. *ORGZDRAV: News. Opinions. Training. Bulletin of the Higher School of Healthcare*, vol. 24, no 2, pp. 86–102.
- Colibaba A., Skinner M. W., Russell E. (2021) Rural aging during covid-19: A case study of older voluntarism. *Canadian Journal on Aging*. URL: <https://doi.org/10.1017/S0714980821000386>.
- Dahlberg L. (2019) Ageing in a changing place: A qualitative study of neighborhood exclusion. *Ageing & Society*, vol. 40, no 10, pp. 2238–2256.
- Denzin N. K. (2012) Triangulation 2.0. *Journal of Mixed Methods Research*, vol. 6, no 2, pp. 80–88.

- Dwyer P., Hardill I. (2011) Promoting social inclusion? The impact of village services on the lives of older people living in rural England. *Ageing & Society*, vol. 31, no 2, pp. 243–264.
- Erugina M. V., Krom I. L., Ermolaeva O. V. et al. (2016) Sovremennye problemy organizatsii meditsinskoj pomoshchi selskomu naseleniyu [Today's problems in organizing medical care for the rural population]. *Contemporary Issues of Science and Education*, no 5.
- Filipkowski K. B. et al. (2010) Do healthy people worry? Modern health worries, subjective health complaints, perceived health, and health care utilization. *International Journal of Behavioral Medicine*, vol. 17, pp. 182–188.
- Galkin K. A. (2020a) Vse prelesti selskoy zhizni? Tipy professionalnoy identichnosti molodykh vrachey, rabotayushchih v selskoy mestnosti [All joys of rural life? Types of the professional identity of young doctors working in rural areas]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 18, no 2, pp. 175–190.
- Galkin K. A. (2020b) Rezhimy zaboty i samozaboty pri otdelnom prozhivanii pozilykh lyudey v periferiynih poseleniyah [Regimes of care and self-care when the elderly live separately in peripheral settlements]. *Sociological Studies*, no 9, pp. 70–78.
- Galkin K. A. (2022) Praktiki zdorovyesberezheniya pozilykh lyudey v selskoy mestnosti posle covid-19 [Health-preserving practices of the elderly in rural areas after covid-19]. *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*, vol. 67, no 3, pp. 126–134.
- Grigoryeva I., Parfenova O., Dmitrieva A. (2021) Social policy for older people in the post-Soviet space: How do pension systems and social services influence social exclusion? *Social Exclusion in Later Life: Interdisciplinary and Policy Perspectives*, Cham: Springer International Publishing, pp. 385–395.
- Jehoel-Gijsbers G., Vrooman J. (2008) Social exclusion of the elderly. *Centre for European Policy Studies, European Network of Policy Research Institutes*, Brussels.
- Joseph A. E., Cloutier-Fisher D. (2004) *Ageing in Rural Communities: Vulnerable People in Vulnerable Places*, London: Routledge.
- Kalininskaya A. A., Malikova L. M. (2015) Problemy i puti reformirovaniya zdavookhraneniya sela [Problems and ways of reforming rural healthcare]. *Social Aspects of Population Health*, vol. 44, no 4.
- Kalininskaya A. A., Bayanova N. A. (2020) Nauchnoe obosnovanie otsenki territorialnoy dostupnosti pervichnoy vrachebnoy mediko-sanitarnoy pomoshchi selskomu naseleniyu [Scientific basis for assessing the territorial accessibility of primary healthcare for the rural population]. *Kazan Medical Journal*, vol. 101, no 6, pp. 890–896.
- Korolenko A. V. (2021) Health-saving attitudes as a factor of self-preserving behavior: Approaches to the study and a typology. *Economic and Social Changes*, vol. 14, no 4, pp. 59–76.
- Kozyreva P. M., Smirnov A. I. (2018) Problemy meditsinskogo obsluzhivaniya v selskoy mestnosti [Problems of medical care in rural areas]. *Humanitarian of the South of Russia*, vol. 7, no 4, pp. 33–49.
- Krashenninnikova Yu. A. (2015) "Neformalnoe zdavookhranenie" v sovremennoy Rossii i faktory ego razvitiya (po materialam pilotnogo issledovaniya) ["Informal healthcare" in today's Russia and factors of its development (based on the exploratory study)]. *World of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 24, no 4, pp. 99–122.
- Latyshova A. A., Nesvetailo N. Ya., Lyutsko V. V., Ivanova M. A. (2025) Meditsinskie kadry v selskoy mestnosti: trendy klyuchevykh pokazateley [Medical personnel in rural areas: Key indicators trends]. *Healthcare of the Russian Federation*, vol. 69, no 1, pp. 5–11.
- Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*, vol. 142, Oxford: Blackwell.
- Miranti R., Peng Y. (2015). Why social exclusion persists among older people in Australia. *Social Inclusion*, vol. 3, no 4, pp. 112–126.

И. С. Петухова,
О. А. Парфенова,
К. А. Галкин
Здоровье пожилых в российской деревне

- Pani-Harremman K. E., Bours G., Zander I. et al. (2021) Definitions, key themes and aspects of “ageing in place”: A scoping review. *Ageing & Society*, vol. 41, no 9, pp. 2026–2059.
- Parfenova O. A. (2022) Health-saving practices of the urban elderly in the context of delayed aging] *Advances in Gerontology*, vol. 35, no 5, pp. 679–685.
- Patyan N., Golubeva E. Yu., Seman J., Trobert M. A. (2020) Riski sotsialnogo isklyucheniya pri vzaimodejstvii gosudarstva i semyi v sisteme ukhoda za pozhilymi lyudmi [Risks of social exclusion in the interaction of the state and the family in the care system for the elderly]. *Human Ecology*, no 1.
- Phillipson C. (2011) Developing age-friendly communities: New approaches to growing old in urban environments. *Handbook of Sociology of Aging*, pp. 279–293.
- Petersen M., Minnery J. (2013) Understanding daily life of older people in a residential complex: The contribution of Lefebvre’s social space. *Housing Studies*, vol. 28, no 6, pp. 822–844.
- Petukhova I. S. (2022) Pozhilye lyudi v selskoy mestnosti vo vremya pandemii covid-19 [Older people in rural areas during the covid-19 pandemic]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 25, no 3, pp. 187–209.
- Rusinova N. L., Safronov V. V. (2018) Psikhologicheskie mediatory sotsialnyh neravenstv v zdorovye: “uverennost v sebe” v Evrope i Rossii [Psychological mediators of social inequalities in health: “Self-confidence” in Europe and Russia]. *Sociological Journal*, no 4, pp. 30–53.
- Sanders D. (2023) *The Struggle for Health: Medicine and the Politics of Underdevelopment*, Oxford University Press.
- Scharf T., Phillipson C., Smith A. E. (2005) Social exclusion of older people in deprived urban communities of England. *European Journal of Ageing*, vol. 2, no 2, pp. 76–87.
- Somporn P., Ash J., Walters L. (2018) Stakeholder views of rural community-based medical education: A narrative review of the international literature. *Medical Education*, vol. 52, no 8, pp. 791–802.
- Spoor M., Tasciotti L., Peleah M. (2014) Quality of life and social exclusion in rural Southern, Central and Eastern Europe and the CIS. *Post-Communist Economies*, vol. 26, no 2, pp. 201–219.
- Van Regenmortel S., De Donder L., Smetcoren A. S., Lambotte D., De Witte N., Verté D. (2018) Accumulation of disadvantages: Prevalence and categories of old-age social exclusion in Belgium. *Social Indicators Research*, vol. 140, no 3, pp. 1173–1194.
- Walsh K., O’Shea E., Scharf T., Murray M. (2012) Ageing in changing community contexts: Cross-border perspectives from rural Ireland and Northern Ireland. *Journal of Rural Studies*, vol. 28, no 4, pp. 347–357.
- Walsh K., O’Shea E., Scharf T., Shucksmith M. (2014) Exploring the impact of informal practices on social exclusion and age-friendliness for older people in rural communities. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, vol. 24, no 1, pp. 37–49.
- Walsh K., Scharf T., Keating N. (2017) Social exclusion of older persons: A scoping review and conceptual framework. *European Journal of Ageing*, vol. 14, no 1, pp. 81–98.
- Walsh K., Scharf T., Van Regenmontel S., Wanka A. (2020) *Social Exclusion in Later Life. Interdisciplinary and Policy Perspectives*, Cham: Springer International Publishing.
- Wanka A., Moolaert T., Drilling M. (2018) From environmental stress to spatial expulsion: Re-thinking concepts of socio-spatial exclusion in later life. *International Journal of Ageing and Later Life*, vol. 12, no 2, pp. 25–51.
- Wiles J. L., Leibing A., Guberman N. et al. (2012) The meaning of “aging in place” to older people. *Gerontologist*, vol. 52, no 3, pp. 357–366.

Региональные аспекты вышивки как объекта нематериального культурного наследия России¹

Н. А. Колдобская

Наталья Андреевна Колдобская, кандидат географических наук, доцент, кафедра экономической и социальной географии России, географический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: koldobskaya@gmail.com

EDN: ICUUTR

Аннотация. Статья посвящена исследованию вышивки как объекта нематериального культурного наследия России с акцентом на ее региональных особенностях. Подчеркивается, что каждая культура вносит в вышивку уникальные черты, отражающие исторические, социальные и культурные особенности региона. В условиях глобализации и стремительного развития технологий задача сохранения и популяризации традиционных техник вышивки приобретает особую актуальность. Целью статьи является выявление географических закономерностей и региональных особенностей традиций вышивки в России. Для достижения этой цели автор ставит задачи по поиску вышивки в реестрах объектов нематериального наследия и народных художественных промыслов, составлению базы данных по особенностям вышивки в различных регионах России. Особенно ценными методами при проведении данного исследования стал метод включенного наблюдения и полевой этнографии. В статье рассматривается историческая трансформация традиций вышивки как объекта нематериального наследия, рассматриваются предприятия народных художественных промыслов. Отдельная часть статьи посвящена рассмотрению роли географических факторов в формировании региональных традиций вышивки. Автором также разработана типология регионов России по особенностям этих традиций. Также подробно описываются различия в данном аспекте города и сельской местности. Статья подчеркивает важность сохранения и передачи знаний о вышивке как ключевого аспекта культурного самосознания и идентичности народов России. Вышивка рассматривается не только как украшение одежды и предметов быта, но и как носитель глубокого символизма, отражающего мировосприятие и духовные ценности народа.

Ключевые слова: традиции вышивки, нематериальное культурное наследие, народные художественные промыслы, регионы России, исторический анализ, географические факторы, типология

Вышивка, как форма народного искусства, представляет собой не только эстетическое выражение, но и важный элемент нематериального культурного наследия, который передается из поко-

1. Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 25-27-00027 «Картографическое обеспечение охраны нематериального культурного наследия народов России».

ления в поколение. В каждой культуре вышивка обретает уникальные черты, отражая исторические, социальные и культурные особенности региона. В условиях глобализации и стремительного развития технологий, сохранение и популяризация традиционных техник вышивки становится особенно актуальным. В данной статье региональные особенности вышивки рассматриваются как важный аспект нематериального культурного наследия. Сохранение и передача знаний о вышивке из поколения в поколение становятся важными задачами для культурного самосознания и идентичности народов России. Вышивка не только служит украшением одежды и предметов быта, но и несет в себе глубокий символизм, отражая мировосприятие и духовные ценности народа. В 2022 году стартовал проект «Вышитая карта России», презентованный в Чебоксарах и Москве, а в 2023 году прошел фестиваль «Вышитая Россия», где можно было увидеть отдельные карты регионов. Уникальность этого проекта заключается в том, что он показывает многонациональность, культурные традиции и культурный код страны, которые соединяются через вышивку. Сейчас собранную карту можно увидеть в Чебоксарах в Музее Вышитой карты России².

Целью нашего исследования было выявление географических закономерностей и региональных особенностей традиций вышивки. Для ее реализации решались следующие задачи: изучение исторических корней вышивки, что позволило понять, как формировались традиции и стили в зависимости от исторических событий и культурного влияния; выявление влияния климатических условий и природных особенностей местности на выбор материалов, техники исполнения, орнаменты вышивки и цветовые решения, поиск вышивки в реестрах объектов нематериального наследия и народных художественных промыслов; составление базы данных вышивок по регионам.

Материалы и методы исследования

Основными источниками информации при проведении данного исследования стал реестр объектов нематериального культурного наследия Российской Федерации (rusfolk.nasledie.ru)³, портал культура.рф⁴, региональные реестры, порталы национальных краеведческих музеев, а также научные этнографические статьи. При изучении региональных особенностей вышивки, кроме традицион-

2. Портал Вышитая карта России. URL: <https://xn--80aaaf4adam2bsbnafeg5b8d.xn--p1ai/#oproekte> [дата доступа: 10.04.2025]

3. Объекты нематериального культурного наследия Российской Федерации URL: rusfolk.nasledie.ru [дата доступа: 02.05.2025]

4. Портал культура.рф. URL: [Портал культура.рф](http://культура.рф) [дата доступа: 02.05.2025]

ного для географов картографического метода, применялись иные нетипичные для нашей науки качественные и количественные научные методы.

1. Исторический анализ: Изучение архивных материалов, старинных образцов вышивки и письменных источников помогло понять эволюцию и изменения в технике вышивки, мотивах и стилях на протяжении времени.
2. Полевая этнография: Этот метод включал наблюдение и участие в процессе создания вышивки в реальном времени (во время экспедиций автора в Чувашскую Республику, Республику Карелию и Тверскую область).
3. Эстетический анализ: Оценка визуальных и эстетических аспектов вышивки, включая цветовые схемы, форму, композицию и использование мотивов, позволила исследовать культурные значения и символику.
4. Технологический анализ: Этот метод включал в себя изучение используемых материалов (тканей, нитей) и техник (вышивка крестом, гладью и т.д.).
5. Сравнительный анализ: Сравнение различных культурных практик вышивки позволило выявить общие черты и отличия.
6. Мультимедийный метод: Использование видеоматериалов, фотографий и электронной документации позволило зафиксировать и проанализировать процесс вышивания и культурные мероприятия, связанные с вышивкой.

Н. А. Колдобская
Региональные аспекты вышивки как объекта нематериального культурного наследия России

Традиции вышивки как объекта нематериального культурного наследия

Вышивка как объект нематериального культурного наследия присутствует во многих странах мира, она охватывает множество аспектов, связанных с культурной идентичностью, традициями, техникой и социальной практикой.

Традиции и обряды. Вышивка часто присутствует в рамках различных культурных и религиозных обрядов. Например, в некоторых культурах вышитые предметы (одежда, полотенца, наволочки) могут использоваться в свадебных ритуалах, крещении, для чего вышивались специальные рушники и полотенца, имевшие сакральное значение. Религиозные и фольклорные мотивы часто пересекались, и вышивка могла содержать элементы, в которых смешивались языческие верования и христианская символика (изображения солнца или деревьев жизни могли трактоваться как символы плодородия и защиты).

Идентичность и символика. Вышивка часто включает в себя индивидуальные и коллективные символы, отражающие культурную и этническую идентичность: орнаменты могут рассказывать о происхождении, истории и культуре народа.

Техники и мастерство. Существуют различные техники вышивки, передаваемые от мастера к ученику, что является важной частью культурного обучения и передачи знаний, как, например, в Японии техника «sashiko», а в Мексике — «día de los muertos».

Социальное взаимодействие. Вышивка может быть коллективным занятием, объединяющим людей, — совместное вышивание в рамках женских сообществ или семейных традиций способствует социальному взаимодействию и поддержанию связей между поколениями.

Экономическое значение. В некоторых странах вышивка является важным источником дохода для местных мастеров и сообществ, создание и продажа вышитых изделий может поддерживать традиционные техники и обеспечивать их устойчивое развитие.

Сохранение и развитие. Многие страны стремятся сохранить свои традиции вышивки через учебные программы, мастер-классы и фестивали, призванные популяризировать это искусство среди молодежи.

Адаптация и инновации. Современные художественные практики могут адаптировать традиционные техники вышивки, создавая новые формы искусства. Это позволяет не только сохранять умения, но одновременно и двигаться вперед, объединяя традицию и современность.

Таким образом, вышивка представляет собой многослойное явление, охватывающее художественные, культурные, социальные и экономические аспекты. В некоторых странах вышивка включена в перечень объектов нематериального культурного наследия ЮНЕСКО⁵: в Китае это мастерство ручной вышивки бисером из города Сямэнь китайской провинции Фуцзянь, в Боснии и Герцеговине змианская вышивка, в Румынии и Молдове — искусство рубашки с вышивкой, как элемент культурной идентичности этих стран, в Туркмении искусство туркменской вышивки, в Палестине традиция вышивки татриз, искусство ручной вышивки узоров и мотивов яркими цветными нитками на одежде.

Из российских традиций вышивки в перечень объектов нематериального культурного наследия ЮНЕСКО внесена только одна — это крымскотатарская вышивка (традиционный орнамент «Орьнек» и знание о нем), однако другие традиции вышивки также уникальны и самобытны и потому включены в реестры двух уровней: реестр объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации и региональные каталоги объектов нематериального культурного наследия (рис. 1).

5. ЮНЕСКО. URL:<https://www.unesco.org/ru/intangible-cultural-heritage>
[дата доступа: 27.04.2025]

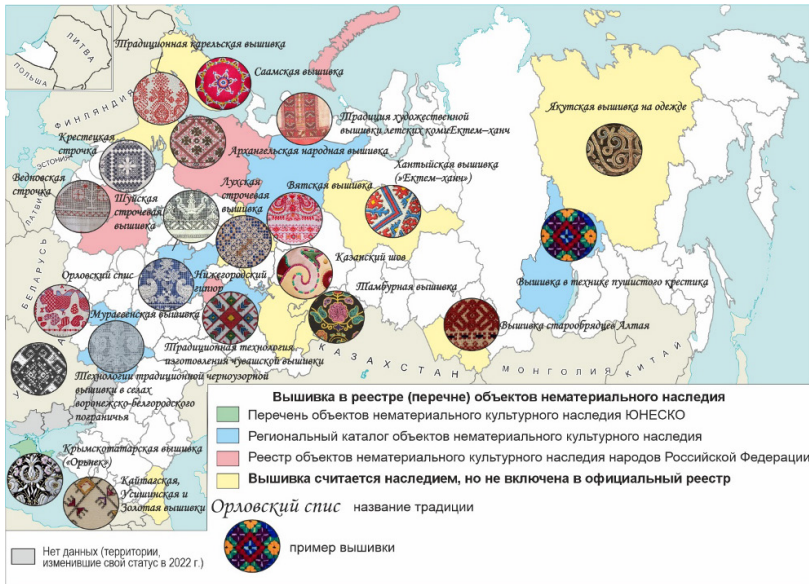

Рис. 1. Карта официальных традиций вышивки в регионах России. Составлена автором

Есть регионы, где традиции вышивки являются нематериальным наследием, но пока не в официальных списках. Например, в Челябинской области тамбурная вышивка села Арасланово Нязепетровского района в 2024 году признана экспертами достойной включения в Федеральный государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния. Якутская вышивка на одежде также является культурным достоянием Республики Саха. Или, например, дагестанская *кайтагская* вышивка. По мнению английского этнографа Роберта Ченсинера, это один из самых древних видов вышивки. В ее орнаментах присутствуют символы еще доисламского периода: знаки вечности, солярные знаки, стилизованные изображения животных, встречаются и антропоморфные изображения.

Усишинская даргинская вышивка получила свое название по месту первоначального обнаружения — с. Усиша Акушинского района. Вышивки были на платках для невесты, изображения на них защищали ее от сглаза. *Золотая вышивка* раньше всего сформировалась в кумыкских и лакских центрах, она украшала свадебные и праздничные наряды, в том числе и обувь, а также использовалась в изготовлении басонных изделий: шнуров, тесьмы, галунов.

В некоторых регионах России традиционная вышивка ушла в прошлое, как, например в 1930-е годы технологии удмуртской традиционной вышивки пришла на смену вышивки по журнальным образцам. Однако у двух периферийных групп нижнечепецких уд-

муртов (косинской и слободской) все же сохранилась древняя технология — вышивка счетными швами. Также к утерянным вышивальным традициям относится макошь (белая вышивка на красном фоне), распространенная в Поволжье и представляющая собой традиционные обереги, символизировавшие женское начало.

В официальные реестры разного уровня на 2025 год внесено 14 традиций вышивки (рис. 1., табл. 1). Ниже представлены некоторые их особенности.

Таблица 1. Характерные особенности традиций вышивки России, входящих в официальные реестры объектов нематериального культурного наследия

Название традиции вышивки	Регионы бытования	Год включения в список	Особенности
Перечень объектов нематериального культурного наследия ЮНЕСКО			
Крымско-татарская вышивка (традиционный орнамент «Орьнек» и знание о нем)	Республика Крым	2021	Искусство крымскотатарской вышивки насчитывает 10 видов узорного шитья, из которых шесть являются основными, и четыре дополнительными. Вышивка двусторонняя, рисунок идентичен и с лицевой стороны, и с изнанки. В старину шелковые нити окрашивались растительными ингредиентами, поэтому даже спустя века они сохраняют свой цвет, не «плывут» при стирке, не выгорают на солнце. Растительные красители давали нежные цвета — розовый, бирюзовый, горчичный, терракотовый.
Реестр объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации			
Архангельская народная вышивка	Архангельская область	2017	Чаще всего в архангельской вышивке применяется шов, называвшийся роспись и состоящий из мелких красных стежков, которые создавали на ткани тонкий графический узор-контур. Потом он заполняется прямыми и диагональными полосами, клетками, зигзагами синего, зеленого или желтого цвета. Сначала мастерица легкой линией отмечала контур мотива, который потом и заполняла различными декоративными разделками: прямыми и диагональными полосами, клетками, зигзагами и др. В отдельных случаях контур мотива обогащался штрихами, звездочками или крючками. Тончайшим кружевом ложился вышитый красный узор на белый холст нарядной рубахи, полотенца или подзора. Нежные голубые, зеленые и золотистые тона шелка, а также блески обогащали узор, повышали его декоративную выразительность. Из-за использования счетных швов архангельской вышивке свойственна строгая симметрия мотивов, вертикальное, горизонтальное и диагональное расположение узора.

Ведновская строчка	Тверская область	2022	Отличается применением строчевых приемов, основной цвет — белый по белому. Изделия, украшенные белой строчкой: полотенца, покрывала, подзоры, детские простынки-уголки, занавески для окон, скатерти, дорожки, салфетки, детали одежды.
Крестецкая строчка	Новгородская область	2022	Использование льняного полотна. Особая структура льна позволяет выдергивать нити в двух направлениях, создавая заготовку под ажур. Также для работы использовали хлопок и шелк. Создание строчевых швов. Из домотканого полотна выдергивали продольные и поперечные нити, превращая его в прочную ажурную сетку. Затем оставшиеся нити перевивали иглой, создавая разнообразные узоры. Использование специальных швов. Ячейки сетки заполняли крестецкими швами: «рассыпным гипюром», «старинным гипюром», «мыльными пузырями», «тарлатой», «вологодским стеклом», сновочными мотивами. Применение мережек. Вышивку дополняли простыми или сложными мережками. Незакрытые прозрачными узорами участки ткани-основы иногда украшали гладьевой вышивкой с геометрическими орнаментами. Использование «ломаной иглы». Для повышения скорости, точности и удобства работы вышивку выполняли иглой, которая наполовину меньше обычной. Уникальные узоры. Узоры крестецкой строчки основаны на геометрическом орнаменте с ромбическими, звездчатыми мотивами, стилизованными образами растений, животных и людей ⁶ .
Традиционная технология изготовления чувашской вышивки	Чувашская Республика	2022	Некоторые особенности чувашской вышивки, которые делают ее уникальной: Счетная техника исполнения. Мастерница считала каждую нитку холста, поэтому все узоры получались геометрической формы. Отсутствие узелков. Многие предметы вышивались двухсторонними швами. Использование разнообразных мотивов. В чувашском орнаменте нашли отражение почти все его виды: геометрический, растительный, зооморфный и орнитоморфный. Роль оберега. В XVIII–XIX веках вышивкой украшали наиболее «опасные» открытые места в костюме: ворот и горловину, концы рукавов и подол рубахи. Половозрастной отличительный признак. Девичий и женский костюмы отличались не только по набору украшений и головных уборов, но и орнаментом.

6. Нижегородский гипюр. URL: <http://gipur-nhp.ru/o-predpriyatii/about/> [дата доступа: 29.04.2025]

Региональный каталог объектов нематериального культурного наследия			
Вышивка в технике пушистого крестика	Иркутская область	2021	С помощью нее сибирские мастерицы украшали подушки, нарукавные манжеты, повязки на голову или пояса (Иркутский областной дом народного творчества, 2025) ⁷ .
Казанский шов	Республика Татарстан	2022	«Казанский (татарский) шов» — это способ соединения вручную узорно выкроенных деталей кожи встык.
Нижегородский гипюр	Нижегородская область	2003	Особый вид строчевой вышивки. Промысел сложился в конце XIX века в Василевской слободе (ныне Чкаловский район Нижегородской области). Отличительные особенности — геометрический орнамент, нехарактерный для других регионов, изящество композиции, многообразие исполнительской техники. Для нее характерно преимущество растительного орнамента над геометрическим. Например, часто встречаются грозди винограда, розы, колоски, васильки. Для вышивки характерно четкое ритмичное строение рисунка, чередование в узоре одинаковых элементов: крупных и мелких, блестящих и матовых, округлых и резных, золотых и серебряных.
Лухская строчевая вышивка	Ивановская область	2024	В узорах преобладают мелкие растительные мотивы, отдаленно напоминающие ромашку. Мотивы называются «бобурки» и выполняются по перевитой сетке пушистым настилом. Каждая мастерица выполняла узор по-своему. В 1997 году Лухская строчевышивальная фабрика была ликвидирована. В настоящее время активно собирается и восстанавливается утраченная информация о промысле.
Мураевенская вышивка	Липецкая область	2023	Относится к ажурному строчевому шитью, выполняется по сетке, образованной в результате выдергивания продольных и поперечных нитей. Для нее характерна белая строчка по мелкой сетке, перевитой белой ниткой. В вышивке встречаются геометрический орнамент, изображения копей, птиц, женщин, всадников и деревьев, фантастических животных — барсов, грифонов.
Орловский список	Орловская область	2022	Орловский список — одна из самых древних и старинных вышивок, которая известна на сегодняшний день. Корни этой вышивки уходят глубоко в древность, в те времена, когда на территории Орловщины жило племя язычников вятичей. Обережная суть древних образов долго сохранялась в обрядовых действиях и сопутствующих им предметах. Родиной данного вида вышивки считаются несколько сел и деревень под Орлом.

7. Иркутский областной дом народного творчества. URL: <https://iodnt.ru/4942-tehnologiya-vyshivki-pushistym-krestikom-zafiksirovana-etnografom-iodnt-kak-ob-ekt-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya-sibiri> [дата доступа: 27.04.2025]

Технологии традиционной черноузорной вышивки в селах воронежско-белгородского пограничья	Белгородская область (Алексеевский, Красненский, Красногвардейский районы), Воронежская область (Острогожский, Каменский, Рельевский районы)	2022	Характеризуется простотой форм, тонким чувством ритма, строгостью композиционного построения и разнообразием деталей. Главный отличительный признак — вышитые черные геометрические орнаменты на рукавах и плечевых вставках — поликах. Некоторые особенности технологии: Для вышивки использовали ткань с простым полотняным переплетением. Холст ткали из конопляных нитей, также применяли покупные хлопчатобумажные и льняные нитки. Техника исполнения — односторонняя или лицевая счетная гладь. Стежки узора располагались вертикально (вдоль основы), строго параллельно, каждый новый ряд — со сдвигом на одну нить. Вышивка представляла собой многоярусную композицию. В отличие от украинской или западнорусской вышивки, в воронежско-белгородском пограничье вышивка всегда симметрична относительно центра (верх/низ; правая часть/левая часть) (Воронежский областной центр народного творчества и кино, 2025)⁸.
Традиция художественной вышивки летских коми	Республика Коми (традиция была распространена в Прилузском районе, в селах Летка, Черемуховка, Мутница, Гурьевка, Слудка и деревнях Талица, Кулига и Березовка)	2021	Узорная многоцветная вышивка на головных уборах и рубашках, которая не имеет аналогов у других этнографических групп коми. Контуры узоров: на головных уборах их вышивали черным цветом. В орнаментальные композиции также вводились нити зеленого, желтого, коричневого, голубого цветов. Орнамент: в рубашках — геометрический, в головных уборах — геометрический и стилизованный. Швы: рубашки вышивали набором, двусторонним швом и тамбуром, а головные уборы — косым стежком, прямой счетной гладью, скрещенным швом, крестом и иногда набором и двусторонним швом.
Шуйская строчевая вышивка	Ивановская область	2025	Характерные особенности шуйской строчки: заполнение сетчатого поля горизонтальными, вертикальными и диагональными осями из ниток, на основе которых создается узор из розеток, кругов, сноповидных и крестовидных мотивов. Также используется сочетание плотно зашитых частей с ажурными.

Также следует отметить, что некоторые представления о региональных традициях вышивки дают музеи, как правило, краеведческие, но есть и специализированные тематические. Всего в мире

8. Воронежский областной центр народного творчества и кино. URL: <https://www.vrnfolk.ru/cultural/tehnologija-chernouzornoj-vyshivki-vo-ronezhsko-belgorodskogo-pogranichja.html> [дата доступа: 29.04.2025]

их более 50, наиболее известные из них — Музей вышивки Chung Young Yang в женском университете Sookmyung (Южная Корея), Музей украинского рушника (Украина), Музей шелка (Сучжоу, Китай). В России также есть несколько: Музей национальной художественной вышивки «Чудесная вышивка — Паха Тере», Чувашская Республика, поселок Кугеси; Музей чувашской вышивки, Чувашская Республика, г. Чебоксары; Музей «Золотное шитье XIX век», Тверская область, г. Торжок; Выставочный зал «Дом вышивки», Липецкая область, г. Чаплыгин; Арт-гостиная «Вышивка крестиком», Дом ремесел, Белгородская область, г. Грайворон; Музей фабрики «Крестецкая строчка», Новгородская обл., пос. Крестцы; Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства, г. Москва.

Исторические и культурные аспекты вышивки

Вышивка в России имеет глубокие исторические корни, самые ранние образцы вышивки обнаружены на одежде, датированной XII–XIII веками. В зависимости от региона, цветовые решения и мотивы отличались: например, в северных губерниях использовались яркие контрастные цвета, тогда как в южных регионах более мягкие пастельные оттенки (Сальникова, 2022).

Вышивка не была просто декоративной функцией, она также имела обрядовое значение и служила символом статуса в обществе, отражала духовные и религиозные аспекты жизни народа. Например, в вышивке Северной Руси можно разглядеть символику, служившую оберегом и связанную с плодородием и личным счастьем (Носань, 2009).

Интересно, что в каждом регионе России развивалась своя техника вышивания, определялся набор используемых материалов. В Галичине почитают вышивку как элемент кульминационной пригонки к костюму, а в большинстве русских областей преобладает вышивка крестиком (Валькевич, 2013).

Значение вышивки не ограничивалось ее эстетической стороной — работа над ней создавала пространство для социального взаимодействия: женщины собирались вместе, обсуждали важные события, передавали знания и навыки (Валькевич, Ершова, Романова, Крохина, 2018).

Постепенно вышивка стала неотъемлемой частью русского народного костюма: каждая народность развивала свой собственный стиль, символику цветов, которые менялись в зависимости от времени года или конкретного праздника (Михеева, Джичонная, 2020).

Трансформация региональных традиций вышивки в истории России проходила несколькими основными этапами, отражающими изменения в культуре, социальной структуре и экономике (табл. 2).

Таблица 2. Основные этапы трансформация региональных традиций вышивки в истории России

Этап	Основные черты
1. Древнерусский период (X–XIII вв.)	— Вышивка как часть повседневной жизни славян была связана с обрядовостью и религией. Основными мотивами были символика плодородия, защита и обереги. — Использовались натуральные материалы: лен, шерсть, кожа.
2. Монголо-татарское нашествие и татаро-монгольский период (XIII–XV вв.)	— Вышивка подверглась влиянию Востока. Стали появляться новые техники и узоры, заимствованные от монгольских племен. — Развивалась местная самобытность, и в разных регионах формировались уникальные традиции.
3. Период Московского государства (XV–XVII вв.)	— Вышивка стала неотъемлемой частью одежды и церковных облачений. Некоторые техники и узоры перешли в светскую моду. — Увеличилась интеграция с европейскими традициями, появились новые покрытия (изображения на скатерти, салфетках).
4. Эпоха Петра I и дальнейшие реформы (XVIII в.)	— Петр I способствовал западной культуре, что отразилось в народной вышивке (использование новых материалов и стилей). — Начало активного внедрения в вышивку элементов светской жизни и влияния европейских мод.
5. XIX век: Возрождение народного искусства и фольклора	— Всероссийские выставки (например, в 1882 году в Москве) способствовали возрождению интереса к традиционному декоративно-прикладному искусству. — Образование кружков и обществ, направленных на сохранение народных традиций, таких как «Русское народное искусство».
6. Советский период (1920–1990 гг.)	— Массовая индустриализация значительно изменила вышивку. Упрощение техник и утеря специфики местных традиций из-за стандартизации. С другой стороны, возникновение артелей во многом способствовало сохранению традиций вышивки — Однако в конце 1980-х годов возобновился интерес к народным традициям и региональным особенностям.
7. Постсоветский период (1990-е–настоящее время)	— Оживление интереса к народным традициям, большое количество мастер-классов и выставок. — Современные художники экспериментируют с традиционными техниками, пытаются сохранить и переосмыслить местные традиции в новом свете. — Возникает движение по возрождению традиционных стилей, а также развитие новых направлений, таких как «современная вышивка».
8. Современные тенденции (2000-е–настоящее время)	— Велико влияние интернета и социальных сетей на распространение знаний о традициях вышивки. — Гибридизация стилей: современные дизайнеры и мастера встраивают традиционные элементы в современные коллекции, создавая уникальные изделия. — Акцент на устойчивое производство и эколого-ориентированный подход в работе.

Рассмотрим отдельно возникновение артелей и фабрик в советское время, в 2000 году включенных в федеральный перечень организаций народных художественных промыслов (табл. 3, рис. 2).

Таблица 3. Предприятия народных художественных промыслов в сфере вышивки

Предприятие НХП	Субъект РФ	Год образования предприятия	Описание
Городецкая золотная вышивка — ООО «Городецкая золотная вышивка»	Нижегородская область (г. Городец)	В 1930 г. городецкая артель «Красный швейник»	Городецкие мастерицы сохраняют традиции орнамента сказочных «разметных трав» или растительных мотивов, раскрывающих красоту окружающей природы и проникнутых тонкой поэзией. Чеканный кованный шов «по карте», слегка возвышающийся над узором, подчеркивает упругость и округлость виноградных ягод. Сочетание плотного настила из золотых нитей с разряженными стежками показывает трепещущую нежность лепестков крупных цветов. Длинные тонкие петли листьев и маленькие блески вместе с просвечивающим ярким фоном шелка создают необычную среду узора, через которую проступают крупные, пышные искрящиеся цветы и сочные гроздья винограда — излюбленные мотивы городецкой вышивки.
Осетинская вышивка — ООО «Изольда»	Республика Северная Осетия — Алания (г. Владикавказ)	1994	Мастерские Изольды Гогичаевой существуют с 1994 года и специализируются на изготовлении национального осетинского платья, отличающегося большим количеством вышивки и традиционных орнаментов, каждый из которых имеет свое значение. К разработке и пошиву нарядов мастерицы предприятия подходят с вниманием к деталям и уважением к многовековым традициям.
Пучежская вышивка — ЗАО ПХП «Истоки»	Ивановская область (г. Пучеж)	1928	Предприятие народных художественных промыслов «Истоки» было основано в 1928 году. С тех пор и до настоящего времени оно славится своей одеждой, постельным бельем и другими изделиями из льняных тканей, дополненными ручной или машинной вышивкой. Предметы женского и мужского гардероба, изготовленные в традициях пучежского строчевышивального промысла, украшаются узорами, которые были созданы по мотивам старинных рисунков Волжского региона.
Карельские узоры — ООО «Карельские узоры»	Республика Карелия (г. Медвежьегорск)	1929	История ООО «Карельские узоры» началась в 1929 году, когда была создана артель «Хашезерская вышивка», за долгие годы своего существования претерпевшая множество преобразований и сменившая несколько названий. Однако главным направлением работы предприятия всегда оставалось изучение, сохранение и развитие народной вышивки Заонежья, известной своим оригинальным орнаментальным строем и разнообразием технических приемов

Катунки — ООО «Катунская швейная фабрика» и нижегородский гипюр	Нижегородская область (г. Чкаловск)	1924	В конце XIX — начале XX века в Нижегородской губернии зарождается и развивается новый вид художественного промысла — строчка, родоначальником которого стало село Катунки Балахнинского уезда. Первая артель в советское время в районе была организована в Катунках в 1924 году и называлась она «Катунская трудовая артель по строчке и вышивке белья». Организатором и председателем ее была Софья Николаевна Дубынина. На первых парах артель объединяла 16 человек, затем 88. К 1927 году насчитывала 427 человек. Затем промысел нашел широкое распространение в г. Чкаловске, в окрестных селах и деревнях. По примеру Катунской артели образуются артели по всей округе, в том числе и в с. Василево (г. Чкаловск). В 1960 году все артели объединили в одно предприятие — Чкаловская строчевышивальная фабрика («Гипюр»), а Катунская артель стала ее подразделением — цехом № 3. Сегодня предприятие выпускает столовое белье: скатерти, салфетки, дорожки, но не меньшую часть работы составляет пошив одежды из льна.
ОАО «Торжокские золотошвеи»	Тверская область (г. Торжок)	В 1928 г. возникла «Торжокская золотошвейная артель»	Торжокское золотное шитье — вид русской вышивки золотом, получивший широкое развитие в городе Торжок Тверской губернии и сохранившийся до настоящего времени в форме традиционного художественного промысла. Искусство передавалось из поколения в поколение с XIII века, а в XVIII веке стало широко популярным. Для торжокского золотного шитья характерен растительный орнамент, часто украшенный завитками и другими элементами. Используются золотистые и серебряные нити определенными швами, часто это кованный шов или шов в прикреп. Узоры создаются на таких материалах, как сафьян, бархат, лен, кожа. Золотошвейные изделия выполняются позолоченными и посеребренными нитями на коже, замше, бархате, шелке, шерсти и других материалах. Вышивка дополняется бисером, блестками, канителью, жемчугом. В композициях золотного шитья используются как традиционные русские мотивы, так и современные образы.

АО «Узор»	Ленинградская область (Гатчинский район, пос. Вырица)	1944	Ткацкая фабрика «Узор» была основана в 1944 году как швейная артель, специализирующаяся на выпуске солдатского белья. Имея долгую историю, предприятие постоянно совершенствует свой технический арсенал, и мастера фабрики имеют возможность работать на передовом ткацком оборудовании. Специалисты сами производят пряжу, которую могут покрасить в любой цвет с помощью собственного красильного оборудования. В 1999 году ПАО «Узор» было отнесено к предприятиям народных художественных промыслов за возрождение старинного производства жаккардовых тканей. На фабрике открыт музей текстиля и быта, который включен во многие туристические маршруты по достопримечательностям Гатчинского района.
Урюпинская вышивка — ООО «Узоры»	Волгоградская область (г. Урюпинск)	2000	ООО «Узоры» — предприятие с 20-летней историей, которое занимается производством изделий из козьего пуха. Здесь работают высококвалифицированные мастера, которые при помощи особых технологий могут украсить платки и шали узором любой сложности. Теплая одежда, замечательные варежки, платки, шарфы и ажурные косынки из Урюпинска будут служить более 10 лет. В 2000 году пуховая продукция компании «Узоры» была отнесена к изделиям народных художественных промыслов.
Кадомская вышивка — ООО «Кадомский вениз»	Рязанская область (рабочий поселок Кадом)	1927	Изделия вышиваются вручную на фабрике «Кадомский вениз», история которой началась в 1927 году. Освоив ювелирную технику вышивки, кружевницы стали плести сначала венецианское кружево, а вскоре на его основе создали уникальную игольную вышивку, дав ей название «вениз», перекликающееся со словом «венецианская». Также на фабрике выполняются великолепные изделия, выполненные и в других техниках, таких как гладь, ришелье, филейное плетение и другие.
Переславская вышивка — ЗАО «Новый мир»	Ярославская область (г. Переславль-Залесский)	1917	ЗАО «Новый мир» — российское предприятие по производству тюля, кружев, узких тканей, вышивки. Фабрика выпускает вышитые штучные изделия — воротнички, панно, вставки, эмблемы, салфетки.

ООО НХП «Тарусская вышивка»	Калужская область (г. Таруса)	1924	Фабрика является последователем исторического промысла калужских крестьян. Предприятие бережно сохраняет и развивает традиционную народную вышивку Тарусского района — цветную перевить. До революции вышивка носила исключительно декоративный характер и использовалась для украшения типичного для этой части России костюма. Вышивальщицами чаще всего использовались узоры в виде полосок, геометрических фигур, растительных орнаментов. Встречались и орноморфные орнаменты — узоры с изображением птиц. Чаще всего калужские вышивальщицы использовали красный цвет. Прием, который использовали калужские вышивальщицы, назывался «красными вырезами». По сетке пускали узор белого цвета, ткань обвивалась нитками красного цвета. Иногда применялись нитки желтого, зеленого или синего цвета. Образцы узоров приносились в артель крестьянками Тарусского района, в вышивке использовались традиционные мотивы калужской народной вышивки: геометрические, растительные, зооморфные, антропоморфные. Мастерницы артели уже в первый надомный период работали по образцам калужской народной вышивки, развивая традиционный орнамент и технику (цветную перевить и белую строчку) в другом предметном контексте. С приходом Гумилевской стилистика, в которой работала артель, начала меняться. Гумилевская разбавила традиционную калужскую вышивку изображениями природы Тарусы и окрестностей, не забывая истоки и часто вплетая крестьянские мотивы в свои произведения.
ООО «Шуйская строчевышивальная фабрика»	Ивановская область (г. Шуя)	1934	Предприятие народных художественных промыслов «Шуйская строчевышивальная фабрика» было основано в 1934 году. Его ассортимент насчитывает более двухсот наименований текстильных изделий, с особым изяществом украшенных традиционной вышивкой. Это различные виды женской одежды, мужские сорочки и предметы для декорирования интерьера. Каждая из моделей одежды разрабатывается по индивидуальному рисунку творческим коллективом предприятия, состоящим из талантливых специалистов. Для выпуска изделий используются в основном натуральные льняные ткани, украшенные различными техниками вышивки (тамбурной, машинной, строчкой по сетке) или их сочетаниями.

Составлено автором по данным сайта Народные художественные промыслы России⁹

9. Народные художественные промыслы России. URL: <https://promisly.minprom.gov.ru/> [дата доступа: 29.04.2025]

Рис. 2. География вышивки как НХП России. Составлен автором

Вышивка, как элемент НХП, начинает рассматриваться не только как форма художественного самовыражения, но и как рыночный продукт, что способствует развитию новых коммерческих моделей, которые помогают мастерам реализовывать свои работы. Появление машин для вышивания и других современных технологий существенно упростило процесс производства. С одной стороны, это снизило уникальность изделий, с другой — сделало возможным массовое производство продукции с элементами художественной вышивки, что повысило доступность таких товаров на рынке. Социальные сети и онлайн-рынки позволяют мастерам и художникам рекламировать свои работы, находить покупателей и расширять рынок сбыта.

Существуют и федеральные меры поддержки предприятий народных художественных промыслов, установленные Постановлением Правительства РФ¹⁰:

- Субсидии на возмещение затрат включают расходы на железнодорожные перевозки, электроэнергию и природный газ, уплату процентов по кредитам, организацию продвижения изделий, получение патентов и другие нужды.
- Субсидии можно получить на участие в специализированных российских и международных выставках, ярмарках и фестивалях, а также на российские региональные мероприятия.
- Субсидии на изготовление и размещение рекламы: рекламные ролики, объявления и статьи в СМИ, изготовление листовок и буклетов.

10. Постановление Правительства РФ от 14.12.2019 № 1679.

- С 2022 года предприятия НХП могут использовать федеральные средства также для разработки и обновления интернет-магазинов, создания фирменной упаковки, расширения и модернизации выставочных и торговых пространств.

Региональные особенности

Как мы уже писали, каждая культура привносит свои элементы в вышивку, начиная от выбора материалов и заканчивая специфическими узорами, связанными с местными мифами и обычаями. Так, северные регионы — Карелия и Архангельская область известны своими яркими цветами и сложными геометрическими узорами, в них часто присутствуют изображения растений, животных и природных элементов, которые играют важную роль в жизни местных жителей (Носань, 2009). На севере также распространена техника тамбурной вышивки (Гузеватова, 2015). В средней полосе России, наоборот, можно встретить более сдержанные и плавные линии в узорах. Здесь часто используются богато орнаментированные швы, например, крест, которые имеют свои особенности выполнения в зависимости от местных традиций (Сальникова, 2022). В Центральной и Северной России вышивка имеет более богатый и разнообразный характер: используются более разнообразные узоры, и, как правило, основным материалом служит переработанный лен (Гузеватова, 2015).

Важным является выбор материалов. Традиционно использовались хлопчатобумажные и льняные ткани, но порой появляются более дорогие материалы, такие как шелк и бархат. Вышивка обычно выполнялась нитками, окрашенными натуральными красителями, а вот для южных регионов России были характерны золотые и серебряные нити, создающие эффект богатства и праздничности (Камнева, 2019). В Воронежской и Курской областях вышивка часто представлена геометрическими узорами, выполненными белой ниткой на натуральном фоне (Носань, 2009).

Среди техник вышивки можно выделить гладь, крест, ризелье и некоторые другие. Каждая техника имеет свои особенности исполнения и используется с учетом местных традиций. В ряде регионов, как, например, в Поволжье, покровительство и обережная функция вышивки были на переднем плане, поэтому особое внимание уделялось не столько технике, сколько символике узоров, защищавших семью от злых сил и негативной энергии (Сальникова, 2022).

Влияние климата и природных условий на художественное оформление

Каждая культура формировалась в зависимости от специфики окружающей среды, которая определяла доступные материалы, тематику орнаментов и используемые цветовые палитры. Природа и климатические условия не просто ограничивают выбор растительных красителей или тканей, но и влияют на эмоциональную составляющую творчества, отражая особенности местности (Абакарова, Гаджинаев, 2011).

На Севере и в Центральной России вышивка отличается сдержанностью оттенков, используются преимущественно белые, серые и черные цвета, отражающие зимние пейзажи, в то время как южные регионы славятся яркими, насыщенными цветами, которые связывают с теплом и плодородием (Ганьшина, Чаус, 2014).

Способы выполнения вышивки также отчасти зависят от климатических условий. Например, в некоторых регионах применяют асимметричные узоры, которые являют собой отражение менее строгого, более свободного стиля жизни, в то время как в других местах преобладают строгие геометрические линии, что соответствует более структурированному подходу к труду и быту народа (Карлин, Самусевич, 2010).

На юге России вышивальщицы могли использовать более сложные техники, поскольку условий для творчества было больше. Напротив, в условиях более сурового климата простота форм и узоров выгодно подчеркивает уникальность местных традиций, поскольку каждая деталь несет практическую функцию (Коляда, 2010). А в орнаментах поволжских вышивок проявляются элементы, связанные с плодородием и жизнью, отражая изобилие мест, в которых они созданы (Фалилеев, 2004).

Символика и цвет в традиционной вышивке

Символика в вышивке является одним из важнейших элементов, она служила средством передачи знаний, обычаев и местных легенд (Валькевич, 2013). В XVIII–XIX веках происходят серьезные изменения в жизни и духовных потребностях людей, что находит отражение и в вышивке. Меняются эстетические предпочтения, так, в отдельных регионах России, например, в Поволжье, популярными становились сложные геометрические фигуры, в то время как на Севере — стали более присутствовать природные мотивы, особенности флоры и фауны местности (Спиридонова, 2017). В регионах Сибири и Урала вышивка помогала защитить носителя от злых духов — отсюда вышитые обереги, которые носили под одеждой или вышивали на ней (Галушка, 2016).

Ниже приведена таблица типов регионов исходя из особенностей традиций вышивки (табл. 4).

Типология по особенностям вышивки	Характерные стили и техники	Используемые материалы	Основные мотивы	Преобладающие цвета	Природные условия, влияющие на традиции вышивки	Особенности вышивки (уникальные черты, присущие вышивальным традициям)	Культурное значение
Северные регионы (Архангельская, Вологодская области)	Геометрическая вышивка, гладь, крестик, ризелье, вышивка бисером	Шерсть, хлопок	Геометрические узоры, растительные узоры, птицы, изображения святых	Яркие, контрастные: белый, черный, красный, синий	Холодный климат, много снега, короткое лето	Часто используются холодные, сдержанные цвета, а также контрастные комбинации, отражающие природные мотивы и простоту северной природы	Передача народных традиций и обрядов
Центрально-русские регионы (Смоленская, Тверская, Ивановская области)	Белая гладь на белом фоне, жаккард	Лен, шелк, хлопок (Ивановская область)	Религиозные символы, фольклорные, традиционные геометрические орнаменты, символика из народных сказаний	Белый, бежевый, черный/красный, зеленый, желтый, синий	Умеренно-континентальный климат, равнинные территории	Яркие и насыщенные тона, которые часто комбинируются в сложные орнаменты; используются в традиционных росписях и вышивке	Хранение культурного наследия
Южные регионы (Краснодарский край, Ростовская область, Республика Дагестан)	Орнаментальная вышивка	Шерсть, металлизированные нити	Военные фигуры, растительность, горы	Ярко-красный, зеленый, черный, оранжевый, желтый, фиолетовый	Горы, богатая природа, мягкий климат	Яркие и теплые оттенки, хотя также присутствуют и более нежные тона; они отражают богатство флоры и традиционного фольклора	Связь с историей и традициями народов

Н. А. Колдобская
Региональные аспекты вышивки как объекта нематериального культурного наследия России

Сибирские и дальневосточные регионы (Алтайский, Красноярский края, Камчатка)	Вышив-ка гладью, пурпурная, смешан-ные стили	Шерсть, лен, хлоп-пок, син-тетика, кожа	Природ-ные сим-волы, изо-бражения животных, народ-ные мо-тивы, ша-манские символы, военные символы	Яркие, контраст-ные: ко-ричневый, серый, зе-леный, голубой	Суровые морозы, обилие ле-сов и рек	Цвета приро-ды, а так-же земли и воды, ко-торые пре-обладают в вышив-ке. Тради-ционные узоры мо-гут быть дополняе-мы яркими акцентами. Влияние традиций коренных народов	Способы сохране-ния тра-диций ко-ренных народов; влияние соседних культур
Средне-волжские и ураль-ские ре-гионы (Республи-ка Татар-стан, Чу-вашская Республи-ка, Ниже-городская область)	Раститель-ные узоры, крестик, мелкая гладь, тамбур	Лен, хлоп-пок, шерсть	Расте-ния, сим-волы пло-дородия, нацио-нальные символы, сказочные персонажи	Средне-волжские регионы: яркие, на-сыщен-ные — зе-леный, красный, синий, белый. Ураль-ские: зем-ляные, на-туральные	Умерен-ный кли-мат, пло-дородные земли, горы	Цве-та варь-ируются от ярких до более спокой-ных; ис-пользова-ние бисера добавля-ет допол-нитель-ный блеск и разно-образие в палитру. Яркие цве-товые со-четания, исполь-зование золота	Отраже-ние этни-ческого многооб-разия; уни-кальные культур-ные осо-бенности региона
Запад-ноевро-пейское влияние (Санкт-Пе-тербург, Калинин-градская область)	Рише-лье, гладь, крестик	Лен, хлоп-пок, шерсть	Архитекту-ра, расти-тельные орнаменты	Белый, зо-лотистый, черный, пастель-ные тона	—	Изощен-ные, эле-гантные цвета, ча-сто ис-пользуе-мые в более сложных и детали-зированных узорах, подчерки-вающих европей-ский стиль	Влияние соседних культур

Цветовая палитра, используемая в вышивке, также несет в себе глубокий смысл: красный символизирует жизнь и плодородие, черный — смерть и траур. Впрочем, в каждой культуре цвета могут иметь собственные интерпретации, зависящие от исторического контекста и местных обычаев (Валькевич, Ершова, Романова, Крохина, 2018).

Наиболее распространенное значение цветов в вышивке следующее:

Красный часто символизирует жизненную силу и радость, широко используется в традиционных узорах и может служить как основным, так и акцентным цветом.

Зеленый ассоциируется с природой, лесами и растительностью региона, часто используется в вышивке для создания растительных мотивов и узоров

Синий и голубой символизируют воды рек, озер, морей, а также небо. Синие оттенки могут создавать фон и акцентировать элементы узора.

Белый используется как фон и символизирует чистоту и свежесть, он также может подчеркивать другие, более яркие оттенки в вышивке.

Черный применяется для создания контраста и четкости узоров. Черный цвет может обозначать землю и укорененность в традициях. В некоторых культурах — это цвет траура.

Желтый и оранжевый как теплые оттенки могут использоваться для добавления яркости и света в вышивку, часто ассоциируясь с солнечными днями и радостью.

Коричневый можно увидеть в узорах, символизирующих землю и натуральные материалы, добавляет теплоту и естественность.

Цветовая палитра конкретных регионов может варьироваться в зависимости от традиций, и является ярким отражением идентичности.

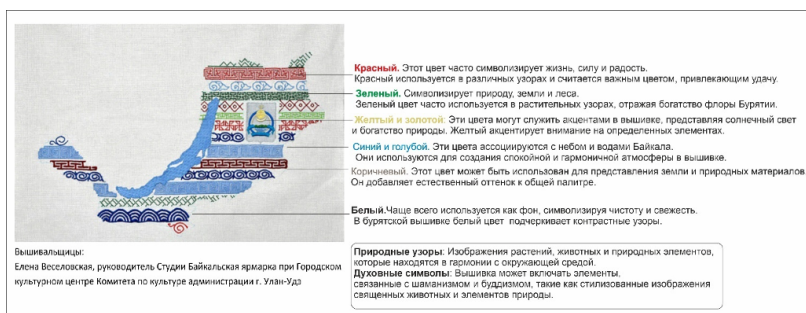

Рис. 3. Цветовой анализ традиционных цветов вышивки Республики Бурятия. Составлен автором

Например, в традиционных бурятских вышивках часто преобладает голубой цвет, символизирующий озеро Байкал (рис. 3).

Рис. 4. Цветовой анализ традиционных цветов вышивки Чувашской Республики. Составлен автором

В традициях вышивки Чувашской Республики (рис. 4) доминирует красный цвет, символизирующий радость и силу. Синий цвет так же, как и в Бурятии, говорит о наличии значимого водного объекта — в данном случае Волги (Иванов-Орков, 2023).

Вышивка формировала идентичность, подчеркивая культурные особенности народа, его традиции и обычаи. Каждая вышитая деталь на одежде несла информацию о социальном статусе, семейных традициях и даже личных переживаниях (Спиридонова, 2017). Однако наряду с народной вышивкой существует и городская, которая демонстрирует влияние моды и новых веяний в техниках исполнения (табл. 5).

Таблица 5. Отличия традиций вышивки в городе и сельской местности

Критерий	Сельская местность	Город
Материалы	В традиционной сельской вышивке часто используются натуральные ткани (лен, хлопок) и волокна, которые производятся локально. Вышивка может выполняться вручную с использованием собственных материалов.	В городских условиях вышивка может использовать синтетические ткани и нити, так как доступ к различным материалам шире. Это может влиять на стиль и техники вышивания.
Узор и тематика	В вышивке преобладают традиционные мотивы (геометрические орнаменты, изображения животных, растений и символы, связанные с природой). Такие узоры часто передаются из поколения в поколение и имеют глубокое культурное значение.	В городской вышивке могут быть адаптированы современные элементы и популярные тренды. Тематика может быть более разнообразной и свободной, включая абстракции или модные дизайны.

Функциональное назначение	Вышивка часто имеет практическое значение, используется для одежды, обрядовых предметов и домашнего текстиля (скатерти, платки, текстиль для обрядов).	В городской вышивке акцент может быть на эстетической стороне — это могут быть аксессуары, предметы декора или арт-объекты, не обязательно имеющие практическое применение.
Социальный контекст	Вышивка часто является частью общественных мероприятий и праздников, где собираются женщины, чтобы обучать друг друга и передавать свои знания и навыки.	В городах вышивка может восприниматься как хобби или форма самовыражения, с меньшей привязкой к традиционным нормам и обрядам. Здесь могут проводиться мастер-классы или курсы в более формальных условиях.
Технологии	Традиционные техники часто применяются без изменений, передаваясь от старших к младшим.	В городах могут использоваться современные техники (например, машинная вышивка), которые позволяют значительно ускорить процесс и экспериментировать с новыми стилями.

Заключение

Вышивка как искусство имеет глубокие исторические корни. Она не только служила практическим целям, но и выполняла значимую культурную и символическую функцию. В каждом регионе России вышивка обрела свои уникальные черты, отражая местные традиции, климатические условия и быт. Это разнообразие делает вышивку не просто ремеслом, а настоящим искусством, которое передает дух и характер народа.

Региональные особенности вышивки проявляются в различных стилях, техниках исполнения и используемых материалах. Например, в северных районах России преобладают более холодные и сдержанные цветовые решения, в то время как южные характеризуются яркими и насыщенными оттенками. Это связано не только с климатом, но и с культурными влияниями, которые формировались на протяжении веков. Вышивка становится отражением местного быта, а также символом идентичности и самобытности каждого региона.

Техника исполнения вышивки также варьируется в зависимости от региона. В некоторых местах используются сложные и трудоемкие техники, такие как гладь или крестик, в то время как в других предпочитают более простые и быстрые. Это разнообразие техник позволяет говорить о богатстве и многообразии вышивального искусства России. Материалы, используемые для вышивки, также

имеют свои особенности: ото льна и хлопка до шерсти и синтетических тканей, что также влияет на конечный результат и художественное оформление.

Вышивка служила не только средством самовыражения, но и важным элементом в жизни крестьян и горожан, она использовалась в ритуалах, праздниках и обрядовых действиях. Взаимосвязь между крестьянской и городской вышивкой представляет интерес, так как она демонстрирует, как традиции адаптировались и изменялись в условиях урбанизации и социальных изменений. Символика, заключенная в орнаментах и узорах, является важным аспектом вышивки. Каждый элемент может нести определенное значение, отражая верования, надежды и мечты людей.

Современные тенденции в развитии вышивания показывают, что интерес к этому искусству не угасает. Вышивка продолжает эволюционировать, сочетая традиционные техники с современными подходами и стилями. Это открывает новые горизонты для творчества и позволяет сохранить культурное наследие, адаптируя его к современным реалиям.

Библиография

- Абакарова Р. М., Гаджинаев Г. М. (2013). Экологические основания народного искусства // Юг России: экология, развитие. № 3. С. 27–33.
- Валькевич С. И. (2013). Генезис вышивки «Орнаментальное шитье» в Древней Руси // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. № 89. С. 1–12.
- Валькевич С. И. (2013). Символика орнамента в русских народных костюмах // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. № 92. С. 12–24.
- Валькевич С. И., Ершова Л. В., Романова К. Е., Крохина Н. П. (2018). Культурно-эстетические ценности орнамента вышивки в русском народном костюме // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. № 3-2 (27). С. 97–110.
- Галушка Н. В. (2016). Символика и морфология русских орнаментальных композиций // Таврический научный обозреватель. № 11-2 (16). С. 13–22.
- Ганьшина Г. В., Чаус Н. В. (2014). Народные художественные промыслы в пространстве России // Современные проблемы сервиса и туризма. № 1. С. 89–96.
- Гузеватова Е. Н. (2015). Региональные особенности русской тамбурной вышивки // Символ науки. № 8. С. 277–279.
- Иванов-Орков Г. Н. (2023). Книга-альбом «Вековые образы Чувашии. Национальная вышивка, история, люди». Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во.
- Камнева С. Ю. (2019). Художественные направления и технологические особенности техник художественной вышивки XVI–XIX веков за рубежом // Традиционное прикладное искусство и образование. № 2 (28). С. 85–98.
- Карлин Л. Н., Самусевич И. Н. (2010). Глобальный климат, история и культура // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). № 1. С. 130–138.
- Коляда Е. М. (2010). Влияние географии и климата на становление художественного облика парка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 137. С. 134–143.

- Михеева Л. Н., Джичоная М. А. (2020). Русская народная вышивка: символика и язык цвета // Культурное наследие России. № 4. С. 69–75.
- Носань Т. М. (2009). Региональные особенности русской традиционной вышивки // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 106. С. 182–188.
- Сальникова В. И. (2022). Русская народная вышивка // Вестник науки. № 6 (51). С. 392–396.
- Спиридонова А. В. (2017). Русская народная вышивка: орнамент, образ, мотив // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 1 (192). С. 185–189.
- Фалилеев В. В. (2004). Природно-климатические условия как детерминирующий фактор формирования духовной культуры // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 2. С. 131–134.

Н. А. Колдобская
Региональные аспекты вышивки как объекта нематериального культурного наследия России

Regional aspects of embroidery as Russia's intangible cultural heritage

Natalia A. Koldobskaya, PhD (Geography), Associate Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.

E-mail: koldobskaya@gmail.com

Abstract. The article considers embroidery as the Russian intangible cultural heritage, focusing on its regional features: each culture gives embroidery its unique characteristics, reflecting the historical, social and cultural features of the region. Under globalization and rapid technological development, the task of preserving and popularizing traditional embroidery becomes especially relevant. The article aims at identifying geographical patterns and regional features of the Russian traditional embroidery. To achieve this goal, the author conducted a search for embroidery in the registers of intangible cultural heritage and folk crafts to create a database of regional features of Russian embroidery, supplemented by the methods of participant observation and field ethnographic study. The article presents the historical transformation of embroidery traditions as intangible cultural heritage and considers the activities of folk-art enterprises. The author identifies the role of geographical factors in the development of regional embroidery traditions, presents a typology of Russian regions based on such traditions, shows their differences between the city and the countryside. The article emphasizes the importance of preserving and transmitting knowledge about embroidery as a key aspect of the cultural identity of the peoples of Russia. Embroidery is considered not only as a decoration for clothing and household items, but also as a bearer of deep symbolism reflecting the worldview and spiritual values of the people.

Key words: embroidery traditions, intangible cultural heritage, folk crafts, regions of Russia, historical analysis, geographical factors, typology

References

- Abakarova R. M., Gadzhinaev G. M. (2013) *Ekologicheskie osnovaniya narodnogo iskusstva* [Ecological foundations of folk art]. *South of Russia: Ecology, Development*, no 3, pp. 27–33.
- Valkevich S. I. (2013) *Genezis vyshivki "Ornamentalnnoe shityo" v Drevnej Rusi* [Genesis of the embroidery "Ornamental sewing" in Ancient Rus]. *Polythematic Online Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University*, no 89, pp. 1–12.
- Valkevich S. I. (2013) *Simvolika ornamenta v russkikh narodnykh kostyumakh* [Symbolism of ornament in the Russian folk costumes]. *Polythematic Online Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University*, no 92, pp. 12–24.

- Valkevich S. I., Ershova L. V., Romanova K. E., Krokhina N. P. (2018) Kulturno-esteticheskie tsennosti ornamenta vyshivki v russkom narodnom kostyume [Cultural-aesthetic values of embroidery ornament in the Russian folk costume]. *Humanitarian Bulletin of the Tolstoy State Pedagogical University*, no 3–2, pp. 97–110.
- Galushka N. V. (2016) Simvolika i morfologiya russkih ornamentalnykh kompozitsij [Symbolism and morphology of Russian ornamental compositions.]. *Taurida Scientific Observer*, no 11–2, pp. 13–22.
- Ganshina G. V., Chaus N. V. (2014) Narodnye khudozhestvennye promysly v prostranstve Rossii [Folk arts and crafts in the space of Russia]. *Contemporary Issues of Service and Tourism*, no 1, pp. 89–96.
- Guzevatova E. N. (2015) Regionalnye osobennosti russkoj tamburnoj vyshivki [Regional features of the Russian tambour embroidery]. *Symbol of Science*, no 8, pp. 277–279.
- Ivanov-Orkov G. N. (2023) *Kniga-albom "Vekovye obrazy Chuvashii. Natsionalnaya vyshivka, istoriya, lyudi"* [Book-Album "Century-Old Images of Chuvashia. National Embroidery, History, People], Cheboksary: Chuvash Publishing House.
- Kamneva S. Yu. (2019) Khudozhestvennye napravleniya i tehnologicheskie osobennosti tekhniki khudozhestvennoj vyshivki XVI — XIX vekov za rubezhom [Artistic trends and technological features of artistic embroidery techniques of the 16th–19th centuries abroad]. *Traditional Applied Arts and Education*, no 2, pp. 85–98.
- Karlin L. N., Samusevich I. N. (2010) Globalny klimat, istoriya i kultura [Global climate, history, and culture]. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, no 1, pp. 130–138.
- Kolyada E. M. (2010) Vliyaniye geografii i klimata na stanovleniye khudozhestvennogo oblika parka [The influence of geography and climate on the artistic image of the park]. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*, no 137, pp. 134–143.
- Mikheeva L. N., Dzhichonaya M. A. (2020) Russkaya narodnaya vyshivka: simvolika i yazyk tsveta [Russian folk embroidery: Symbolism and the language of color]. *Cultural Heritage of Russia*, no 4, pp. 69–75.
- Nosan T. M. (2009) Regionalnye osobennosti russkoj traditsionnoj vyshivki [Regional features of the Russian traditional embroidery]. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*, no 106, pp. 182–188.
- Salnikova V. I. (2022) Russkaya narodnaya vyshivka [Russian folk embroidery]. *Bulletin of Science*, no 6, pp. 392–396.
- Spiridonova A. V. (2017) Russkaya narodnaya vyshivka: ornament, obraz, motiv [Russian folk embroidery: Ornament, image, motif.]. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art Criticism*, no 1, pp. 185–189.
- Falileev V. V. (2004) Prirodno-klimaticheskie usloviya kak determiniruyushchy faktor formirovaniya dukhovnoy kultury [Natural-climatic conditions as a determining factor of spiritual culture]. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, no 2, pp. 131–134.

Майка Лунёвская: в поисках новой сельской поэзии

А. В. Марков

Александр Викторович Марков, доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет. 125047, Москва, Миусская пл., д. 6. E-mail: markovius@gmail.com

EDN: OREOXO

Аннотация. Майка Лунёвская — современная русская поэтесса, художница и музыкант, чье творчество развивается в контексте «новой сельскости» — феномена осознанного выбора сельской жизни как формы эстетического и экзистенциального сопротивления урбанизации. Ее произведения сочетают фольклорные мотивы, экологическую рефлексию и цифровую сценографию, формируя уникальный художественный мир на стыке крестьянской традиции и постмодернистской чувствительности.

Луневская осмысляет деревню не как идиллическое пространство, а как место труда, утрат и личного творческого выживания. Анализ ее книги «Недостаточно памяти» (2024) через призму современных теорий раскрестьянивания (Шанин, Виноградские) и экокритики (Мортон) показывает, как Луневская переосмысляет наследие крестьянской поэзии (Клюев, Есенин, Рубцов). В ее поэзии, графике и музыкальных работах прослеживается сложный диалог между традицией и современностью, как крестьянские мотивы (природа, цикличность времени, фольклорная образность) переплетаются с темами экологического кризиса, распада сельского уклада и цифровизации.

Особенность ее творчества — мультимедийность: стихи дополняются графикой (маркерные рисунки, дудлинг), музыкой (авторские песни) и визуальным контентом в соцсетях, где сельская жизнь предстает как перформанс. Это позволяет говорить о «поэтике ярмарки» — синтезе традиционных и современных форм искусства. Таким образом, творчество Луневской формирует новый канон посткрестьянской поэзии, актуальный в эпоху экологических и культурных трансформаций.

Ключевые слова: Майка Луневская, посткрестьянская поэзия, экокритика, фольклорные мотивы, антипастораль, сельская жизнь, экзистенциальная лирика, графика в поэзии, традиция и современность, поэтика ярмарки

Майка Луневская (творческий псевдоним; настоящее имя — Ольга Александровна Жмылева) — современная русская поэтесса, художница и музыкант, работающая в традициях крестьянской и посткрестьянской поэзии. Ее творчество сочетает в себе фольклорные мотивы, экзистенциальную лирику и визуальную эстетику, формируя уникальный художественный мир, основанный на глубинном переживании сельской жизни.

Поэтесса родилась в Тамбове, с трех лет живет в селе Первая Березовка; одно из исторических названий села, Лунёвка, и стало основой псевдонима. Население села в настоящее время — около 300 человек, в селе есть клуб на 64 посетителя, где поэтесса иногда выступает. Ближайший к селу районный центр — Мучкап, известный как место действия нескольких стихотворений Бориса Пастернака из книги «Сестра моя — жизнь». При этом нам не удалось найти в творчестве Майки Луневской мотивов, связанных с Мучкапом, — топосами ее переживаний служит Первая Березовка. Связь ее с городом — это поездки в Тамбов как областной центр, в том числе с музыкальными концертами или для участия в городских культурных фестивалях, и регулярное участие во всероссийских литературных мероприятиях.

Майка Луневская получила юридическое образование в Тамбове, некоторое время работала по специальности, также пробовала себя как актриса и училась в Воронеже на театральном факультете академии искусств. Сменив разные места работы, в настоящее время она занимается сельским хозяйством. Ведет блоги, направленные на продвижение ее творчества, прежде всего, мультимедийного (видеозаписи, рилсы, серии селфи в деревенском антураже и фотографий местной жизни). Майка Луневская исполняет песни на свои стихи и размещает их на музыкальных сервисах, выступала много раз в Тамбове совместно с местными музыкантами. Личный блог в «ВК» отражает порядок сельской жизни и творческое, артистическое отношение к сельскому существованию, тогда как сообщество «ВК» «Майка Луневская cТх» представляет читателю новые и старые произведения, поэтические и графические, и анонсирует творческие выступления в крупных городах.

Майка Луневская получила признание в литературных журналах, следующих самым различным эстетическим программам, таких как «Знамя», «Юность» и «Наш современник». Это отражает тенденцию молодой поэзии в последние 10 лет: выбор журнала диктуется не солидарностью с эстетической программой, но требованиями публичности. Здесь реализуется не модель верности, а «симбиоза» в смысле Грэма Хармана (Харман, 2018), как сотрудничества, в котором осуществляется постоянный культурный «перевод», способствующий пониманию поэтики нового автора. Такие симбиозы, по Харману, распадаются, как только «перевод» перестает происходить, — отвлеченные соображения о желательности сотрудничества недостаточны.

Определенный «перевод» внутри своих эстетических предпочтений Майка Луневская осуществляет и в своих блогах. Внимательное их чтение показывает, что Майка Луневская соединяет погруженность в крестьянский быт с умением представлять его как форму досуга. Сбор урожая, забота о животных или обустройство домашнего быта — задача, тяжелая для крестьянина, но для городского читателя блога осуществляется перевод, показывается

результативность крестьянской жизни, возможность обустройства хозяйства, оставляющего время для досуга. Майка Луневская искусно комбинирует в своих заметках и фоторепортажах то, что будет характеризоваться как «труд» (например, посадка овощей) и то, что будет воспринято как «отдых» (например, рыбалка), — хотя для крестьянина и то, и другое входит в общий образ жизни. Ключевыми здесь оказываются моменты остановки: например, Майка Луневская помещает рядом две фотографии, на одной она занимается посадками овощей вместе с мамой, на соседней — кошка с крохотным котенком. Эта фотография и выступает как пункт, пользуясь терминологией Ролана Барта (Барт, 2011), она останавливает на себе взгляд, все думают об эмоциональной заинтересованности в кошке с котенком и воспринимают сельскую жизнь как сценографию такой эмоциональной заинтересованности. Это принципиально отличается от тех режимов интерессубъективности, которые были, например, в советской поэзии о сельской жизни (Кукулин, 2014), не подразумевавших личной сценографии.

В текстах блога Майка Луневская тоже искусно совмещает среди особенностей сельской жизни трудовые, досуговые, с точки зрения горожанина, но допускаемые распределением времени на селе (рыбалка, спортивные игры) и случайные (попасть под теплый дождь). Это не столько делает сельскую жизнь привлекательной для горожанина, сколько показывает, что сельский труд не мешает творческой игре, самореализации, в которой находится вдохновение для творчества. Майка Луневская отвечает на главный вопрос горожанина — где источник творческого вдохновения. Им оказывается не сама сельская жизнь или сельский труд, но особый сельский досуг, индивидуальный, имеющий в виду свободный выбор (с кем пойти на рыбалку) и потому не нарушающий вдохновение чужими сценариями. Хотя село, в котором живет Майка Луневская, не богато на ее сверстников, компаньонов, это обстоятельство мешает симбиозам внутри села, но не мешает специфической сценографии поэтического вдохновения. Так, Луневская сценирует и городскую жизнь, в которой тоже ищет типично сельских вдохновений (купание, рыбалка, самостоятельный ремонт как форма самостоятельного труда — все, что она отражает в социальных медиа наравне с картинками сельской жизни).

Такой сценографии сельской жизни способствует определенная манифестация: поэтесса не стыдится никакого простонародного вкуса, сентиментально-мелодраматичного, например, своей подростковой любви к мексиканским сериалам. Но это встроено в специфическое поведение, направленное на утверждение себя в качестве профессионального, а не «барного» поэта, который создает другие режимы эмпатии (Вежлян, 2020). Майка Луневская всегда охотно участвовала в работе тех литературных институций, которые подразумевают критику, экспертную оценку, необходимость совершенствования текстов по указаниям мастеров и экс-

пертов (форум «Липки» или премия «Лицей»). Эти институты работают как механизмы локализации мелодраматического вкуса, превращая его из заявления о себе в инструмент той самой включающей перевод коммуникации, которая и обеспечивает необходимые симбиозы и направленные на разрушение перегородок, созданных разными аффективными режимами, сопровождающими восприятие разнородных явлений современной поэзии.

Фотографии поэтессы соединяют сценографию сельского труда (работа в поле в купальнике) и определенные ожидания от женского образа, созданные городскими нормами женственности. Майка Луневская подрывает эти ожидания, указывая на экзистенциальную тяжесть сельского труда, но одновременно показывает село как единственное место, где она реализует свое обаяние, находящее продолжение в разных искусствах, от пения до рисования, завоевывающих все больше публичного признания. Практически полное отсутствие в ее блогах фотографий сельской церковной жизни (в отличие от городских церквей), официальных зданий, праздников и торжеств (включая личные празднования дня рождения или Нового года) или же транспортных связей страны (железнодорожное передвижение показывается всегда иронично в текстах блога и фотографиях) говорит о принципиальном отходе от готовых аффективных режимов в пользу своеобразной сетевой экологичности, внимания ко всему живому. Хотя полное описание стратегий продвижения Майки Луневской и других современных крестьянских поэтов преждевременно, видно отличие и от крестьянских поэтов Серебряного века, и от новокрестьянских поэтов 1920–1930-х годов — прежде всего, в воздержании от признаков наивности, аутентичности или нарочитой экзотизированности, как у Клюева и Есенина (Серегина, 2024), так и от создания творческих групп, как у новокрестьянских поэтов.

Другая работа Майки Луневской, графика (маркерные рисунки, дудлинг), также тесно связана с ее поэтикой. Эти рисунки соединяют христианскую символику, неофольклорный дизайн и экологически ориентированную композиционность (листья-глаза). В ее графике появляются антропоморфные растения, животные, рукотворные объекты (например, трактор как «домашнее животное»). Но эта графика устанавливает другую коммуникацию, уже не симбиоза двух агентов, а полиагентности культурных проектов. Так, ее работы использовались в оформлении поэтического спектакля во МХАТе, она осуществила дизайн сборника Московского союза литераторов, не раз задумывалась об организации выставки своих визуальных работ¹. Таким образом, эта графика оказывается уже не инструментом продвижения творчества, в отличие от стихов,

1. Майка Луневская из Мучкапского округа пишет стихи, песни и мечтает о персональной выставке // Мучкапские новости, 2024, 20 октября. URL: <https://gazetamuchkap.ru/news/society/2024-10-20/mayka-lunyovskaya->

песен и фоторепортажей, а творческим проектом, который может быть в готовом виде принят театром, издательством или арт-куратором как неотъемлемая часть современной арт-жизни. Это уже не процесс симбиоза, но процесс признания сельского творчества в качестве неотъемлемой части городской культуры Тамбова, Москвы или другого города. Но Майка Луневская, настаивая на своей идентичности крестьянки (но и профессионала-универсала с юридическим образованием, способного к офисной работе), не собирается менять места жительства и выступает здесь как равноправный собеседник режиссера, издателя и куратора, который должен принять ее позицию как равную, внутри особой творческой демократии.

Материалы и методы

Творчество Майки Луневской требует рассмотрения через призму классических и современных теорий крестьяноведения, особенно концепции «раскрестьянивания» (Шанин, 2002). Традиционное крестьянство, как отмечал Александр Чаянов, основывалось на трех ключевых принципах: автономности семейного хозяйства, общинной взаимопомощи и цикличности аграрного времени. Однако в XX–XXI веках этот уклад подвергся радикальной трансформации под влиянием коллективизации, урбанизации и глобализации (Шанин, 1995).

Луневская фиксирует гибридное состояние современной сельской жизни, где архаичные практики соседствуют с процессами цифровизации и экологического кризиса. В ее поэзии наблюдается исследование антропогенного воздействия и заброшенности инфраструктуры, что соответствует трудам В. Г. Виноградского и О. Я. Виноградской (Виноградский, Виноградская, 2019) о деградации сельских ландшафтов. При этом ее героиня не ностальгирует по «крестьянскому раю», а констатирует необратимость изменений, что заставляет вспомнить труды Теодора Шанина о «не-крестьянском сельском населении» позднесоветского и постсоветского периода.

Мы предполагаем, что Майка Луневская реализует в своей поэзии все названные выше стратегии (симбиоза-перевода, коммуникативной этики вкуса и демократии творческих усилий), благодаря чему актуализуются достижения крестьянской поэзии и создается канон посткрестьянской поэзии. Мы рассматриваем книгу Майки Луневской «Недостаточно памяти» (Луневская, 2024) (далее цитируется с указанием только страницы в круглых скобках), иллюстрированной автором. Книга насыщена крестьянскими мотивами, образами и традициями, которые переплетаются с современной

поэтикой, создавая особый лирический мир. Эту совместную реализацию стратегий мы называем «поэтикой ярмарки», имея в виду и историческую ярмарку как институт многоаспектной интеграции городской и сельской экономики, и саму сценографию Майки Луневской, представляющую деревню как своеобразный «раек» для городского и сельского читателя, что отвечает многим попыткам переосмысления райка в эпоху электронных медиа (Сальникова, 2016).

Майка Луневская продолжает традиции Николая Клюева, Сергея Есенина, Николая Рубцова, Ольги Фокиной, но переосмысляет их через призму современности. Этому способствует ее канон любимых поэтов: в различных интервью и стримах Майка Луневская говорила о Есенине как о детской любви, среди же поэтов, которые повлияли на нее в юности и продолжают влиять, она называла Иосифа Бродского на первом месте, Бориса Рыжего (вероятно, на втором месте, судя по ее поэтике), Алексея Цветкова (старшего), Сергея Гандлевского и других городских поэтов. При этом она соединяет эту любовь к городской поэзии с декларируемым непосредственного чувства², что тоже создает необходимую сценографию сложного диалога постиндустриального города и современной деревни.

Позиция Луневской близка феномену «новой сельскости» (Мельникова, 2020) — осознанному выбору жизни в деревне людьми, не связанными с традиционным крестьянским трудом. В отличие от Есенина или Клюева, для которых деревня была естественной средой происхождения, Луневская — возвращенка: получив юридическое образование в Тамбове и попробовав городские профессии, она сознательно выбирает село как пространство для творчества и самореализации. Ее постфольклорная поэтика в целом соответствует новой сельскости как глобальному тренду, который, по наблюдениям Е. А. Мельниковой, допускает эстетизацию рутины сельского образа жизни, но не романтизирует тяготы крестьянского труда.

Луневская активно использует социальные сети (блоги, рилсы, селфи) для презентации сельской жизни. Однако ее контент — не документалистика, а художественный перформанс: например, фотографии работы в поле в купальнике сочетают «натуральность» сельского труда с эстетизацией тела, что провоцирует вопросы о гендерных ролях в современной деревне. Этот подход переключается с теорий цифровой сельскости (Королев, 2025), где физическое проживание в селе дополняется цифровой публичностью. Луневская не просто фиксирует быт, но конструирует образ «новой сельскости» как экзистенции — одновременно аутентичной и современной, трудящейся и творящей.

2. Свежая строка. Вып. 36. Майка Луневская <https://rutube.ru/video/5e059b681daee8a39c023ee38de95837/> (дата обращения: 29.05.2025)

В России «новая сельскость» проявляется в творчестве авторов, сочетающих деревенские мотивы с урбанистической рефлексией: например, Андрей Родионов с его иронико-сентиментальной рефлексией, или Лида Юсупова с ее художественным исследованием криминального насилия в депрессивных регионах. Критики часто называют современным деревенским поэтом вологжанку Нату Сучкову, хотя она скорее пестует не деревенские, а региональные габитусы Центральной России. Но если они используют село как метафору не-центра, с разными художественными целями, Луневская живет в нем, что придает ее текстам уникальную аутентичность. Ее можно сопоставить с британской поэтессой Элис Освальд, чьи стихи о сельском труде («Дарт») также совмещают фольклор и экокритику. Однако у Освальд природа мифологизирована, тогда как Луневская акцентирует ее руинированность.

Близок ей в чем-то американец Уэнделл Берри — фермер и поэт, критикующий индустриальное сельское хозяйство. Но Берри — аграрный традиционалист, а Луневская — продукт цифровой эпохи, для которой соцсети — часть поэтики. Очень похожие мотивы есть у польской поэтессы Юлии Федорчук, описывающей депрессивные села и ландшафты. Но Федорчук сосредоточена на исторической травме, а Луневская — на экзистенциальном выживании. Поэтому прямого соответствия мы не нашли, тем более что Луневская не упоминает никого из названных нами мировых авторов в качестве художественных собратьев.

Природа у нее не идиллична, а хрупка и смертна («Река была, но она засохла») (с. 5). Деревенский быт показан без романтизации, с акцентом на тяжелый труд и упадок («Мы растащили школу / на доски и кирпичи») (с. 15). Посткрестьянская проблематика в ее поэзии сразу видна как конфликт архаики и современности («Это не город, а частный сектор / публично повешенное белье») (с. 27). Поэтесса ставит экзистенциальные вопросы в сельском контексте («Лес молчит в упор, пока его не спросишь, / и тоже видит смерть перед собой») (с. 12). Очень многие ключи к ее стихам можно найти, применяя теорию множественных темпоральностей насильственной ликвидации сельскости, развитую А. Форбругом (Форбруг, 2020). Эпистемические сложности сельского самоопределения в сочетании с системным разрушением предметного уклада и создают в том числе и те формы гибридации опыта, которые мы далее увидим в поэзии Майки Луневской, хотя мы и предпочитаем опираться на аппарат Т. Мортонa.

Графика Майки Луневской дополняет стихи, создавая единый художественный код, где растения прорастают сквозь человеческие фигуры, а животные и техника сливаются в гибридные образы. Вообще, сочетание поэзии, музыки и графики делает ее творчество перспективным объектом изучения для литературоведения, визуальных исследований и культуральных исследований. Далее мы последовательно анализируем книгу «Недостаточно памяти» в три этапа, в том числе исходя из свойств поэзии Майки Лунев-

ской, которые уже отмечали критики (образность упадка, медитативность и другие, каталогизированные Марией Знобищевой³). Сначала мы раскрываем устойчивые мотивы этой книги, указывающие на связь поэтики Майки Луневской с традициями крестьянской поэзии. Далее мы даем сравнительный анализ того, какие черты поэтики Майки Луневской принадлежат крестьянской поэзии, а какие — посткрестьянской, имеющей в виду экологический кризис и распад привычных способов продвижения крестьянской поэзии, которые существовали во времена Сергея Есенина или во времена Николая Рубцова. Наконец, мы представим экокритическое прочтение поэзии Майки Луневской, доказывающее, что ее поэзия может быть прочитана и как крестьянская, и как посткрестьянская.

Анализ мотивов крестьянской поэзии в книге Майки Луневской «Недостаточно памяти»

Крестьянские мотивы и образность

Природа и сельский пейзаж

В стихах Луневской природа — не просто фон, а живое, одушевленное пространство, часто наделенное антропоморфными чертами.

Река как символ утраченного прошлого: «Это была река, но она засохла. / Здесь на цветках лежит золотая пудра, / а от людей остался пакет и стекла» (с. 4). Здесь река — метафора исчезнувшей жизни, а ее берега становятся местом памяти, и сожаление об экологической безответственности людей подчеркивает конструктивную роль памяти.

Земля и растения как часть бытия: «Из земли торчат сухие стебли, / тянется растительный скелет» (с. 6). Образы высохших растений, полей, скошенных трав отсылают к традиционной крестьянской поэзии, где природа — свидетель человеческого труда и страданий, переживания труда как страды, а жизни как собственной смертности. Так конспектируются те мотивы, которые и обеспечивали крестьянской поэзии от Спиридона Дрожжина до Сергея Есенина и дальше признание у читателей — благодаря трагическому экзистенциальному измерению и особой честности с природой.

Животные как часть повседневности: «Гуси в воде сидят в жестяном корыте» (с. 18).

Гуси, куры, воробьи, лебеди — это знаки деревенского уклада, но у Луневской они показаны как тоже смертные, принятые в хозяйство, ставшие частью хозяйственной заботы, что подчеркивает хрупкость этого мира.

3. Знобищева М. Несколько слов о поэзии Майки Луневской // Легкая кавалерия. 2024. № 4. URL: <https://voplit.ru/column-post/neskolko-slov-o-poezii-majki-lunevskoj/> (дата обращения: 29.05.2025)

Крестьянская жизнь показана через рутину, тяжелый труд и обряды:

Работа в поле и огороде: «нужно собрать крыжовник еще малину / перечень длинный» (с. 18). Здесь звучит мотив бесконечного труда, завершающегося только со смертью труженика, характерный для крестьянской поэзии и стилизаций под нее.

Домашние ритуалы: «Бабушка приносила в ведре воду, / приносила в ведре небо» (с. 14). Ведро с водой — символ связи земли и неба, а бабушка — хранительница традиций. В поэзии и в блогах Майки Луневской не встречается специфически церковных мотивов, но понятно, что небо — это fasciniрующее переживание, сопоставимое, например, с созерцанием церковного купола.

Поминки и смерть: «Божья коровка, не бойся, / закрой свои черные глазки. / На красной спинке / принеси нам блины на поминки» (с. 8). Смерть вплетена в быт через обрядовую поэтику, где даже насекомое становится участником ритуала.

Традиции крестьянской поэзии

Фольклорные элементы

Заговоры, молитвы, детские считалки: «Детство совсем запомнилось как молитва» (с. 4).

Строка напоминает народные заклинания, где память сливается с сакральным.

Повторы и ритмика: «ветер дерево листает / до зеленых букв / ветер дерево листает / прописи пусты» (с. 7). Это отсылка к частушечным или колыбельным повторам.

Обращение к природе как к собеседнику: «Я говорю деревьям: / “Хорошо мы живем...”» (с. 42). Этот прием характерен для крестьянской лирики всех периодов, где природа — живой собеседник. Именно с этого крестьянская поэзия начинает свой разговор с читателем-горожанином.

Мотивы утраты и памяти

Исчезновение деревни: «Мы растащили школу / на доски и кирпичи» (с. 15).

Разрушение школы — символ распада крестьянского мира и превращения его в сцену для свободного выбора.

Предметы как носители памяти: «Я забрала с собою <...> / в память об этом дне небольшие камни» (с. 4). Камни, осколки, сухие стебли — это «вещи-свидетели», говорящие об утрате.

Цикличность времени: «Осень. / Вот сейчас могилки окосим / и так до Пасхи» (с. 8). Время измеряется сельскохозяйственными и церковными циклами, как в народном календаре.

А. В. Марков

Майка Лунёвская:

в поисках новой
сельской поэзии

СОВРЕМЕННОСТЬ

Луневская продолжает линию Н. Клюева, С. Есенина, О. Фокиной, но переосмысливает ее:

Клюевская мифологизация природы — у Луневской река говорит: «Не волнуйся. / Река во мне» (с. 5) — это оживление стихии, как у Клюева.

Есенинская тоска по уходящей деревне: «Закрыта, и давно. / Но, вспыхнув, уцелевшее окно <...> / и кажется, там кто-то есть внутри» (с. 16). Здесь призрачность прошлого сродни есенинским «краю покинутому».

Фокинская простота и бытовая магия: стихи про бабушку, варенье из вишни с червячками (с. 10) напоминают фольклорную конкретику Фокиной.

Современное переосмысление

Луневская демифологизирует крестьянский мир:

Смерть не поэтична, а обыденна: «Умирает жалко и только / жалко утенка цыпленка жалко» (с. 46).

Природа не спасает, а молча наблюдает: «Лес молчит в упор, пока его не спросишь, / и тоже видит смерть перед собой» (с. 12).

Руина, в том числе и крестьянского хозяйства, вместо идиллии: «Это поле в полиэтилене, / черным в пачке красная цена» (с. 5).

Итак, в книге «Недостаточно памяти» крестьянские мотивы служат языком памяти, но лишены пасторальности. Луневская пишет антиидиллию: ее природа — не убежище, а место утрат, а традиция — не наследие, а грунт, в котором роют могилы. Это посткрестьянская поэзия, где фольклорные образы сталкиваются с экзистенциальной пустотой современности. Традиция здесь не утешает, а обнажает травму, делая книгу одним из самых пронзительных текстов о русской деревне XXI века.

Майка Луневская крестьянский поэт или посткрестьянский поэт?

Почему Майка Луневская — крестьянский поэт?

Традиционные мотивы и образность

Ее поэзия насыщена архетипами деревенской жизни, которые восходят к классической крестьянской лирике (Клюев, Есенин, Рубцов, Фокина).

Природа как живое существо: «Река ничего не ждет, / ее берега полны» (с. 5). Здесь река — не просто пейзаж, а мифологизи-

рованный персонаж, как в народных заговорах и их стилизациях в крестьянской поэзии.

Цикличность времени: «Осень. / Вот сейчас могилки окосим / и так до Пасхи» (с. 8). Время измеряется сельскохозяйственными и церковными ритмами, что характерно для фольклорного сознания.

Быт как ритуал: «Бабушка приносила в ведре воду, / приносила в ведре небо» (с. 14). Простые действия (ношение воды, сбор урожая) становятся сакральными жестами.

А. В. Марков
 Майка Лунёвская:
 в поисках новой
 сельской поэзии

Фольклорные приемы

Повторы, закликательная интонация: «ветер дерево листает / до зеленых букв / ветер дерево листает / прописи пусты» (с. 7). Это отсылка к частушкам, колыбельным, плачам.

Оживление неживого: «Шиповник видит кровь и говорит: “Моя”» (с. 12). Такой антропоморфизм — ключевой элемент народной поэтики.

Тема «малой родины»

Луневская пишет о тамбовской глубинке как о месте силы и утраты: «Прямо за кладбищем поле, Ольшанка, ивы — / видела много раз, до сих пор красиво» (с. 22). Это лирика топоса, где пространство (река, поле, дом) становится хранителем памяти.

Почему Майка Луневская — посткрестьянский поэт?

Демифологизация деревни

В отличие от есенинской идиллии, у Луневской деревня — место жесткого, а иногда и абсурдного быта.

Смерть как часть повседневности: «Умирает жалко и только / жалко утенка цыпленка жалко» (с. 46). Гибель животных показана без патетики, как обыденность.

Руины вместо гармонии: «Мы растащили школу / на доски и кирпичи» (с. 15). Здесь нет ностальгии прежней крестьянской поэзии, есть констатация распада.

Экзистенциальный подтекст

Крестьянские образы у Луневской переосмысляются в философском ключе.

Природа не спасает, а молчит: «Лес молчит в упор, пока его не спросишь, / и тоже видит смерть перед собой» (с. 12). Это постромантический взгляд: природа равнодушна к человеку.

Память как груз: «Я забрала с собою <...> / небольшие камни» (с. 4). Камни — не обереги, а однозначно тяжелые свидетельства прошлого.

Урбанистические мотивы в сельском контексте: «Это не город, а частный сектор, / публично повешенное белье» (с. 27). Деревня не изолирована от мира — она поглощает его хаос.

Цифровая метафорика: «осыпается мир, начиная с леса, / как будто распад победил» (с. 19). Природа описывается через компьютерные термины («за пикселем пиксель»), что подчеркивает конфликт архаики и прогресса.

Итак, Майка Луневская отказывается от сентиментальности («деревня — колыбель души»), соцреализма («деревня — место подвига»), фольклорной стилизации («деревня — заповедник традиций»). Вместо этого она создает посткрестьянский реализм, где природа — не убежище, а зеркало экзистенциальных вопросов; крестьянский быт — не «аутентичный», а травматичный; память — не утешение, а рана.

Ее графика (дудлинг с орнаментами, христианскими символами, гибридами людей и растений) перекликается со стихами: растительность в человеческих фигурах и мотив слияния с природой в текстах: «из деревьев вырастают / доски и кресты» (7). Трактор выступает как «домашнее животное» — такова тема механизации деревни, которая не убивает ее мифологичность, но трансформирует.

Майка Луневская не идеализирует село, но показывает его как место, где еще возможна целостность — ценой отказа от прогресса ради сценографии с использованием современных медиа (рилсов, фотографий смартфоном). Эта глубинка не идиллична, жестокость — один из ее мотивов, но об органичности этого мира говорить можно. Ее поэзия — документ о жизни тех, кто осознанно создает особую сцену и ее перевод на язык большой современной русской поэзии.

Экокритическое прочтение поэзии Майки Луневской

Экокритика (ecocriticism) — направление в литературоведении, изучающее взаимодействие природы и культуры в текстах. Поэзия Луневской, с ее вниманием к деревенскому ландшафту, гибридности живого и неживого, экологической травме, предоставляет богатый материал для такого анализа. Рассмотрим ключевые аспекты.

Природа как умирающий организм

Мотивы экологической катастрофы. У Луневской природа не статичный фон, а хрупкая система на грани распада.

Высохшие реки, мертвые растения: «Это была река, но она засохла» (с. 4); «Из земли торчат сухие стебли, / тянется раститель-

ный скелет» (с. 6). Эти образы можно трактовать как аллегории антропогенного воздействия (засухи, загрязнения).

Животные как жертвы цивилизации: здесь смерть животных — не романтизированная «естественность», а следствие хозяйственной деятельности человека.

Концепция «природы-руины». Луневская избегает пасторальных клише: ее природа — это полиэтиленовые поля (с. 6), «черные земли» (с. 17), «обугленные ольхи» (с. 55). Эти образы близки к идеям Тимоти Мортон («экология без природы», 2007) (Мортон, 2015) — природа больше не «гармонична», она фрагментирована и загрязнена.

Человек как часть экосистемы (но не хозяин)

Неантропоцентричный взгляд. В стихах Луневской стирается граница между человеческим и природным, растения и животные наделяются субъектностью: «Шиповник видит кровь и говорит: “Моя”» (с. 12); «Река во мне» (с. 5). Это соответствует экофилософии (напр., идеи Джейн Беннетт о «живой материи»).

Тела людей и животных взаимопроникают, так, в графике Луневской волосы превращаются в реки, а в стихах «из деревьев вырастают / доски и кресты» (с. 7). Здесь деревья — не ресурс, а предки, что перекликается с концепцией «more-than-human» (Tsing, 2013).

Критика агрокультуры. Сельское хозяйство у Луневской — не «идиллия», а место насилия над природой: «Мы любим свою еду. / Берем бережно к пуху, / на ночь кладем в сундук» (с. 44) — парадокс «заботливой эксплуатации». «Сколько гусениц железных / соберешь в своем саду» (53) — техника как угроза биоразнообразию.

Экология памяти: природа как архив

Ландшафт как носитель травмы. Река Ольшанка (многократно упоминается) — не просто топоним, а символ утраченного: «Я прихожу к Ольшанке, сажусь на дно, / воды с него не набрать» (с. 5). Это можно сопоставить с концепцией «solastalgia» (Albrecht, 2007) — тоски по месту, которое еще не исчезло, но уже неузнаваемо. Школа, разобранный «на доски и кирпичи» (с. 15), — исчезновение социальных институтов, связывавших человека с землей.

Не-человеческие свидетели. Камни, осколки, сухие стебли становятся «архиваторами» памяти. Это напоминает уже приведенные идеи Анны Цзин о «многовидовых историях» — природа фиксирует следы человека.

Экокритическое прочтение поэзии Майки Луневской раскрывает следующие аспекты ее поэтики. Антипасторальность — природа не спасает, она сама жертва. Постгуманистический взгляд —

А. В. Марков

Майка Луневская:

в поисках новой

сельской поэзии

человек не венец творения, а часть хрупкой сети жизни. Экология как политика — ее поэзия обнажает последствия распада аграрного мира и превращения его в место частной жизни.

Заключение

Майка Луневская — современный крестьянский поэт, ее творчество укоренено в традиции (фольклор, природа, цикличность), но она же и посткрестьянский поэт, поскольку разрушает готовые мифы о деревне, вписывает ее в современный контекст производства искусства и перформативности, превращает сельские мотивы в универсальные (смерть, память, одиночество). Главная заслуга Майки Луневской — в создании нового языка для описания русской глубинки: без патетики, но с глубокой болью за родной для нее и сознательно выбранный мир. Актуальность ее текстов — в честности, она не ностальгирует, не обличает, а фиксирует переходное состояние между аграрной архаикой и цифровой эрой. Именно это делает ее голос уникальным в современной поэзии. Ее поэзия — не продолжение традиции, а ее радикальное переосмысление, где деревня становится не «местом памяти», а лабораторией новых форм жизни и искусства.

Ее творчество вписывается в мировой тренд «новой сельскости» (от скандинавских хуторян до японских «возвращенцев»), где деревня — не бегство от цивилизации, но альтернативная современность. Луневская выделяется синтезом жесткого реализма («Мы растащили школу на кирпичи») и цифровой сценографии, что делает ее голосом поколения, балансирующего между архаикой и антропоценом.

Если для крестьянина природа — объект труда, то для Луневской — материал для искусства. Ее стихи и графика (гибриды растений и механизмов) не воспроизводят аграрную мифологию, но проблематизируют ее, воссоздавая деревню как медиафеномен. Она не встраивается в «деревенскую» литературную среду, а работает с городскими институциями (фестивали, соцсети), сочетая физическое проживание в деревне с цифровой публичностью.

Майка Луневская создает посткрестьянскую экопоэтику, где природа — не «кормилица», а молчаливый свидетель антропоцена.

Библиография

- Барт Р. (2011). *Camera lucida: Комментарий к фотографии* / Пер. с фр., послесл. и коммент. М. Рыклина. М.: Ad Marginem.
- Вежлян Е. В. (2020). Искренность, аффект, эмпатия: поэтические сообщества и новые контексты публичности // *Russian Literature*. Т. 118. С. 45–77.
- Виноградский В. Г., Виноградская О. Я. (2019). Экология сельского мира глазами крестьян // *Крестьяноведение*. Т. 4. № 1. С. 70–97.

- Королев К. М. (2025). Новая сельскость и ее конструирование в воображении горожан: случай исторической карельской деревни Пяльма // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». № 4. С. 125–160.
- Кукулин И. В. (2014). Лирика советской субъективности: 1930–1941 // Филологический класс. № 1 (35). С. 7–19.
- Луневская М. (2024). Недостаточно памяти. М.: Наш современник.
- Мельникова Е. А. (2020). Деревня в городских проекциях современных россиян // Этнографическое обозрение. № 6. С. 5–11.
- Мортон Т. (2015). Экология без природы // Художественный журнал. Т. 96.
- Сальникова Е. В. (2016). О роли переходного пространства в зрелищной культуре и электронной экранной реальности // Вестник славянских культур. Т. 39. № 1. С. 189–204.
- Серегина С. А. (2024). Николай Клюев и Сергей Есенин: диалог с эпохой / Науч. ред. С. И. Субботин. М.: ИМЛИ РАН.
- Форбруг А. (2020). Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры // Крестьяноведение. Т. 5. № 1. С. 31–52.
- Харман Г. (2018). Имматериализм. Объекты и социальная теория / Пер. с англ. А. Писарева. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Шанин Т. (1995). Три смерти Александра Чаянова. Московский опыт: сентябрь 1987 // Социологический журнал. № 1. С. 92–109.
- Шанин Т. (2002). Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905–1930 гг. // Социологические исследования. Т. 6. № 1. С. 30–40.
- Albrecht G., Sartore G. M., Connor L., Higginbotham N., Freeman S., Kelly B., Stain H., Tonna A., Pollard G. (2007). Solastalgia: The distress caused by environmental change // *Australas Psychiatry*. № 15 (Suppl 1). P. 95–98.
- Tsing A. (2013). More-than-human sociality: A call for critical description // *Anthropology and Nature* / ed. by K. Hastrup. Routledge, pp. 27–42.

А. В. Марков
Майка Луневская:
в поисках новой
сельской поэзии

Maika Lunevskaya: In search of new rural poetry

Alexander V. Markov, DSc (Philology), Professor of the Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities. Miusskaya Sq., 6, Moscow, 125047, Russia. E-mail: markovius@gmail.com

Abstract. Maika Lunevskaya is a contemporary Russian poet, artist and musician, whose works connect peasant and post-peasant poetic traditions. She was born in Tambov but spent most of her life in the village of Pervaya Berezovka. Her works embody the “new rurality” — a conscious choice of rural life as a form of aesthetic and existential resistance to urbanization. Her poetry combines folklore motifs, ecological reflection and digital scenography, creating a unique artistic world at the intersection of peasant tradition and postmodern sensibility. By considering her book *Not Enough Memory* (2024) in the context of depeasantization theories (Shanin, Vinogradsky and Vinogradskaya) and ecocriticism (Morton), the author shows how Lunevskaya reinterprets the legacy of peasant poetry (Klyuev, Yesenin, Rubtsov). Her poetry is not a return to pastoral idyll but an exploration of rural life as a space of labor, loss and creative survival in the anthropocene. Her poetry, graphics and music imply a dialogue between tradition and the present time. The book *Not Enough Memory* shows how peasant motifs (nature, cyclical time, folk imagery) are intertwined with ideas of ecological crisis, rural decay and digitalization. Lunevskaya avoids romanticizing rural life, instead presenting it as a space of existential reflection. A distinctive feature of her work is its multimedia nature: poems are accompanied by marker drawings, music (self-composed songs) and visual content on social media — rural life is presented as a performance, which the author describes as a fairground poetics — a fusion of traditional and contempo-

rary art forms. Lunevskaya reinterprets the legacy of peasant poets, freeing it from nativity and exoticization. Her texts are “anti-pastoral”, since nature does not console but silently watches the decline. An ecocritical reading reveals ideas of anthropogenic impact, “nature-as-ruin”, and a non-anthropocentric worldview. Thus, Lunevskaya’s works form a new canon of post-peasant poetry relevant for the era of ecological and cultural transformations.

Key words: Maika Lunevskaya, post-peasant poetry, contemporary Russian literature, ecocriticism, folklore motifs, anti-pastoral, rural life, multimedia art, existential lyricism, visual poetry, tradition and the present time, fairground poetics

References

- Albrecht G., Sartore G. M., Connor L., Higginbotham N., Freeman S., Kelly B., Stain H., Tonna A., Pollard G. (2007) Solastalgia: The distress caused by environmental change. *Australas Psychiatry*, vol. 15, suppl. 1, pp. 95–98.
- Barthes R. (2011) *Camera lucida: Kommentary k fotografii* [Camera Lucida: Reflections on Photography], Moscow: Ad Marginem.
- Harman G. (2018) *Immaterializm. Ob`ekty i sotsialnaya teoriya* [Immaterialism: Objects and Social Theory], Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara.
- Korolev K. M. (2025) New rurality and its construction in urban imagination: A case study of the historical Karelian village Pyalma. *RGGU Bulletin. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies*, no 4, pp. 125–160.
- Kukulin I. V. (2014) *Lirika sovetskoy sub`ektivnosti: 1930–1941* [Lyrics of the Soviet subjectivity: 1930–1941]. *Filologichesky Class*, no 1, pp. 7–19.
- Lunevskaya M. (2024) *Nedostatochno pamyati* [Not Enough Memory], Moscow: Nash sovremennik.
- Melnikova E. A. (2020) Village in urban projections of contemporary Russians. *Ethnographic Review*, no 6, pp. 5–11.
- Morton T. (2015) *Ekologiya bez prirody* [Ecology without Nature]. *Khudozhestvenny Zhurnal*, vol. 96.
- Makhrova A. G., Babkin R. A., Kirillov P. L., Kazakov E. E. (2021) Moscow dachas: Will the second home become the first? *Regional Studies of Russia*, vol. 11, no 4, pp. 555–568.
- Salnikova E. V. (2016) O roli perekhodnogo prostranstva v zrelishchnoy kulture i elektronnoy ekrannoy realnosti [On the role of transitional space in spectacle culture and electronic screen reality]. *Vestnik Slavyanskikh Kultur*, vol. 39, no 1, pp. 189–204.
- Seregina S. A. (2024) *Nikolai Klyuev i Sergey Yesenin: dialog s epokhoi* [Nikolai Klyuev and Sergei Yesenin: Dialogue with the Era], Moscow: IMLI RAN.
- Shanin T. (1995) Three deaths of Alexander Chayanov: Moscow experience, September 1987. *Sociological Journal*, no 1, pp. 92–109.
- Shanin T. (2002) Social-economic mobility and history of rural Russia 1905–1930. *Sociological Studies*, vol. 6, no 1, pp. 30–40.
- Tsing A. (2013) More-than-human sociality: A call for critical description. *Anthropology and Nature*. Ed. by K. Hastrup, Routledge, pp. 27–42.
- Vezlyan E. V. (2020) Iskrennost, affekt, empatiya: poeticheskie soobshchestva i novye konteksty publichnosti [Sincerity, affect, empathy: Poetic communities and new contexts of publicity]. *Russian Literature*, vol. 118, pp. 45–77.
- Vinogradsky V. G., Vinogradskaya O. Ya. (2019) Ecology of the rural world in the perception of peasants. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 1, pp. 70–97.
- Vorbrugg A. (2020) Ethnographies of slow violence: Studying the effects of rural disintegration. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 1, pp. 31–52.

Сообщество как основа социального благополучия: государство, рынки, школы и другие субъекты «инклюзивного локализма»¹

Рецензия на книгу: Раджан Р. Третья опора: как рынки и государство пренебрегают сообществом/ Пер. с англ. М. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2025. — 488 с.

И. В. Троцук, Р. Р. Ишмухаметов

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Просп. Вернадского, 82, Москва, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Ишмухаметов Рустам Рифатович, кандидат социологических наук, доцент кафедры управления современным образованием Института развития образования Республики Башкортостан. Ул. Мингажева, 120, Уфа, Республика Башкортостан, 450005. E-mail: rustish@list.ru

EDN: QKCSWP

Рецензируемая книга будет интересна широкому кругу достаточно подготовленных читателей (в силу сложности используемой терминологии) по нескольким причинам. Во-первых, ее автор обладает оптимальным для подобного объемного обобщающего тома экспертным знанием: профессор Чикагского университета, в прошлом он был главным экономистом и главой отдела исследований Международного валютного фонда (консультирование развитых и развивающихся стран) и управляющим Центрального банка Индии (реформирование национальной финансовой системы), сочетает академическую деятельность с уникальным бизнес-опытом. Во-вторых, аннотация обещает читателю «непривычный для экономистов взгляд на социальные и экономические последствия глобализации и влияние, которое они в конечном итоге оказывают на политику»² (упоминается и конкретное проявление этого влияния — по-

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.
2. По сути, обещая читателю научно-экспертное повествование в духе книги: *Скотт Дж.* (2005). Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга; см. также: *Никулин А. М.* (2003). Власть, подчинение и сопротивление

пулизм)³, заявляя в качестве объекта исследования «три основные силы — государство, рынки и сообщества», взаимодействие которых может все разрушить или же вернуть к стабильности, а в качестве предмета — возможности «укрепления и расширения прав и возможностей местных сообществ как противостояния от растущего чувства безысходности» (с. 4). В-третьих, социологи (не только сельские или представители качественного подхода) действительно сосредоточены на изучении сообществ⁴, поэтому могут солидаризироваться с авторской критикой любой экономической модели (даже макроуровня — когда речь идет о взаимоотношениях государства и рынка), не учитывающей социальное измерение общественной жизни в виде «паутины человеческих отношений, ценностей и норм». И, наконец, судя по заявленному содержанию, читатель может рассчитывать на интересные и, вероятно, убедительные иллюстрации из разных стран (как минимум из обобщенного Запада и Индии), которые, как выяснится при чтении, зачастую сопровождаются противоречивыми концептуализациями и оценками, что делает книгу не только информативной, но и крайне дискуссионной (в первую очередь с политико-экономической точки зрения, но не только).

Следует учитывать, что русский перевод книги несколько задержался — впервые она была опубликована в 2019 году: некоторые утверждения автора «устарели» в том смысле, что многие его оценки (преимущественно позитивные) утратили актуальность и релевантность (а предельно широкие обобщения вызвали вопросы и на момент издания книги). Яркий пример — звучащая сегодня, в условиях множества вооруженных конфликтов, в том числе затронувших поставки продовольствия и энергоносителей, просто утопично оценка: «мы [кто? явно не обобщенное человечество всего мира] окружены изобилием: человечество никогда не было так богато, как сейчас, что стало возможным благодаря постоянному

в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 1.

3. См. подробнее в: *Nikulin A., Trotsuk I.* (2022). Political and apolitical dimensions of Russian rural development: Populism “from above” and narodnik small deeds “from below” // *Politics and Policies of Rural Authenticity* / Ed. by P. Pospèch, E. M. Fuglestad, E. Figueiredo. Routledge; *Nikulin A. M., Trotsuk I. V.* (2022). Humanitarian populism // *Russian Sociological Review*. Vol. 21. № 4.
4. См., напр.: *Божков О. Б., Никулин А. М., Полежаев И. К.* (2020). Сельская кооперация в Северном Нечерноземье: официальные и неформальные практики // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 4; *Гусаков Т. Ю.* (2023). Развитие социального капитала сельской местности на Крымском полуострове (на примере села Новоалексеевка) // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 23. № 1; *Попов Е. А.* (2022). Социальные функции сельских фермеров (на примере Алтайского края) // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 22. № 3; *Фадеева О. П.* (2019). Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации // ЭКО. № 4.

улучшению технологий производства на протяжении последних двух с половиной столетий; не только развитые государства стали богаче; миллиарды людей [сомнительно] в развивающихся странах [еще более сомнительно] перешли от тяжелой бедности к комфортному существованию среднего класса всего за одно поколение [в развитых странах можно наблюдать и обратный процесс]; доходы в мире распределены гораздо более равномерно, чем когда-либо прежде [только если измерять «среднюю температуру по больнице»]. Впрочем, автор имплицитно признает эфемерность провозглашаемого им изобилия, отмечая настолько сильную тревогу среди успешных людей в развитых странах, что они выбирают отказ от столь прекрасной (изобильной) жизни — физический или метафорический (посредством многообразных версий социального эскапизма).

Главную причину растущего уровня глобальной тревоги среди вполне благополучных людей автор видит в слишком успешном и быстром, но одновременно опустошительном техническом прогрессе, который «непропорционально обогащает и усиливает власть немногих», оставляя за бортом «умеренно квалифицированных работников», а радикальные политики используют ситуацию в своих интересах, направляя общественное недовольство против мигрантов и импорта (с. 10) [вряд ли сегодня такие линейно-простые объяснения в принципе работают]. Чтобы пережить «критический момент в истории человечества, когда ошибочно сделанный выбор может пустить под откос экономический прогресс» (с. 11), автор предлагает читателю путь поиска и выстраивания баланса между тремя главными опорами общества — государством (структура политического управления в стране, центральное правительство) и рынками (частные экономические структуры, способствующие производству и обмену в экономике), этими двумя привычными подозреваемыми во всех общественных проблемах, которые обычно выступают в тандеме и всесторонне исследованы, а также сообществом (не виртуальная, а реальная социальная группа, члены которой живут в одной местности, управляются общей властью, имеют общее историческое и культурное наследие, несводимое к конфессиональному⁵). Автор уверен, что именно сообщества (третья опора общественного благополучия) часто остаются без должного внимания и потому становятся слабыми, хрупкими и даже дис-

5. Подразумевается плотная сеть неформальных отношений как противоположный рыночному расчету полюс шкалы-континуума в духе классического разведения общности и общества. См. подробнее: Тённис Ф. (2002). Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль; Кильдюшов О. В. (2023). Категориальная дихотомия Gemeinschaft/Gesellschaft в социологической классике: Тённис — Вебер — Фрайер — Парсонс // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 23. № 1.

функциональными с точки зрения своих ключевых функций: привязки к реальным сетям взаимоотношений, формирования чувства идентичности и ощущения контроля над своей жизнью, обеспечения участия в структурах местного самоуправления и школьного обучения, открывающего дорогу к жизненным возможностям (пример дисфункции, характерной для российских сельских сообществ, — общественная апатия и «аморальный фамилизм» в условиях ограниченных экономических возможностей⁶).

Конечно, «здоровые [критерии/индикаторы здоровья и его противоположности — нездоровья — отсутствуют, но второе сводится к проявлениям «унаследованного всеми нами трайбализма»] современные сообщества пытаются компенсировать вторжение рынков и государства (тиранию большинства) с помощью других видов деятельности, которые укрепляют связи сообщества, таких как общественные собрания и соседские ассоциации» (с. 14)⁷. Метафорическая версия этого утверждения звучит еще убедительнее: «базирующиеся в сообществах движения против коррупции и кумовства снова и снова не позволяют Левиафану государства слишком комфортно устроиться вместе с Бегемотом крупного бизнеса» (с. 15). Однако предоставленные иллюстрации запутывают читателя: идеал автора — «динамичная рыночная либеральная демократия», для ее поддержания необходимы «здоровые сообщества», поэтому «авторитарные движения, такие как фашизм и коммунизм [?], пытаются заменить коммунитарное сознание националистическим или пролетарским [слишком неоднозначно коннотированные и многослойные понятия для иллюстрации очевидных вещей]» (с. 15).

В книге много путанных авторских объяснений, поэтому наиболее интересная и полезная для российского читателя ее часть — показательные кейсы расшатанности опор и их восстановления, призванные подтвердить основную идею автора: «Общество страдает, когда одна из опор ослабевает или укрепляется слишком сильно по отношению к другим. Слишком слабые рынки — и общество становится непродуктивным. Слишком слабое сообщество — и общество ведут к кумовскому капитализму, слишком слабое государство и общество — к опасливости и апатии. И, наоборот, слишком много рынка и общества ведут к несправедливости, слишком много

6. См., напр.: *Бэнфилд Э.* (2019). Моральные основы отсталого общества. М.: Новое издательство; *Троцук И. В.* (2020). Социально-экономическое значение культуры: концептуальные и методические находки несовершенного наблюдения // Крестьяноведение. Т. 5. № 2.

7. Эта идея созвучна концепции «Второй России» и низовой мобилизации как вполне универсального феномена. См., напр.: *Вторая Россия* (2012): дифференциация и самоорганизация / Под общ. ред. А. М. Никулина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; *Троцук И. В.* (2014). «Вторая Россия»: форматы «обнаружения» и дискурсивной презентации // Пути России. Новые языки социального описания. М.: Новое литературное обозрение.

сообщества и общества — к застою, а слишком много государства и общества — к авторитаризму» (с. 16). Вряд ли каузальные связи в современном глобализованном и глокализированном мире столь линейно просты, но декларируемая необходимость баланса бесспорна, и ниже мы попробуем кратко реконструировать авторскую аргументацию: книга слишком объемна и содержательно насыщена, чтобы пытаться суммировать ее тематические линии, тем более что автор такую работу уже проделал в Предисловии и Введении (их чтением может ограничиться незаинтересованный читатель).

Итак, автор называет книгу продолжением другой своей работы (2010⁸), где он «выражал тревогу по поводу последствий растущего неравенства» на фоне глобального финансового кризиса, поскольку экономисты и политики не сделали из него правильный вывод — о необходимости «исправить глубокие разломы в развитых обществах и глобальный порядок» (с. 26). Поэтому новую книгу автор писал в куда более поляризованном мире, в условиях нагнетания и расширения «политики гнева и зависти» силами «популистских националистов и радикальных левых» [сегодня даже более опасны радикальные правые], и стремился наметить контуры более сбалансированного взаимодействия государства, рынков и сообществ. Поскольку последние могут выступать в двух противоположных качествах, в зависимости от того, кто и как их воспринимает и использует, — «тепло и поддержка» или «ограниченность и традиционализм», то задача — «получить больше от хорошего при минимизации плохого» посредством «уравновешивающего влияния на сообщество двух других опор — государства и рынков» (с. 27).

В первой части книги представлена своего рода историческая хроника становления государства и рынков в развитых странах, которые к началу XX века превратились в «либеральные рыночные демократии». Данный исторический экскурс показывает переход от европейского феодального поместья к национальному государству и конкурентным рынкам (упоминается и веберовская версия становления морально легитимного капитализма вследствие реформаторски-рационального осмысления расширяющихся рынков и растущего богатства), затем к конституционной модели, частной собственности и свободным рынкам (наделение все большего числа людей политическими правами было призвано компенсировать нехватку экономических возможностей и предотвратить революционные перевороты «немытой черни»), от них — к борьбе сообществ за более демократическую власть в интересах защиты труда (союз Бегемота монопольного предприятия с Левиафаном авторитарного государства обеспечил обоим стабильность). Необходимость исторического экскурса автор объясняет тем, что «опоры укрепля-

*И. В. Троцук,
Р. Р. Ишмухаметов*
Сообщество как
основа социального благополучия: государство, рынки, школы и другие субъекты «инклюзивного локализма»

8. Раджан Р. (2013). Линии разлома. Скрытые трещины, все еще угрожающие мировой экономике / Пер. И. Фридмана, Н. В. Эдельмана, под ред. Е. Поповой. М.: Изд-во Института Гайдара.

лись и ослабевали на протяжении истории, из-за чего баланс между ними нарушался; общество в конце концов приспособилось восстанавливать баланс; поскольку сегодня мы сталкиваемся с новым периодом дисбаланса, история должна дать нам некоторую уверенность в том, что мы найдем ответы» (с. 55).

Основной страновой «кейс» — Англия, «в первую очередь потому, что это было первое большое национальное государство с конституционно ограниченной властью... хотя путь Англии к ней и более свободным рынкам был незапланированным и уникальным... в конце концов многие страны пришли к той же конечной точке, хотя и по-своему» (с. 84). Кроме того, некоторые «инструменты» той эпохи востребованы и сегодня, но под другим названием, например, нынешний торговый протекционизм обеспечен не только нормативной базой и потому напоминает о прошлом, когда «умные монархи делали упор на национальную идентичность... национализм помогал оправдывать более высокие цены, поскольку они были издержками сохранения рабочих мест дома, таким образом делая нацию сильнее» (с. 97).

Другая аналогия с современностью — те многочисленные профессиональные союзы и ассоциации, что напоминают те «братские и дружеские общества», в которые превратились средневековые гильдии и торговые компании после того, как государство стало заимствовать средства напрямую у граждан, перестав наделять привилегиями те бизнесы, от которых ранее зависело: «гильдии в двух наиболее конституционно ограниченных и ориентированных на рынок европейских государствах — Англии и Голландии — стали в основном беззубыми... с ежегодными обедами, полными помпезности и показной роскоши, а также изобилия алкоголя, но в них мало реального бизнеса» (с. 99). Однако это характерно для крупных городов и больших компаний, тогда как в сельских поселениях депрессивных районов во многих регионах России немногочисленные предприниматели держатся друг за друга и оказывают определяющее воздействие на социально-экономическое положение местных сообществ. Неформальные взаимодействия предпринимателей с представителями местных администраций преодолевают те негативные последствия разрушения локальных сообществ, которые проявились уже на заре промышленной революции — «коммерциализация сельского хозяйства разрушила многие традиционные английские [можно подставить любую страновую принадлежность] деревенские сообщества... массы крестьян [сегодня сельских жителей] мигрировали в города в поисках работы» (с. 113).

Первая часть книги посвящена истории становления государства и рынков в их нынешнем формате, но многие описания не могут не вызвать ассоциаций с современностью. Так, промышленная революция «создала огромные новые возможности... и волны эйфории, подпитываемые финансами... а также продолжительные бумы в сфере кредитования и эйфорические подъемы цен на землю и ак-

ции, за которыми следовал крах... и повсеместное отчаяние» (с. 124). Схожие радиальные трансформации мы наблюдаем сегодня благодаря цифровым технологиям, особенно связанным с искусственным интеллектом, но их негативные последствия еще не достигли уровня «повсеместного отчаяния». В то же время не со всеми авторскими аналогиями между прошлым и современностью можно согласиться, например, что ситуацию в Китае и России (она не изменилась принципиально с момента опубликования книги в 2019 году) следует определять как «более мягкую версию тоталитарных режимов с контролируемым государством капитализмом» (с. 136). Столь же сомнительно, особенно в свете событий последних нескольких лет, что Китай и Россия — примеры «обществ ограниченного доступа»⁹ (мало места для экономической и политической конкуренции, сообщества), тогда как либерально-рыночные демократии в развитых странах — «общества открытого доступа» (сочетание открытых рынков с сильным демократическим контролем над властью). Впрочем, автор отрицает, что «общества открытого доступа» — предел общественного развития и потому просто не могут «регрессировать к обществам ограниченного доступа из-за защищающих их сильных институтов» (с. 137): такой регресс возможен, что демонстрируют сегодня многие западные страны, не так давно считавшиеся непререкаемыми идеалами открытости.

Завершает первую часть глава о «месте сообщества в рамках баланса», основой которого автор считает все три опоры общества: независимый в силу своей производственной эффективности, рассредоточенности, многочисленности и разнообразия частный сектор за пределами государственного аппарата в рамках прозрачной системы конкурентного рынка, а не «уютно устроившийся в постели с государством» (такой частный сектор — источник финансирования правительственных партий, оппозиции и негосударственных организаций, платформа для выражения и организации общественного мнения); не самоподдерживающаяся и не коррумпированная государственная система, стимулирующая местное политическое участие и отказывающаяся от патронажа в пользу качественных услуг и формальных инструментов социальной защиты; активное сообщество, осуществляющее надзор за рынками и государством. На примере американской и французской школьных систем показаны возможности и ограничения разных моделей их взаимодействия с государством по таким основаниям, как (де)централизация, финансирование и (не)гибкость, каждое из которых подразумевает соответствующее (не)участие локального сообщества. Фактически сообщество и государство выступают как «буферы против неустойчивости рынка» (с. 170), что не вызывает сомнений, но тре-

9. См.: Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.

бует уточнений: во-первых, буферная функция может быть даже более востребована при стабильном, но слишком свободном рынке; во-вторых, государство и сообщество реализуют буферные функции на разных уровнях — соответственно, макро- и микро- (скорее даже мезо-).

Во второй части книги на примере США и Западной Европы показано, как в послевоенный период «демократия обрела более прочные корни» за счет возрастания силы и влияния государства и рынков, а позже началось реформирование впавшей в состояние застоя системы благодаря усиливающимся сообществам. Три десятилетия послевоенного экономического роста на Западе автор объясняет в первую очередь политическим консенсусом: «Проведение государственной политики было предоставлено технократам... что позволило построить систему, которая была выгодна для всех стран... и создать ощущение, что государства наконец-то научились укрощать рынки и эффективно использовать свои возможности (кейнсианская политика стабилизации)» (с. 201).

Эти возможности — поддержания экономического роста и щедрого социального обеспечения за счет технологических изменений — вскоре были исчерпаны, что вынудило правительства нарушить данные гражданам многочисленные обещания (особенно в сфере здравоохранения и пенсий) и обратиться за помощью к рынкам, т.е. пересмотреть послевоенный антиконкурентный консенсус и перейти к политике либерализации и дерегулирования (и промышленного сектора, и финансовых рынков) по модели «рыночного фундаментализма». В результате «преобладающий консенсус в развитом мире сместился с антирыночного (жесткое государственное регулирование, в том числе активности сообществ) к антигосударственному (рыночные ограничения на государственную политику)» (с. 223), а «когда революция в области ИКТ начала оказывать влияние на рабочие места и торговлю... ни государство, обремененное долгами, взявшее на себя слишком много обязательств и крайне очерняемое, ни лишенное сил сообщество не были в состоянии удовлетворить потребности людей. Более того, в хорошие времена государства вводили иммиграционную политику, которая меняла состав сообществ, без должного понимания, будет ли иметь место объединяющая их необходимая эмпатия [крайне неудачный термин], когда времена изменятся... Технический прогресс быстро распространялся через глобально интегрированные рынки... и людям по большей части приходилось реагировать на изменения самостоятельно. Способные быстро и хорошо адаптировались (элитный верхний средний класс в США), что значительно усложняло жизнь остальным. Последних оставили жить во все более неблагоприятных (экономически смешанных) сообществах (меньшинства, сконцентрированные в городских гетто, недавно потерявшие все рабочие из большинства и др.), с растущим возмущением против системы, которая была им навязана» (с. 224). Отсюда высокий

риск радикального популизма (примеры — президентство Д. Трампа и британский Брексит) — «электорат в развитых странах стал больше готов слушать радикальных политиков» (с. 276).

«Неравенство не только в экономических результатах (например, в уровне доходов у людей с разным уровнем образования, у доминирующих и прочих компаний, среди профессий и между отраслями), но и в возможностях (получить школьное образование и работу, выбрать сферу занятости, место жительства, брачного партнера и пр.) стало огромной проблемой... корни этого неравенства лежат не только в технологических изменениях, но и в неспособности сообщества (ослабленного) и государства (ограниченного идеологически и финансово) сбалансировать и регулировать рынки (свободные и находящиеся на подъеме)» (с. 227).

Завершая вторую часть, автор обращается к историческому опыту «другой половины мира» — Китая (пример рыночной либерализации под контролем партии, перехода от предпринимательского капитализма к государственному) и Индии (пример динамичной и хаотичной, первоначально апатичной и неконкурентоспособной демократии, постепенного отказа от фиктивного социализма), чтобы объяснить причины роста популизма. Два страновых «кейса» охарактеризованы как необычайно быстро растущие «развивающиеся рынки», у каждого из которых «есть свой вид дисбаланса: в Китае сильное государство, в котором доминирует Коммунистическая партия... в демократической (обретшей независимость от Британской империи) Индии задача состоит в том, чтобы сделать государство более эффективным, наложив на него более жесткие конституционные ограничения, что требует более независимого частного сектора» (с. 190).

В Китае избыточные производственные мощности (вследствие огромных инвестиций, которые не всегда проверяются на рыночную оправданность, но обязательно субсидируются) обусловили неподъемное долговое бремя корпораций и местных органов власти, чрезмерную зависимость экономического роста от экспорта, развитие разных форм неравенства и приближение к глобальным пределам производительности в ряде отраслей, поэтому рынку предоставляется все больше контролируемой государством свободы. В то же время Коммунистическая партия продолжает устранять внутрипартийную демократию и усиливать монополию на политическую власть, движется в направлении ужесточения контроля и централизации и периодически испытывает искушение «подменить своей мудростью мудрость рынка», т.е. в будущем «величайшей слабостью Китая может оказаться его до сих пор самая большая сила — Коммунистическая партия и ее стремление к сохранению власти» (с. 326). «Китаю нужен более подходящий баланс — сегодня партия доминирует над государством [правящая партия — это четвертая опора?], а рынки подавляются. Старые пути к экономическому росту более нежизнеспособны. Новые способы роста [гиперфиксация автора на «росте» вызывает те же обоснованные со-

*И. В. Троцук,
Р. Р. Ишмухаметов*
Сообщество как
основа социаль-
ного благополу-
чия: государство,
рынки, школы
и другие субъек-
ты «инклюзивного
локализма»

мнения, что привели к утрате «прогрессом» своей «легитимности» в научном и политическом дискурсах] требуют большего акцента на инновациях и эффективного распределения ресурсов, и меньшего — на финансовых репрессиях и борьбе с коррупцией [казни высокопоставленных китайских чиновников обычно так «радуют» российских комментаторов, что они предлагают заимствовать этот радикальный инструмент для нашей не готовой к его применению правоохранительной системы]... нужно больше децентрализации, но с более четкими правилами на региональном уровне... больше свободы и независимости для рынка и сообщества» (с. 332–333).

В более плюралистичной и открытой политической системе Индии больше возможностей для контроля сообществами государства и рынков, но частный сектор здесь слишком зависим от государства, а оно слишком слабо и чрезмерно бюрократизировано, поэтому оставляет слишком много социальных вопросов «без присмотра». Автор называет два преимущества Индии на пути к либеральной демократии — последовательная децентрализация (до муниципального уровня) и демократический характер управления до индустриализации, т.е. до становления сильного государства и «здоровых рынков». Но также отмечает две серьезные проблемы страны: индийский частный сектор — рыночная опора — «по большей части приветствует всю политику правительства», поэтому «в обществе все еще есть ощущение [непонятно, как оно было «диагностировано»], что крупнейшие магнаты добились своего благодаря способности манипулировать системой... и очень немногие готовы высказаться против действующей системы, не говоря уже о том, чтобы предпринять какие-то шаги, чтобы противостоять ей» (с. 340); неэффективное государство, которое «пытается реформировать себя... привнеся профессиональные знания со стороны и используя информационные технологии для оптимизации предоставления своих услуг и денежных трансфертов населению» (с. 342).

В третьей части автор предлагает устранить накопившиеся противоречия, «уравновесив три опоры перед лицом технологических изменений... большим локализмом [что бы это ни значило]¹⁰ —

10. В некоторых абзацах этот локализм напоминает понятие социального общества в трактовке Дж. Скиортино, особенно применительно к (трудовой) иммиграции, которая подробно и с многочисленными примерами рассмотрена в третьей части книги, преимущественно в контексте расширения и усиления политического влияния популистских националистических движений и характерной для них медийной риторики. См. подробнее в: *Sciortino G.* (2021). A blueprint for inclusion: Talcott Parsons, the societal community and the future of universalistic solidarities // *American Sociologist*. Vol. 52; *Sciortino G., Colombo A.* (2004). The flow and the flood: Immigrants in the Italian newspaper discourse // *Journal of Modern Italian Studies*. Vol. 9. № 1; *Sciortino G.* (2013). Immigration in Italy: Subverting the logic of welfare reform? // *Europe's Immigration Challenge: Reconciling Work, Welfare and Mobility* / Ed. by G. Brochmann, T. Jurado. London: Tauris.

то новый локализм, то связанные друг с другом инклюзивные сообщества], чтобы придать новые силы сообществу, опираясь при этом на государство и рынки, чтобы сделать общество более инклюзивным [что бы это ни значило]» (с. 28). Автор пытается пояснить суть «инклюзивного локализма» от обратного, описывая его нежелательную альтернативу: «Проницательные популистские националистические политики подчеркивают исключительную национальную идентичность, которая служит заменой ослабленной идентичности сообщества... сплачивают коренное население против [избирательно критикуемых] меньшинств, иммигрантов... международных организаций... погружая свои страны в ностальгический... или мускулистый национализм», а нужно «заручиться поддержкой центристских сил в местном сообществе, чтобы компенсировать центробежные силы глобального рынка» (с. 354).

Последние пять глав книги посвящены «потенциальным средствам для осуществления этого», но на деле автор лишь отмечает, что «конкретные платы будут варьироваться в зависимости от страны и местоположения, а их детали должны будут учитывать трудности реализации», предпочитая, «вместо того, чтобы сосредоточиться на деталях, объяснить, почему [его] предложения идут в правильном направлении... Государство будет нести ответственность за создание инклюзивной среды на национальном уровне, используя рынки с открытым доступом для включения и соединения друг с другом множества разнообразных местных сообществ» (с. 353).

Это прекраснотупное и утопичное предложение: несмотря на обещание автора описать предлагаемый им локализм для страны с разнородным населением («возвращение власти людям, от международной сферы к нациям и внутри наций от федерального к региональному уровням и уровню сообщества... строгое соблюдение принципа субсидиарности — полномочия должны оставаться на наиболее централизованном уровне, совместимом с их эффективным исполнением» (с. 353), мало что проясняет для читателя, задающегося традиционным русским вопросом «что делать» в практической плоскости. Содержание заключительных глав книги скорее иллюстрируется примерами, чем конкретизирует способы действия (чего ожидаешь от бывшего руководящего сотрудника международной организации) для претворения в жизнь таких гуманистических призывов, как: «чтобы у государства было не так много власти... чтобы оно могло сокращать экономическое неравенство возможностей между сообществами или создавать общие активы, которыми движима сильная нация... ключевой момент в каждой сфере (предоставление общественных благ, создание способностей и поддержание надежной сети социальной безопасности) — объединение ресурсов и национального охвата государства с местной информацией и вовлеченностью сообщества, при использовании, по возможности, новых технологий [допускается такая невозможность, т.е. информационно-коммуникативное неравенство?]» (с. 377).

*И. В. Троцук,
Р. Р. Ишмухаметов*
Сообщество как
основа социального благополучия: государство, рынки, школы и другие субъекты «инклюзивного локализма»

Другая цитата, основанная на идее автора, что «общество вечно стремится к новому равновесию посредством разбалансировки трех своих опор» (с. 479): «Когда появляются дисбалансы, часто возникает соблазн подрубить все опоры до высоты самой низкой из них. Как правило, это приведет к возвращению равновесия, но на гораздо более низком для общества уровне [вновь имплицитная идея прогресса]. Гораздо лучше [для кого?] снижать опору только в случае крайней необходимости, и вместо этого сосредоточиться на возвышении всех опор до наивысшего общего уровня. Только так общество будет прогрессировать [куда и каковы критерии прогресса?]. В этом ключе соблазн сегодня будет заключаться в том, чтобы ограничить конкурентные рынки [это уже делают многие государства и регионы, но для других целей], чтобы дать сообществам шанс на восстановление. Это может привести к другим проблемам, таким как кумовство, от которых трудно будет избавиться. Вместо этого лучше усовершенствовать функционирование рынка, переориентировав государство и укрепив сообщество» (с. 477–478).

Подчеркнем: мы не критикуем автора, поскольку вряд ли в принципе можно сформулировать некий пошаговый план действий для достижения социального благополучия посредством нужной и правильной [с чьей точки зрения?] балансировки трех опор общества, а отмечаем «несбалансированность» его позиции (невыполнение данных читателю обещаний). В одиннадцатой главе перечислены общие моменты в реальных практиках возрождения сообществ в разных странах, и среди них не упоминаются рекомендуемые автором «инструменты» — список совершенно другой: «небольшая и полная энтузиазма команда, возглавляющая усилия (лидеры местного сообщества); объединение разных игроков в сообществе; выявление, использование и улучшение ключевых активов в сообществе, включая человеческий капитал [в сельских сообществах это зачастую единственный актив]; акцент на изменении имиджа сообщества путем устранения критических недостатков [российская практика развития малых городов и сел как туристических локаций говорит о другом пути — подчеркивании критических преимуществ]; ...вовлечение членов сообщества, когда они видят некоторые признаки успеха и начинают гордиться им [часто выживают те сельские сообщества, чьи упертые члены продолжали действовать, невзирая на постоянные неудачи]» (с. 414). Возрождение/усиление локального сообщества более вероятно, если в нем сохранилось/появилось важное общественное пространство (например, библиотека или школа), приехал кто-то способный встряхнуть местных жителей от «апатии, цинизма и отчаяния» (например, горожане со значительным социальным капиталом — в угасающее село¹¹), и, по-

11. См., напр.: Божков О. Б., Игнатова С. Н., Троцук И. В., Никулин А. М. (2022). Сельское предпринимательство в Северном Нечерноземье: социологические очерки по мотивам полевых наблюдений. М.: Издательский

мимо государственных и банковских программ, существуют иные источники финансирования (благотворительно-филантропические).

Допустим, «расширение прав и возможностей заставит каждого [сомнительно] взять на себя определенную ответственность, и станет труднее предаваться апатии или поиску виновных [еще более сомнительно], что позволит группам поддерживать идентичность, культурную преемственность и сплоченность [вряд ли все сразу или в такой последовательности]» (с. 353), но с помощью каких нормативных и финансовых инструментов? Понятно, что государство может законодательно гарантировать рыночную открытость сообщества и его право регулировать местное производство, но в ситуации объективного неравенства откуда у сообщества возьмутся ресурсы на производство и выход на рынок? Упомянутая свобода передвижения людей относительно сообщества и так гарантирована законом [рабство и крепостное право отменены], но вряд ли открытый рынок со всеми своими возможностями извлечения выгоды и передвижения людей способен превратить сообщество в продуктивное и автономное, не говоря уже о жизнеспособности и тем более жизнерадостности. Например, российское государство декларативно поддерживает слабые сообщества в создании инфраструктуры и улучшении качества школьного образования, внедряет технологические решения для контроля сообществами местных органов власти и т.п., но эти декларации недостаточно финансируются и/или не учитывают локальные условия, а потому не формируют дееспособную третью опору.

В заключение отметим, что в книге настолько много важных тематических линий, что она может быть востребована и как своего рода справочное издание. Например, исследователям сферы образования книга, по сути, предлагает мозаично разбросанный по разделам обзор взаимодействия сообщества со школой, причем с интересными иллюстрациями из прошлого и настоящего самых разных стран: «многие успешные школы опираются на родителей при формировании школьных советов, для укомплектования персоналом и поддержки внешкольных программ, а также для предоставления средств на оборудование, которое не учитывается в обычном бюджете... в равной степени учителя из сообщества могут работать над созданием альтернативной местной социальной поддержки для учащихся, чьи семьи распались... школы позволяют родителям выстраивать дружеские отношения и вместе работать в общем начинании» (с. 35), но только если «рынок не подорвал роль сооб-

*И. В. Троцук,
Р. Р. Ишмухаметов*
Сообщество как
основа социаль-
ного благополу-
чия: государство,
рынки, школы
и другие субъек-
ты «инклюзивного
локализма»

дом «Дело» РАНХиГС; Виноградская О. Я. (2019). Отчего горожане едут в деревню: феноменология и практика // Крестьяноведение. Т. 4. № 3; Овчинцева Л. А. (2021). Новые селяне: мотивы и факторы переселения из города в сельскую местность // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 21. № 2.

щества в обеспечении равного доступа путем создания неравных сообществ» (с. 288).

Отталкиваясь от понятия «неравные сообщества», видимо, следует уточнить, что столь значимую роль школа может играть только в определенном сообществе, и в России это небольшие сельские поселения¹², но никак не крупные урбанизированные центры даже на уровне отдельных районов, что автор неоднократно подтверждает, например, уточняя функции сообщества: «Система неявной ответственности и обеспечительных мер, существующая в сообществе, может быть гораздо более эффективной для защиты скота и минимизации транзакционных издержек, чем использование явных контрактов и правовой системы... сообщества предоставляют человеку чувство контроля над своей жизнью и чувство общественной ответственности» (с. 40–41). Или же отмечая, что «в небольшом сообществе каждый заинтересован в благополучии всех остальных [недостает уточнения, что речь идет о «здоровом сообществе»]... по мере роста сообщества мы становимся избалованы выбором... и сложностью отслеживания индивидуальных транзакций, что может навредить сообществу» (с. 46–47) — это описание напоминает общую логику урбанизации.

Community as the basis of social well-being: State, markets, schools and other actors of “inclusive localism”¹³

Review of the book: Rajan R. (2025) *The Third Pillar. How Markets and the State Leave the Community Behind*. Transl. from English by S. Moiseev. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. — 488 p.

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Rustam R. Ishmukhametov, PhD (Sociology), Associate Professor, Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan. Mingazheva St., 120, Ufa, Bashkortostan, 450005, Russia. E-mail: rustish@list.ru

12. См., напр.: *Ишмухаметов Р. Р.* (2025). Роль родителей в обеспечении устойчивости сельских школ (результаты разведывательного исследования в Республике Башкортостан) // *Крестьяноведение*. Т. 10. № 4.

13. The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research program.

Не остаток прошлого, а пространство будущего: к вопросу о трансформации сельских территорий¹

Рецензия на книгу: Быстрова Т. Ю., Мазаев Г. В. Сельское расселение: история и типология. Екатеринбург: TATLIN, 2024. — 108 с. ISBN: 978-5-00075-362-0

Т. Ю. Гусаков

Тимур Юрьевич Гусаков, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

EDN: TRPHNQ

Книга «Сельское расселение: история и типология» вышла в издательстве TATLIN, что само по себе необычно, учитывая традиционную ориентацию этого издательства на города, архитектуру, дизайн и визуальные искусства. Такой контекст подчеркивает междисциплинарный характер исследования и необычность его постановки. Не случайно издание уже привлекло внимание: ранее была опубликована рецензия, сосредоточенная преимущественно на типологическом и методологическом аспектах исследования². Настоящий отклик стремится дополнить эту дискуссию, рассматривая работу в междисциплинарном аспекте и в сравнительном международном контексте.

Сельское расселение при этом представляется не только как совокупность домов и улиц, нанесенных на карту, но и как особая форма человеческого присутствия в пространстве, где организация жилья и общих территорий становится способом взаимодействия общества с природой в историческом процессе. В философском смысле расселение можно понимать как диалог человека с пространством, где организация жилья, дорог, общих пространств есть способ осмысления мира. Не случайно М. Хайдеггер утверждал, что истинное жилище возникает тогда, когда человек «пребывает», т.е.

-
1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.
 2. *Троцук И. В.* (2025). Типология и топология сельского расселения: возможности и ограничения краткого изложения // Крестьяноведение. Т. 10. № 2. С. 196–206.

становится частью пространства, обустривая его не ради функциональной пользы, но ради самого присутствия в мире³.

В индустриальных регионах России, таких как Средний Урал, эта философия «пребывания» вступает в противоречие с логикой индустриализма, где сельская местность часто воспринималась как ресурсная единица, обслуживающая завод или рудник. Здесь село теряло автономность, но обретало особую судьбу — становилось частью «большой машины» модернизации. Этот парадокс и определяет сегодняшнее состояние сельского расселения: между памятью и забвением, между органикой и искусственностью, между природой и индустрией. Исследование как раз и пытается ухватить эту двойственность сельского мира — его укорененность в традиции и одновременно подчиненность силам модернизации.

Монография представителей уральской науки доктора философии Т. Ю. Быстровой и кандидата архитектуры Г. В. Мазаева, посвященная состоянию и перспективам сельской системы расселения в индустриальных регионах России, в частности на примере Свердловской области, занимает особое место в современной научной и общественной дискуссии о будущем сельской местности. Уже сам выбор исследовательской оптики представляется необычным: авторами работы выступили не географы, как это обычно бывает, а ученые из области философии и градостроительства. Одновременно это освобождает исследование от привычных для географической науки рамок статистико-демографического анализа и позволяет мыслить шире, концептуальнее, философски, а также использовать градостроительный и пространственно-планировочный инструментарий. Однако при этом отсутствие «географической школы» приводит к тому, что некоторые вопросы территориальной дифференциации, пространственной иерархии, историко-географической динамики расселения трактуются схематично либо остаются за пределами анализа. В этом, на наш взгляд, заключается как сила, так и ограничение книги.

Подобный подход созвучен мировым трендам, когда исследования сельских территорий все чаще выходят за рамки аграрной экономики и демографии и привлекают инструментарий философии, культурологии, урбанистики, архитектуры. Так, в работах Дж. Халфакри, М. Вудса, Ф. Клоука и других представителей *rural studies* сельская местность рассматривается не как «остаток» модернизационных процессов, а как система с собственными правилами функционирования и потенциалом⁴. В этом плане рецензи-

3. *Bobeck A.* Building Dwelling Thinking by Martin Heidegger / Transl. by A. Bobeck. URL: https://www.academia.edu/34279818/Building_Dwelling_Thinking_by_Martin_Heidegger_Translation_and_Commentary_by_Adam_Bobeck

4. *Woods M.* (2011). *Rural Geography: Processes, Responses and Experiences in Rural Restructuring*. SAGE Publications Ltd.; *Cloke P., Marsden T.*,

руемая книга — представитель своего времени и даже опережает некоторые российские работы, остающиеся в рамках традиционной географической науки.

Структура монографии логично вытекает из поставленных целей и задач. Книга состоит из введения, нескольких тематических глав, заключения и богатого библиографического аппарата, отражающего широкий круг источников (преимущественно отечественных). Но мы выделим и остановимся подробнее на смысловых блоках книги.

Методологический фундамент. Авторы начинают с детального анализа и систематизации подходов к изучению сельского расселения. Они обосновывают выбор системного и топологического методов, критикуя ограниченность чисто статистических и типологических подходов, которые «хотя и правильно передают общие тенденции, но не привязаны к заботам и нуждам конкретного объекта изучения и политики — человека» (с. 7). Подчеркивается необходимость холистического пути, «учитывающего связи сельских и городских расселенческих процессов, позволяющий увидеть территорию как сельско-городской континуум» (с. 13).

Анализ современного состояния. В работе приводится обширный фактический и аналитический материал, раскрывающий кризисное состояние сельского расселения в России. Авторы констатируют, что «система сельского расселения Российской Федерации продолжает разрушаться и деградировать» (с. 35). Это подтверждается данными о сокращении населения, миграционном оттоке и «вымывании» поселений среднего масштаба, что «свидетельствует о неустойчивости системы» (с. 36).

Историко-генетический анализ. Одна из сильных сторон работы — проследивание исторической эволюции взаимодействия городской и сельской систем расселения. Авторы выделяют три этапа: доминирование сельской системы; развитие сельских систем и формирование городов; урбанизация и активное «поглощение» сельской системы городской. Делается важный вывод об их принципиальном различии и «неодновременности»: «Сельская система расселения превосходит городскую по количеству планировочных элементов... однако сложность системы, являясь качественной характеристикой, не определяется только числом объектов в ней» (с. 59). Городская система является сложной и иерархичной, а сельская — большой, но простой и малодифференцированной.

Региональный кейс (Свердловская область). Теоретические выводы апробируются на примере индустриального региона. Анализ показывает, что сельское расселение здесь «не является гомоген-

Т. Ю. Гусаков

Не остаток прошлого, а пространство будущего: к вопросу о трансформации сельских территорий

Mooney P. (2006). The Handbook of Rural Studies. SAGE Publications Ltd.; Milbourne P. (2014). Poverty, place, and rurality: Material and sociocultural disconnections // Environment and Planning A: Economy and Space. Vol. 46 (3). P. 566–580.

ным, а состоит из большого числа отдельных локальных и зачастую не связанных между собой структур, преимущественно линейного типа» (с. 17). Авторы выявляют специфические проблемы, такие как «административная рурализация» (искусственный перевод поселков городского типа в сельские) и наличие квазицентров в поселениях, которые фактически не выполняют своих функций, что ведет к деградации локальной сети.

Практические рекомендации и прогноз. В завершающих разделах авторы разрабатывают параметры собственной градостроительной методики. Ключевой тезис заключается в отказе от курса на тотальную урбанизацию и укрупнение: «Необходимо не „стирать различия между городом и деревней“, а, опираясь на эти различия, создавать особую, специфичную сельскую систему расселения» (с. 55). Прогноз развития связывается не с унификацией, а с дифференциацией подходов для разных зон (пригородная, индустриальная, фермерская), с акцентом на развитие коммуникаций и smart-технологий.

Центральный тезис авторов заключается в системном понимании сельского расселения. Из него вытекает ключевой методологический вывод о «неодновременности» городской и сельской систем, что, в свою очередь, заставляет критически оценить практику административной унификации и укрупнения. Успех определяется топологической обусловленностью и учетом региональной специфики. Работа убедительно доказывает, что будущее российского села лежит не в его тотальном преобразовании по городскому образцу, а в нахождении его собственного пути развития, основанного на понимании его уникальной системной природы.

Сравнительный международный контекст. Сопоставление с опытом других индустриальных регионов позволяет не только выявить уникальные черты уральской деревни, но и показать общие закономерности трансформации сельского расселения в условиях индустриализации и последующей деиндустриализации. Подобные аналогии крайне важны для выработки новых исследовательских и практических подходов, поскольку они демонстрируют разные модели адаптации сельских территорий к экономическим и институциональным изменениям.

Рейн-Рур (Германия), являясь крупнейшим индустриальным регионом Европы в XIX–XX вв., столкнулся с похожими проблемами: быстрый рост городов, индустриализация, поглощение деревень. Но в отличие от Урала, здесь развивалась система «Zwischenstadt» (между-город), когда сельские поселения не исчезали, а встраивались в общую агломерационную структуру⁵. Сегодня многие деревни Рейн-Рура существуют как «пригородные анклав» с высоким

5. Meraner M., Pölling B., Finger R. (2018). Diversification in peri-urban agriculture: A case study in the Ruhr metropolitan region // Journal of Land Use Science. Vol. 13 (3). P. 284–300.

качеством жизни, сохраняя идентичность и получая новые функции (жилая, рекреационная).

Сравнение показывает: если в Германии индустриальная урбанизация сопровождалась сохранением сельских элементов, то в России многие деревни были ликвидированы. Причина кроется в различии институциональных режимов: в странах Европы — рыночная адаптация, в СССР — административное укрупнение.

Верхняя Силезия (Польша) с угольной промышленностью демонстрирует сходные черты с Уралом: индустриальные поселки, смешение сельского и городского уклада. После падения социализма часть шахт закрылась, многие села деградировали⁶. Однако в XXI веке идет политика «сохранения культурного ландшафта» и поддержки локальных сообществ⁷. Это могло бы быть уроком и для России.

Аппалачи сегодня воспринимаются не просто как зона угольных шахт и бедных сельских поселений, но как своеобразная «лаборатория современной сельско-городской трансформации»⁸. К. Маршалл Кук предлагает концепт «*большой сельскости*» (*big rurality*), обозначающий особые сельские пространства, возникшие в глубине депрессивных индустриальных зон. Угольный бассейн Покахонтас предстает не только промышленным ландшафтом, но и социотехнической системой (STS), где технологии и наука «экспериментируют» над местным населением и природой, превращая их в часть больших инфраструктурных процессов⁹. Это сближает Аппалачи с Уралом: и там, и здесь индустриальное освоение горных территорий создавало гибриды сельского и промышленного уклада, а его упадок вел к деградации деревни.

В то же время в Аппалачах на фоне депрессии возникли и практики сопротивления: активизация локального знания, новые формы низовой демократии, опора на фермерство и культурные инициативы. Опыт показывает, что регион может выступать площадкой для отработки новых форм сельско-городской адаптации, тогда как в уральском контексте подобные процессы пока выражены лишь фрагментарно.

Донбасс и Кузбасс ближе всего к Уралу по типу сельско-городского расселения. В обоих случаях историческая индустриализация сопровождалась формированием густой сети шахтерских и рабочих

Т. Ю. Гусаков

Не остаток прошлого, а пространство будущего: к вопросу о трансформации сельских территорий

6. Runge A. Z. (2023). Changes in regional settlement systems in Poland // Environmental & Socio-economic Studies. Vol. 11 (4). P. 1–11.

7. Wojewódzka-Wlewińska A. (2021). Rural areas endangered with depopulation as problem areas — the example of Poland // Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu. Vol. 65 (4). P. 158–170.

8. Никулин А. М. (2025). Аппалачи как лаборатория современного сельско-городского развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 25. № 2. С. 532–537.

9. Cook C. M. (2024). Big Rural: Rural Industrial Places, Democracy, and What Next. Lanham: Lexington Books.

поселков, которые находились в тесной связке с традиционными деревнями. Уже во второй половине XX века здесь обозначилась тенденция поляризации: крупные города-центры росли и развивались, тогда как малые сельские поселения постепенно утрачивали демографический и хозяйственный потенциал¹⁰.

Особенно показателен Донбасс. С распадом СССР этот регион оказался в ситуации резкой деиндустриализации, закрытия шахт и заводов, что неминуемо ударило по окружающим сельским населенным пунктам, связанным обслуживающей инфраструктурой и местами приложения труда¹¹. В XXI веке к этому добавились вооруженные конфликты, что усилило процессы депопуляции и разрушения сельской инфраструктуры. Многие поселения превратились в «серые зоны» — лишенные рабочих мест, школ и медицинских учреждений¹². На этом фоне городские агломерации Донецка и Луганска продолжали концентрировать ресурсы, углубляя пространственный дисбаланс.

Кузбасс, при всех различиях, демонстрирует близкие тенденции. Массштабное сворачивание угольной промышленности в 1990–2000-е годы сопровождалось массовым закрытием поселков при шахтах, многие из которых официально сняты с учета или оказались в статусе «неперспективных». В регионе усилилась демографическая концентрация в крупных городах — Кемерово, Новокузнецк, Прокопьевск, тогда как деревни и малые поселки столкнулись с депопуляцией, старением населения и деградацией социальной инфраструктуры¹³. Таким образом, и Донбасс, и Кузбасс иллюстрируют сценарий, при котором индустриальная модернизация приводит не к интеграции сельского пространства, а к его последовательному вымыванию.

Сопоставления позволяют увидеть, что судьба сельских поселений в индустриальных регионах определяется не только экономическими циклами индустриализации и деиндустриализации, но и институциональной рамкой, в которой происходят трансформации. В Рейн-Руре и Верхней Силезии сельское пространство оказалось встроено в систему агломерационного или культурного развития, в Аппалачах оно стало ареной борьбы за новые формы локальной демократии, в Донбассе и Кузбассе — жертвой поляризации и моноукладности. Российский Урал, на фоне этих при-

10. *Нефедова Т. Г., Полян П. М., Трейвиш А. И.* (2001). Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ.

11. *Нагірна В. П., Руденко Л. Г.* (2016). Сільська місцевість України у контексті трансформаційних процесів в аграрній сфері // Укр. геогр. журн. № 2. С. 39–47.

12. *Гукалова І. В.* (2023). Демографічні та соціальні чинники розвитку сільської місцевості в Україні: тенденції змін // Укр. геогр. журн. № 2. С. 35–47.

13. *Pallot J., Nefedova T.* (2007). Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia. Oxford University Press.

меров, выглядит как регион, где административно-централизованные практики часто препятствовали сохранению и адаптации сельских поселений, что и определило их убыль. Тем ценнее рассматриваемая книга, предлагающая новый взгляд на уральскую деревню не как исчезающий реликт, а как элемент сложной системы, сопоставимой с зарубежными аналогами и требующей инклюзивного проектирования будущего.

Наши оценки. Выводы исследования могут стать основой для пересмотра региональных программ развития сельских территорий, сместив фокус с укрупнения на точечную поддержку локальных центров¹⁴. Важно учитывать реальные центры коммуникаций и траектории повседневной мобильности, а не только формальные административные центры. Для местных сообществ работа дает язык для описания собственной ситуации и подсказывает возможности мобилизации ресурсов, в том числе культурных и символических.

Сильные стороны монографии заключаются, прежде всего, в оригинальной методологии: авторы соединяют философский и архитектурный подходы, что позволяет увидеть сельскую систему расселения под новым углом. Большое достоинство книги — внимание к реальным практикам и жизненным стратегиям населения, а также богатый эмпирический материал, собранный в ходе полевых исследований.

Несколько аспектов книги вызывают дискуссию и задают поле для будущих исследований. Одним из наиболее заметных ограничений работы является ее региональная фокусировка: детальный анализ практически полностью посвящен Свердловской области. Это придает книге убедительность как кейсу, но вместе с тем снижает универсальность выводов. В условиях, когда авторы заявляют о намерении предложить рекомендации для всей России, отсутствие сопоставлений с другими типами регионов (южными аграрными, северными депопулирующимися или национальными республиками¹⁵) воспринимается как недоработка. Сравнительный раздел, в котором уральская модель была бы соотнесена, например, с Краснодарским краем или Центральным Нечерноземьем, усилил бы общую убедительность книги.

Другой момент касается международного контекста. Авторы справедливо акцентируют уникальность российского пути с его административным укрупнением и сселением, но лишь пунктирно обозначают мировые параллели. В результате создается впечатление исключительности российских проблем, тогда как схожие вы-

Т. Ю. Гусаков

Не остаток прошлого, а пространство будущего:

к вопросу о трансформации сельских территорий

14. *Нефедова Т. Г.* (2003). Сельская Россия на перепутье. М.: Новое издательство.

15. *Нефедова Т. Г.* (2021). Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России // Крестьяноведение. Т. 6. № 1. С. 126–153.

зовы (депопуляция сельской местности, поиск новых функций для сельских поселений, поддержка локальной экономики) хорошо известны в Германии, Финляндии, Канаде и других странах¹⁶. Более детальный разбор зарубежных кейсов, их успешных и неудачных решений, позволил бы обогатить книгу практическими выводами и сделать ее интересной не только для отечественного, но и для международного читателя.

Существенным достоинством книги является глубокая диагностика, но именно здесь проявляется дисбаланс: аналитическая часть выглядит куда более проработанной, чем раздел, посвященный практическим рекомендациям. Авторы мастерски используют теорию центров, аффордансов и анализ квазицентров для объяснения деградации сельской системы, но конкретные механизмы выхода из кризиса остаются лишь в намеках. Нам недостает обсуждения того, какими именно инструментами можно реализовать предложенные меры. Очевидным усилением работы могло бы стать включение примеров пилотных проектов, инструментов поддержки малого бизнеса или изменений в законодательстве о градостроительной деятельности на сельских территориях.

Современный контекст также требует внимания к цифровому фактору. В книге практически не обсуждается, как цифровизация, онлайн-коммуникации и smart-технологии могут менять модели сельского расселения. Между тем именно интернет и удаленная занятость способны компенсировать дефицит инфраструктуры и задать новые сценарии для малых населенных пунктов¹⁷. Отсутствие этого аспекта лишает исследование перспективного измерения, столь необходимого для нашего времени.

Наконец, при всем богатстве полевого материала визуализация данных могла бы быть более убедительной. Некоторые схемы и карты будут трудны для восприятия читателями, не знакомыми с уральской спецификой. Более подробные пояснения, акценты на ключевых элементах структуры поселений, ясные обозначения центров и связей сделали бы иллюстративный ряд не только вспомогательным, но и самостоятельным доказательством.

Все сказанное, однако, не перечеркивает сильных сторон монографии, а лишь обозначает ее естественные границы. Сосредоточившись на методологии и глубоком анализе одного региона, авторы неизбежно пожертвовали широтой охвата и детализацией

16. Granberg L., Andersson K. (2015). Evaluating the European Approach to Rural Development: Grass-Roots Experiences of the LEADER Programme. Routledge.
17. Salemink K., Strijker D., Bosworth G. (2017). Rural development in the digital age: A systematic literature review on unequal ICT availability, adoption, and use in rural areas // *Journal of Rural Studies*. Vol. 54. P. 360–371; Rundel C., Salemink K. (2021). Bridging digital inequalities in rural schools in Germany: A geographical lottery? // *Education Sciences*. Vol. 11(4). P. 181.

практических решений. Эти лакуны задают программу для будущих исследований — как самих авторов, так и других исследователей, которые будут опираться на их подход.

Монография расширяет горизонты научного обсуждения сельского расселения. Авторы показывают, что его нельзя сводить лишь к вопросам демографии или инфраструктуры: это сложная система, развивающаяся по своим законам, тесно связанная с историей, культурой и образом жизни людей. Такой подход открывает перспективу для будущих масштабных сравнительных исследований, где сельские территории будут рассматриваться не как остаток прошлого, а как равноправный и динамичный элемент национального пространства.

Сельская местность рассматривается не как рудимент, а в качестве самостоятельной системы с собственными центрами, траекториями и потенциалом развития¹⁸. Подобный подход сближает работу с современными направлениями *rural studies*, где сельская местность трактуется как социокультурный и пространственный феномен.

Проведенные нами международные параллели показывают, что уральский опыт типологически сопоставим с другими индустриальными регионами мира. Однако Урал обладает специфическими институциональными особенностями, которые сильно отличают его от европейских и американских моделей.

Работа объединяет философский и архитектурный подходы, опирается на полевые наблюдения и открывает возможности для комплексной политики в отношении сельских территорий. Она может служить опорой для междисциплинарных и сравнительных исследований, а также для практических решений в области регионального развития.

Not a remnant of the past but a space for the future: On the transformation of rural territories

Review of the book: Bystrova T. Yu., Mazaev G. V. (2024) *Rural Settlement: History and Typology*. Yekaterinburg: TATLIN. — 108 p. ISBN: 978-5-00075-362-0

Timur Yu. Gusakov, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

18. Ioffe G., Nefedova T. (1997). *Continuity and Change in Rural Russia: A Geographical Perspective*. Westview Press, Oxford.

Стратегии развития сельских территорий России¹

Л. А. Овчинцева

Любовь Александровна Овчинцева, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, д. 82.

E-mail: lovchintseva@rambler.ru

EDN: XLEVCM

В рамках второй международной научно-практической конференции «Наука для государственного управления» в Президентской академии 7 ноября 2025 года состоялся круглый стол «Стратегии развития сельских территорий России», на котором собрались представители научного сообщества, Государственной Думы, федеральных министерств и ведомств, органов исполнительной власти из регионов страны. Модерировали выступления участников круглого стола *А. В. Гордеев*, академик РАН, заместитель председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, и *А. М. Нижулин*, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС.

Во вступительном слове *А. В. Гордеев* напомнил участникам круглого стола основные функции села и связанные с этим актуальные проблемы и задачи. Сельская местность представляет собой обширные территории, составляющие пространственно-коммуникационный каркас. Здесь находится большая часть национальных природных ресурсов, в том числе невозполнимых и требующих к себе бережного отношения, а также разнообразные аграрные предприятия, обеспечивающие национальную продовольственную безопасность. В сельских населенных пунктах проживают 36 млн человек, что составляет четверть населения России. Суммарный коэффициент рождаемости в сельской местности выше, чем в среднем по стране, что объясняется большей приверженностью сельского населения к традиционному образу жизни. Сельские сообщества в значительной степени выступают хранителями национальных культур и образа жизни многочисленных народов, населяющих

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Россию. Село также обладает высоким рекреационным и туристическим потенциалом, быстро развивающимся в последнее время.

Результатом структурной перестройки сельской экономики становится сокращение рабочих мест в сельском хозяйстве, поскольку сейчас больший объем продуктов питания производится при непосредственном участии меньшего числа работников, при этом развитие альтернативных форм занятости не компенсирует это сокращение. По этой причине происходит концентрация населения в более крупных населенных пунктах и в городах. Так, с начала 2000-х годов обезлюдели 20 тыс. сельских населенных пунктов (15% от общего числа). И хотя урбанизационные процессы являются общемировой тенденцией, стремительные темпы оттока населения из сельской местности вызывают в обществе тревогу и побуждают взять этот процесс под контроль, снизить риски для населения и государства.

В 2020 году была принята Комплексная программа развития сельских территорий. Предполагалось, что она будет способствовать созданию большего числа рабочих мест на селе благодаря развитию многоукладной экономики, особенно малого бизнеса, а также повышению уровня жизни путем развития сельской инфраструктуры, жилищного строительства, расширения доступа к жилью молодых семей, поддержке местных сообществ. Планировались необходимые уточнения для законодательного закрепления понятий, определяющих сельское развитие, например, таких как «сельские агломерации», которые пока нашли свое отражение только в концептуальных документах. К сожалению, на реализацию этой программы было выделено почти в три раза меньше средств, чем первоначально предполагалось, к тому же не удалось добиться более согласованных действий ведомств, участвующих в сельском развитии. Таким образом, негативные процессы в сельской местности и ее деградация продолжились. Необходимость актуализации связана также с принятием в 2024 году новых национальных проектов и программы пространственного развития.

В обсуждении были представлены три точки зрения. Позиция федеральных министерств, в частности, Министерства сельского хозяйства (ответственного за программу) была озвучена в обстоятельном докладе *К. Л. Шевелкиной*, заместителя министра сельского хозяйства. Она продемонстрировала результаты реализации действующей стратегии сельского развития, принятой в 2015 году на период до 2030 года. По ее оценке: бенефициарами программы стали 17 млн человек, было создано более 200 тыс. рабочих мест, резкого сокращения численности и доли сельского населения не наблюдается. Программа развития села считается одной из самых успешных среди национальных проектов, ее реализация усиливается мероприятиями 14 других госпрограмм, общая сумма привлеченных средств составляет более 600 млрд руб. В то же время некоторые целевые показатели программы комплексного развития села оказались слишком амбициозными (например, выравнивание среднего уровня доходов жителей сельской и городской местности), а пото-

му их исключили из нее. Некоторые другие показатели оценки эффективности госпрограммы не связаны напрямую с деятельностью министерства либо содержат в себе скрытые противоречия. Треть утвержденных целевых показателей госпрограммы носит расчетный характер, а потому официально считается, что нет единого статистического показателя, на основании которого можно судить о достижении целей программы. Для повышения отдачи от вложенных средств госпрограмма комплексного развития поддерживает проекты в первую очередь на тех территориях, где реализуются программы других ведомств (принцип синхронизации). Эффект от вложенных средств в этом случае возрастает, но значительная часть заявок на поддержку в рамках госпрограммы отклоняется как раз по причине отсутствия синхронизации, и такой подход еще больше усиливает поляризацию территорий. Разносторонней критике подвергся также и механизм развития, ориентированный на вложение средств исключительно в опорные населенные пункты (ОНП), поскольку их общее число незначительно, а сельских среди них еще меньше.

Наиболее заметным направлением госпрограммы является повышение доступности жилья. По сообщению *Н. Е. Стасишина*, заместителя министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства, с 2020 года было построено около 2 млн индивидуальных домов (270 млн кв. м жилья), в том числе в прошедшем 2025 году — около 60 млн кв. м. Ведомство решает эти задачи привычными для него инструментами: внедряет промышленный способ возведения домов, работает с Росреестром для формирования участков под строительство, разрабатывает вместе с регионами программы развития опорных населенных пунктов. Однако с точки зрения привлекательности для сельской местности большее значение имеет сопутствующая инженерная и социальная инфраструктура, а для молодежи — инфраструктура досуга.

Директор департамента Минэкономики *Д. С. Дегтярев* сфокусировал свое выступление на разъяснении того, как в новой стратегии пространственного развития решаются вопросы сельских территорий. Хотя в этом документе нет отдельного по ним раздела, однако прописано создание устойчивой системы расселения, снижение оттока населения с сельских территорий, стабилизация доли сельского населения на уровне 27% к 2036 году. Дегтярев отметил, что сокращение сельского населения в регионах происходит неравномерно. Наиболее заметна убыль сельского населения в регионах Северо-Востока страны, Сибири и в Центральной России, в Белгородской, Липецкой, Калужской областях. А вокруг крупных городов, в Московской области, в Республике Адыгея, в республиках Северного Кавказа сельское население растет. Он согласился с тем, что в числе мероприятий по развитию опорных населенных пунктов более половины приходится на городские агломерации. Как же при этом не потерять фокус на сельских территориях? По мнению Минэкономики, это задача регионов. При министерстве создан мето-

дический центр пространственного анализа для помощи регионам и распространения лучших практик, планируется создание аналогичных региональных центров. Определенные ожидания связываются с 355 сельскими опорными населенными пунктами, в которых осуществляются инвестиционные проекты, в результате чего должно увеличиться число рабочих мест и произойти развитие окружающей инфраструктуры. Министерство оказывает помощь регионам в разработке документов территориального планирования. При этом актуализируется проблема точного определения границ сельских населенных пунктов, поскольку в этом вопросе имеются региональные разночтения. Из-за этого порой возникает противоречие с федеральной системой территориальных льгот, сложившейся еще в советское время и направленной на привлечение работников в сельскую местность. Доходит до парадоксов, когда, например, жители коттеджного поселка, возникшего на месте опустевшей деревни, пользуются льготами по оплате электричества, хотя эти ресурсы могли бы быть направлены на развитие, например, отдаленных сельских населенных пунктов.

Заместитель председателя правления Россельхозбанка *Д. В. Константинов* в своем выступлении рассказал, как банк обеспечивает доступность финансовых услуг на сельских территориях. Банком создана цифровая платформа, направленная на помощь в сбыте продукции сельского хозяйства, развитие сельского туризма, подготовку кадров, подбор рабочих мест, таким образом банк создает необходимые предпосылки для успешного сельского развития.

Далее выступили представители регионов, которые описали модели развития сельских территорий через развитие сельской экономики. Министр сельского хозяйства Калужской области *А. В. Ефремов* рассказал о пятилетних планах развития АПК области и привел в пример Медынский район, где наряду с крупными животноводческими комплексами успешно развивается малый бизнес (агротуризм, сыроварение). Медынь — это опорный пункт, здесь реализуют проекты по развитию инфраструктуры с привлечением средств федерального бюджета как по линии программы комплексного развития, так и других федеральных программ. Оборот организаций малого и среднего бизнеса за последние пять лет вырос в три раза, соответственно, увеличилось число рабочих мест и отчисления в бюджет. Поскольку основной привлекательный стимул для закрепления работников на селе — это возможность получить свой участок и дом, то, по мнению докладчика, было бы целесообразно предоставлять молодым семьям земельные участки в аренду с правом последующего выкупа по льготной цене, тем более что в России растет число пустующих земель, а действующие федеральные программы облегчают подключение к инженерным сетям.

Министр сельского хозяйства Алтайского края *С. А. Межин* также уверен, что главное в развитии сельских территорий — сельская

экономика, но поскольку площадь края почти в шесть раз больше Калужской области, в этом регионе особенно важно строительство дорог. Всего здесь 1600 населенных пунктов, из них опорных — 60. Еще в регионе имеется 450 населенных пунктов с населением тысяча и более человек и необходимой инфраструктурой — это пункты межселенного обслуживания. Для успешного сельского развития в крае важно, чтобы все населенные пункты были связаны дорожной сетью с опорными пунктами и пунктами межселенного обслуживания.

Эту же тему подхватил *В. Н. Плотников*, президент АККОР, первый заместитель председателя Государственной Думы по вопросам аграрной политики. Он отметил общие проблемы АПК: сокращение посевных площадей, поголовья, диспаритет цен, подчеркнув, что при этом фермерские хозяйства демонстрируют устойчивый рост по всем показателям.

На вопрос о том, почему в рамках направления Госпрограммы по развитию жилищного строительства на селе не поддерживается строительство своими силами, что могло бы быть дешевле, ответил *Н. Е. Стасишин*. Он сообщил, что в 2022–2023 годах Минстрой осуществлял пилотный проект, в рамках которого можно было взять ипотеку на строительство жилья своими силами. Проект показал, что из 200 тыс. выданных ипотечных кредитов в 37% случаев (75 тыс.) строительство не было завершено. Поэтому министерство считает более целесообразным поддерживать производство домокомплектов, что позволяет продавать готовые дома, сборка которых осуществляется на месте. При индустриальном способе строительства средняя цена за квадратный метр получается достаточно низкой, следовательно, такой способ строительства делает жилье более доступным и гарантирует своевременный возврат заемных средств.

В выступлениях представителей Архангельской и Воронежской областей был представлен опыт регионов, поддерживающих участие граждан в местном самоуправлении в форме территориально-общественного самоуправления (ТОС).

Руководитель представительства Архангельской области в Санкт-Петербурге *Н. А. Кадашева*, имеющая большой практический опыт в организации работы ТОС, сообщила, что в Архангельской области движение ТОС развивается уже 27 лет. Согласно закону, могут применяться различные формы участия граждан в вопросах местного самоуправления: старосты, инициативные группы, поддержка некоммерческих организаций, самообложение, общественные палаты и комитеты и прочее. Каждый регион решает сам, какие формы для него предпочтительны. В Архангельской области в 1998 году граждане проявили инициативу, власть их услышала и поддержала, что способствовало успешному развитию ТОС в регионе. В 2001 году был проведен первый областной грантовый конкурс поддержки проектов ТОС, с 2006 года проводятся регулярные муниципальные грантовые конкурсы. С 2011 года стали применять программный подход. В 2013 году был принят областной закон

о поддержке ТОС. В 2016 году архангельские ТОС заняли первое место во всероссийском конкурсе лучших муниципальных практик. В 2019 году была создана Архангельская региональная ассоциация ТОС, которая предлагает обучение, методические материалы, организует обмен опытом и взаимодействие. Концепция развития ТОС в области регулярно обновляется.

На начало 2025 года в регионе действовали 1253 ТОСа, в т.ч. сельских — 1164. На поддержку проектов в 2024 году выделили 39,4 млн руб. из бюджетов области и муниципалитетов, также было привлечено 9,2 млн руб. из внебюджетных источников. Эти средства пошли на реализацию 305 проектов. В 2025 году увеличилась поддержка сельских инициатив за счет синхронизации с другими областными программами, и общая сумма поддержки выросла до 500 млн руб. Большая часть проектов направлена на благоустройство: строительство мостов, дорог, общественных пространств, реставрация объектов культуры, памятников, обустройство туристических маршрутов, создание региональных брендов.

Председатель Комитета по вопросам местного самоуправления и средствам массовых коммуникаций *А. Н. Зубков* (Воронежская область) рассказал, что первые инициативы граждан, аналогичные ТОС, появились в регионе в начале 1990-х годов, а с 2015 года началась системная поддержка инициативы ТОС, принята соответствующая областная программа. Сейчас в области 2,5 тыс. органов ТОС, из них 2 тыс. действуют на территории муниципальных районов. За десять лет финансирование составило около 1,5 млрд руб., было поддержано более 4000 инициатив. Начинали с небольших грантов и обустройства детских, спортивных площадок, кладбищ, сейчас же в регионе действуют два грантооператора, проекты ТОС могут быть поддержаны на сумму до 1,5 млн руб. Для облегчения процедур отчетности об использовании средств применяется механизм, который удобен как для грантооператоров, так и для бенефициаров: люди получают не деньги, а необходимые для реализации проектов материалы. Развитие ТОС способствует укреплению доверия между населением и администрацией. Инициативы ТОС затрагивают все более широкий круг социально значимых проблем, включая такие, как помощь людям, оказавшимся в зоне СВО, борьба с нелегальным распространением запрещенных веществ. В последние годы Воронежская область неизменно признается лучшим регионом по работе с органами ТОС в стране.

Выступления практиков были созвучны докладам представителей научного сообщества. Академик *А. В. Петриков* (ВИАПИ им. А. А. Никонова — филиал ВНИИЭСХ) подчеркнул, что важно развивать не территорию, а российскую деревню, оказывать поддержку людям. В своем докладе он отметил, что до сих пор нет объективных критериев определения сельских населенных пунктов, их статус определяется административно. По численности населения сельские и городские пункты могут совпадать. Хотя городские

населенные пункты в целом обладают большей людностью, но в настоящий момент в стране есть 523 городских населенных пункта с численностью населения от 5 до 10 тыс. человек и 764 сельских с такой же численностью, 155 городских с численностью населения от 10 до 15 тыс. человек и 157 сельских населенных пунктов с такой же численностью. Сельские населенные пункты могут иметь и 35 тыс. и 40 тыс. человек. Поэтому трудно определить сам предмет сельской политики, это приводит к перераспределению средств в пользу городов. По оценке Минфина, до 20% средств программы развития сельских территорий тратилось в городах. Для сравнения, в мировой практике для разделения городских и сельских территорий принято использовать и численность, и плотность населения.

Также он высказал критические замечания в отношении стратегии пространственного развития, где основную роль играют опорные населенные пункты, ведь в некоторых регионах к опорным населенным пунктам отнесены только города, да и вообще их слишком мало для огромной территории нашей страны. Так, например, соотношение опорных и всех остальных населенных пунктов в Казахстане 1 к 5, в Беларуси 1 к 15, а в нашей стране 1 к 82. Очевидно, что лишаются какой-либо поддержки отдаленные поселения. Петриков заметил, что в дореформенный период функции опорных пунктов выполняли центральные усадьбы колхозов и совхозов, которых было 26 тыс. Он предложил расширить сеть ОНП за счет пунктов межселенного обслуживания. Также он обратил внимание участников круглого стола на то, что за период 2009–2022 годов число занятых в сельском хозяйстве сократилось на 1,5 млн человек, а трудоустроиться в несельскохозяйственных отраслях в сельской местности смогли лишь 0,76 млн человек.

Выступление *С. Н. Митрофанова*, заведующего лабораторией НИУ ВШЭ, было посвящено демографическим аспектам сельского развития. Он отметил, что в России произошел второй демографический переход, рождаемость упала и сельское население сокращается. Фиксируется гендерный дисбаланс, растет доля старших возрастов. Одновременно происходит оптимизация учреждений образования и медицины, а по сути — сокращение инфраструктуры, например, закрыты все сельские больницы, число сельских школ сократилось наполовину. Закрытие сельских школ означает закрытие очагов культуры, что снижает инвестиционную привлекательность места и ведет к разрыву социальных связей. По-прежнему сохраняется цифровое неравенство между городом и селом, где до сих пор во многих местах нет скоростного интернета. Докладчик отметил снижение числа рабочих мест в АПК вследствие роста интенсивности производства на крупных предприятиях, а также подчеркнул наличие диспропорций на рынке труда между тем, каких специалистов выпускает высшая школа, и тем, кто нужен производству. На селе сохраняется высокая доля неформальной занятости и скрытая безработица. В качестве решения озвученных проблем

докладчик предложил усилить профориентацию, привести в соответствие с потребностями бизнеса подготовку кадров для АПК, возможно, принять для этого специальную федеральную программу.

В докладе *Т. Г. Нефедовой*, Институт географии РАН, был представлен анализ проблем сельской местности на примере регионов Северо-Запада. Эта часть страны характеризуется значительной депопуляцией, вызванной оттоком населения в расположенные в относительной близости столичные города, где уровень заработной платы в пять и более раз выше, чем на селе. Сжатие демографического и экономического пространства в Псковской, Тверской, Новгородской областях обусловлено концентрацией агропроизводства и его приближением к рынкам сбыта, что понятно с экономической точки зрения, но имеет удручающие социальные последствия. И в стране в целом, и в регионах основной объем товарной продукции (мяса, молока, яиц) производят 10–15% предприятий. Докладчик выпукло обрисовала парадоксы современного сельского развития, когда улучшение снабжения продовольствием происходит при резком сокращении землепользования и числа предприятий за счет увеличения доли более крупных. По мере удаления от региональных центров сокращаются и посевные площади. Корма не сеют, а покупают на юге, так выгоднее. Уменьшилась потребность в местных рабочих, сжался рынок труда. Наблюдается дефицит квалифицированных кадров при избытке рабочей силы в целом. Схожие процессы наблюдаются в лесном комплексе: для выполнения работ привлекают технически оснащенные бригады, которые работают вахтовым методом. В настоящее время сократились инвестиционные ресурсы у небольших хозяйств, наблюдаются сложности в организации сбыта. В личных хозяйствах из санитарных соображений нельзя держать скот, поэтому малый бизнес не развивается. Личные подсобные хозяйства демонстрируют повсеместное сокращение объемов производства. Низкий уровень активности населения контрастирует с массой заброшенных земель и активностью приезжих горожан, но их деятельность зачастую игнорируется. На селе ощущается потребность в сильных лидерах, но такие люди часто уезжают и реализуют себя в городах. Имеется острая нужда в рабочих у предприятий малого бизнеса и в социальной сфере. Работодателями зачастую являются одни дачники: летом во многих регионах дачников может быть в 2–3 раза больше, чем местного населения. Точками развития остаются населенные пункты с сохранившимися агропредприятиями.

В дискуссии по докладам отмечались расхождения в оценке охвата сельского населения радиусом действия ОНП, которые колеблются от 15% (по оценкам экспертов) до 75% (по оценкам Минэкономики). Также, по наблюдениям Минэкономики, несмотря на общее малое число опорных пунктов, некоторые регионы хотели бы вообще от них отказаться, особенно от сельских.

Комментируя выступление участников круглого стола, *Н. И. Шагайда*, РАНХиГС, заметила, что каждое село должно

иметь возможность развития в зависимости от числа людей, которые там проживают. Механизмы развития должны быть понятны, тем более что подобные практики уже применялись в регионах, например, в Белгородской области.

Круглый стол выявил многочисленные противоречия и поставил вопросы о современном сельском развитии, а именно:

— Как соотносятся урбанизация, другие объективные социально-экономические тенденции и цели национальной стратегии сельского развития? Какие инструменты можно применить для снятия возникающих при этом противоречий?

— Почему в качестве целей сельского развития обозначено сохранение доли сельского населения, тогда как работа и образование сконцентрированы в городах, а социальная инфраструктура на селе развита недостаточно и даже сжимается?

— Что делать в ситуации, когда ведомственные механизмы направлены на более эффективное расходование бюджетных средств на развитие социальной инфраструктуры, но при этом усиливается дифференциация населенных пунктов и очаговость развития?

— Можно ли сохранить освоенные пространства внутри страны в условиях концентрации сельскохозяйственного производства в наиболее экономически выгодных местах и при преимущественной поддержке со стороны государства крупного сектора АПК?

— Что будет сделано для реколонизации внутренних территорий страны в условиях, когда государство стимулирует рост социальной освоенности только в приграничных регионах?

— Как повысить вовлеченность граждан в развитие сельских территорий в рамках одноуровневой системы местного самоуправления, если формы непосредственного участия граждан в решении вопросов местного значения, такие как ТОС, распространены не в каждом регионе?

— Нужно ли пересмотреть механизмы системы льгот, направленные на создание привлекательных условий для проживания на селе, если идет фактическое размывание границ между городом и селом?

— И может быть, наконец начать официально учитывать потоки сезонной и долговременной миграции горожан в сельскую местность, адаптировать под этот процесс социальную инфраструктуру, и возможно даже, принимая во внимание все большую очевидность этой внутренней миграции, расширять для нее инфраструктуру дорог и связи?

Strategies for the development of rural areas in Russia

Lubov A. Ovchintseva, PhD (Economics), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp. 82, Moscow, 119571. E-mail: lovchintseva@rambler.ru

XL сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы

И. Н. Слепнёв

Игорь Николаевич Слепнёв, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра экономической истории Института российской истории РАН. 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19. E-mail: witte@yandex.ru

EDN: YUMFNE

XL сессия одного из старейших форумов ученых-гуманитариев — Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы¹ состоялась 12–14 ноября 2025 года в Институте российской истории РАН (Москва) при финансовой поддержке Фонда «История Отечества». Внеочередная сессия была приурочена к 100-летию со дня рождения выдающегося историка-аграрника Виктора Петровича Данилова (1925–2004). Решение о ее проведении было принято в сентябре 2024 года на XXXIX сессии Симпозиума в Саранске и поддержано дирекцией Института российской истории РАН, Научным советом РАН по экономической истории и лично член-корреспондентами РАН Ю. А. Петровым и Н. М. Арсентьевым.

Ключевой темой сессии стало изучение научных школ и региональных центров по аграрной истории, а также исторических источников и традиций их исследования. Было заслушано свыше ста докладов и сообщений. География участников включала исследователей из Вологды, Воронежа, Екатеринбурга, Калининграда, Краснодар, Липецка, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Рязани, Самары, Смоленска, Тамбова, Твери, Уфы, Элисты, Ярославля и других городов.

Пленарное заседание XL сессии Симпозиума открыл исполняющий обязанности директора Института российской истории *Д. Н. Гергилев*, который, подчеркнув важность изучения аграрной истории, высоко оценил достижения российской аграрно-исторической науки и ее региональных школ, а также отметил актуальность исследования таких вопросов, как история народонаселения, сельскохозяйственного освоения территорий, проблем продовольственной безопасности.

1. Страница Симпозиума на сайте Института российской истории РАН: https://iran.ru/simp_agr

С пленарными докладами выступили ведущие специалисты в области современной аграрной истории. *В. В. Кондрашин* рассказал о жизненном и творческом пути В. П. Данилова как символе советской и российской аграрной историографии, в биографии которого отразились судьбы поколения историков-фронтовиков². Докладчик проанализировал творческий путь ученого, результатом которого стало формирование Данилова в 1960-х — 1980-х годах как одного из ведущих историков-аграрников страны. В постперестроечный период усилия Данилова сосредоточились на введении в научный оборот и публикации ранее недоступных материалов из федеральных и региональных архивов. Под его руководством были реализованы крупные международные проекты, положившие начало новому направлению в отечественной историографии — крестьяноведению. Среди этих проектов историко-социологическое обследование русских деревень, «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.», «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг.», «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 гг.» и ряд других, в рамках которых изданы десятки фундаментальных сборников документов, а также очерки истории русских селений. В ходе реализации этих проектов Данилов налажил плодотворное сотрудничество с зарубежными исследователями и сформировал собственную научную школу за счет привлечения специалистов из разных российских регионов. Полученные результаты существенно расширили источниковую базу и углубили понимание ключевых процессов в жизни советской деревни первых десятилетий советской власти — Великой революции, крестьянских восстаний, НЭПа, коллективизации, раскулачивания, голода 1932–1933 годов.

В пленарном и секционном докладах *В. В. Бабашкин* осветил процесс институционализации крестьяноведения в России на примере теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», инициированного Даниловым и Т. Шаниным в 1990-х годах³. В 2010-х годах эстафету принял семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», организованный на базе Центра аграрных исследований РАНХиГС и Московской высшей школы социальных и экономических наук («Шанинки»), при участии П. П. Марчени и С. Ю. Разина. В рамках этого семинара обсуждались, в том числе, вопросы взаимосвязи сталинизма и крестьянства и получила развитие концепция «крестьянской революции» в новом прочтении. Параллельно были

2. Доклад опубликован: *Кондрашин В. В.* (2025). Творческий путь Виктора Петровича Данилова как зеркало аграрной историографии России 1950-х — начала 2000-х гг. // *Российская история*. № 4. С. 166–176.

3. Материалы семинара опубликованы: *Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке* (2015). / Под ред. В. В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия.

организованы «Чаяновские чтения», которые объединили проблематику аграрной экономики с историческим наследием А. В. Чаянова. Благодаря этой деятельности крестьяноведение укрепило свои позиции как междисциплинарное направление, способствующее более глубокому пониманию роли крестьянства в отечественной истории.

В пленарном докладе *А. А. Горского* и *Д. А. Хитрова* было охарактеризовано изучение на сессиях Симпозиума аграрной истории дореформенного периода. С образования Симпозиума в 1958 г. в его работе преобладало изучение средневекового и раннего Нового времени. Характерной чертой был широкий территориальный охват аграрной истории республик Советского Союза (Прибалтика, Белоруссия, Молдавия, Украина), а также восточноевропейских государств, преимущественно с южнославянским населением. В тематике преобладало изучение развития феодальных, товарно-денежных и рыночных отношений, получили значительное развитие источниковедческие работы, применение количественных методов исследования. С 1990-х годов в работе Симпозиума возникла тенденция проведения сессий проблемного характера. К этому времени в ряде университетских центров (Воронеж, Вологда, Екатеринбург, Йошкар-Ола, Калининград, Липецк, Нижний Новгород, Тамбов и др.) сложились региональные научные школы по изучению аграрной истории дореформенного периода. В докладе был отмечен вклад яркой плеядой ученых-историков в сохранение и развитие роли Симпозиума как ведущей площадки, продолжающей и сегодня обеспечивать координацию и взаимодействие различных научных центров и школ.

Программа XL сессии Симпозиума включала доклады, которые были связаны с изучением наследия историков-аграрников, а также с анализом деятельности научных школ, сформировавшихся вокруг их идей. Докладчики подчеркивали преемственность в развитии аграрной историографии и значимость вклада отдельных ученых: *И. Д. Ковальченко (Н. Ш. Катамадзе)*, *А. М. Анфимова (И. Н. Слепнёв)*, *И. Е. Зеленина (Р. Ю. Червяков)*, *И. М. Ионенко (П. С. Кабытов, Е. П. Барина)*, *И. М. Волкова (О. М. Вербицкая)*, *В. Г. Венжера (А. М. Никулин)*, *В. А. Федорова (А. Н. Долгих)*, *В. Д. Дмитриева (А. Г. Иванов)* и др., многие из которых, как и Данилов, воевали на фронтах и трудились в тылу в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны. Эта тема прошла красной нитью через все секционные заседания в связи с 80-летием Победы и предстоящим 90-летием образования Института российской истории РАН.

В пленарном докладе *В. Н. Никулин* проанализировал современную историографию сибирского крестьянства второй половины XIX — начала XX века, уделив особое внимание такому аспекту, как деятельность сельских администраций и общинного самоуправления. Тему продолжил *В. М. Рышков*, в докладе которого про-

слеживался вклад сибирских ученых на протяжении конца XIX — первой четверти XXI века в изучение российского крестьянства.

Закономерно, что сибирский регион оказался одним из наиболее массово представленных на симпозиуме. Развитие идей Данилова научной школой, сформировавшейся в Институте истории Сибирского отделения РАН, стало предметом обсуждения ряда докладчиков (*В. В. Кондрашин, В. В. Бабашкин, Г. Е. Корнилов, Л. Н. Мазур, В. М. Рынков* и др.). В частности, их внимание привлекли научные труды В. А. Ильиных, одного из учеников и последователей Данилова, автора современной концепции смены моделей аграрного строя. Заметным вкладом в работу сессии явились доклады сотрудников Института истории СО РАН, посвященные аграрной истории Сибири и СССР: стратегии взаимодействия крестьянства с системой сталинского аграрного социализма, политике в сфере личных подсобных хозяйств середины 1950-х годов и ее последствиям, настроениям колхозников накануне Великой Отечественной войны, социальной трансформации крестьянства в период коллективизации (*В. А. Ильиных, С. Н. Андреенков, С. В. Шаранов, В. Б. Лапердин*).

Презентацию региональных центров по аграрной истории продолжил на секционных заседаниях ученик Данилова, один из ведущих представителей уральских аграрников *Г. Е. Корнилов*. Он отметил, что в истекшие десятилетия аграрно-исторические исследования в России активно развивались в немалой степени благодаря региональным научным конференциям. Среди них заметное место занимает серия форумов, организованных Правительством Оренбургской области и Институтом истории и археологии УрО РАН на малой родине Данилова в Оренбурге (2006–2014 годы). В числе факторов, вызвавших активизацию изучения аграрной истории в конце XX — начале XXI века, докладчик отметил: кризис аграрной сферы, т. н. «архивную революцию», развитие международного сотрудничества, а также стимулирующее влияние методологических поисков, предпринятых Даниловым и его школой. Итогами оренбургских форумов, в которых приняли участие 778 ученых из большинства федеральных округов России и восьми зарубежных стран, стало расширение тематики исследований (модернизация сельского хозяйства, демография села, голодовки XVIII — XX веков, продовольственная безопасность и др.) и издание 11 томов материалов. Форумы сыграли значимую роль в развитии уральской историографии и становлении Уральского регионального центра историко-аграрных исследований.

В докладе *О. А. Суховой* прослеживалось развитие методологических подходов к изучению аграрной истории СССР — от зарождения методологического плюрализма в 1960-е годы (в рамках школы Данилова) до антропологического поворота 1990-х годов и последующего доминирования модернизационной парадигмы.

В совместном докладе *М. А. Безнина* и *Т. М. Димони* характеризовалась роль Данилова в становлении и развитии Вологодской школы аграрной истории. Докладчики проследили историю формирования с 1960-х годов в Вологде научного центра по изучению аграрной истории под руководством П. А. Колесникова, осветили участие Данилова в XV сессии Симпозиума (Вологда, 1974 г.), его вклад в разработку концепции советской доколхозной деревни, включая работу в вологодских архивах. Было проанализировано влияние идей Данилова на тематику и направления исследований вологодских историков. Отдельное внимание уделено подготовке четырехтомной «Истории северного крестьянства» (1970–1980-е гг.). Констатируется расширение масштабов аграрных исследований в 1990-е — начале 2000-х годов и проведение сессий аграрного Симпозиума в Вологде (2000, 2008 гг.). Вместе с тем, теория капитализации советской деревни, активно разрабатываемая авторами доклада, стала одной из наиболее дискуссионных в аграрной историографии первой четверти XXI века, в частности Данилов незадолго до своего ухода из жизни дал этой теории отрицательную оценку, о чем известно его ученикам и коллегам.

Ряд выступлений были посвящены осмыслению вклада отдельных исследователей и школ в аграрную историографию. Так, вклад современных кубанских историков в изучение аграрной истории Кубани и России проанализировал *Н. А. Серогодский*, отметив, в частности, научную школу, созданную В. Н. Ратушняком, одним из старейших участников аграрного Симпозиума. Доклад *А. М. Никулина* о политэкономических взглядах В. Г. Венжера в связке с сообщением *С. В. Шаранова* об обследовании Венжером колхозов Омской области в 1941 г. послужил основой для плодотворной дискуссии. В докладе *Т. А. Савиновой* рассматривалось значение научного наследия Чаянова для современной аграрной науки.

По установившейся традиции программа LX сессии Симпозиума включала заседание трех секций, разделенных по хронологическому принципу: секция 1 (до середины XIX в.), секция 2 (вторая половина XIX — начало XX в.), секция 3 (1917 г. — современность). На заседаниях первых двух секций пристальное внимание было уделено вопросам аграрной историографии и традициям исследования исторических источников.

В ряде докладов первой секции (координаторы А. А. Горский и Д. А. Хитров) подытоживался опыт работы исследователей с разными типами исторических источников: документов монастырских архивов (*А. Л. Грязнов*, *И. Н. Шамина*), демографических источников (*М. С. Черкасова*, *Д. А. Ляпин*), делопроизводственной документации Азовской приказной палаты 1696–1711 годов (*Т. В. Жиброва*), материалов Генерального межевания (*Л. Г. Степанова*). Были продемонстрированы методы картографического источниковедения и представлен опыт изучения пространственных структур средствами ГИС-технологий, дистанционного зондирования земли,

а также методами компьютерного картографирования (*В. В. Канищев, Ю. А. Мизис, К. С. Кунавин, Д. С. Жуков, С. С. Кутаков, Ю. В. Степанова*). Охарактеризован опыт картографирования сельских приходов Западной Сибири в XVI — XVII веках (*И. Л. Манькова*). На материалах отдельных уездов прослежена динамика развития территориальной организации сельского населения, поселенческая структура и системы землевладения в XVI — XVII в. (*В. О. Богданов, Л. Б. Молотиллов, А. В. Дедук*). Широкое освещение получили вопросы служилого землевладения и поземельных отношений (*П. В. Чеченков, Е. В. Камараули, П. В. Гаврилов*), купеческого землевладения в связи с процессом закрепощения крестьян (*В. Б. Перхавко*). Особое внимание было уделено различным аспектам изучения крестьянской общины (*В. Ф. Голубев, Л. М. Артамонова, А. Г. Суслина*). Рассмотрены взаимоотношения городских и сельских территорий в XVIII — XIX вв. (*Ю. Н. Смирнов*). Проанализирован процесс формирования урожайной статистики во второй трети XVIII в. (*И. А. Кузнецов*) и историография производства и продажи хлеба в первой половине XIX в. (*Г. Н. Ульянова*). В целом заседания 1-й секции продемонстрировали высокий уровень современных исторических исследований, сочетающих классические подходы с инновационными технологиями.

Одной из центральных проблем, рассмотренных на заседаниях 2-й секции (координаторы М. Д. Карпачёв и В. Н. Никулин), стали вопросы использования и интерпретации исторических источников, касающихся аграрного кризиса в России на рубеже XIX — XX веков и различных аспектов «оскудения» земледельческих регионов. Особое внимание уделялось региональным особенностям этого процесса: проявлениям «оскудения» земледельческих губерний Центральной России (*Н. А. Жиров*), ситуации в Смоленской губернии сквозь призму земского нарратива (*Н. И. Горская*), продемонстрирован опыт исследования кризиса сельского хозяйства губерний Верхнего Поволжья на материалах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (*Н. М. Александров*). Значительное внимание было уделено вопросам теоретического осмысления проблемы «оскудения» на основе трудов представителей консервативной экономической мысли конца XIX — начала XX века (*С. В. Беспалов*).

Кроме того, на заседаниях секции были затронуты тематически смежные сюжеты, дополняющие общую картину аграрной жизни рассматриваемого периода: специфика коневодческого хозяйства башкир степной зоны Урала (*Б. В. Бурангулов*), земельные споры в Можайском уезде как пример взаимодействия различных социальных групп (*М. А. Виноградов*).

Второй важной частью работы секции стал комплексный анализ столыпинской аграрной реформы, включая ее содержание, реализацию на местах и влияние на развитие провинции, источниковую базу и историографию проблемы. В частности, докладчики пред-

ставили детальное исследование реализации столыпинской политики в Воронежской губернии (*М. Д. Карпачёв*), а также судьбы землеустройства в годы Первой мировой войны и революции на примере Московской и Петроградской губерний (*Д. В. Ковалев*). Было уделено внимание источниковедческому анализу воспоминаний как источника для изучения аграрной реформы П. А. Столыпина (*Ю. Б. Будкина*), дана характеристика работ известного пензенского краеведа конца XIX — начала XX вв. Н. Ф. Быстрова как источника по истории реформы в Пензенской губернии (*А. А. Беркутов*). Отдельно были охарактеризованы дискуссионные вопросы историографии столыпинской аграрной политики: показана эволюция оценок аграрной реформы (*А. М. Капитоненков*), проанализированы современные исследовательские тенденции на материалах диссертаций первой четверти XXI в. (*Н. В. Токарев*). Кроме того, конкретно-исторические сюжеты реформы были рассмотрены в выступлениях *М. И. Роднова* о возрасте столыпинских выделенцев в Уфимской губернии и *Н. В. Стрекаловой* о влиянии реформ Столыпина на провинциальный город (на материалах Тамбова).

В представленных на секции докладах проявилась многогранность подходов к изучению аграрной истории России: были представлены методологические инновации, в частности, поколенческий подход (*В. Б. Безгин*), рассмотрены различные аспекты деятельности политических партий в деревне (*С. А. Семеева, А. Г. Топильский*), проанализировано отражение истории сельской кредитной кооперации на Северном Кавказе в дореволюционных исследованиях (*Т. Н. Сидоренко*). Отдельной темой стало рассмотрение связанных с аграрной сферой сюжетов в годы Первой мировой войны: положения крестьянства в тыловой губернии в условиях мобилизаций 1914–1918 годов (*К. С. Трофименко*), продовольственной ситуации в Рязанской и Тульской губерниях (*М. В. Оськин*). Особый интерес вызвали доклады о влиянии чайной торговли на сельские регионы (*В. Г. Шаронова*) и анализ научного наследия выдающегося дореволюционного экономиста А. С. Посникова (*Н. Б. Хайлова*). Комплексный характер тематики выступлений позволил создать объемную картину аграрного развития России на протяжении второй половины XIX — начала XX века, показать взаимосвязь экономических, социальных и политических процессов в деревне, а также обозначить перспективные методологические подходы к их изучению.

Проблемы аграрной историографии и анализа конкретных исторических источников ставились и в докладах 3-й секции (координаторы: В. А. Ильиных, Г. Е. Корнилов, Л. Н. Мазур, В. Н. Томилин).

Важный тематический блок был посвящен историографии и методологическим вопросам: доклады об исследовании русской крестьянской общины 1920-х годов в российской и зарубежной историографии (*И. Е. Кознова*), постсоветской историографии аграрного сектора военной экономики СССР в годы Великой Отечествен-

ной войны (*Б. У. Серазетдинов*); менталитет и ценности поколений эпохи революционного перелома рассматривались в докладе *Д. А. Сафонова*.

В центре внимания ряда докладчиков находились различные историко-ведческие вопросы: протоколы допросов ЧК как источник по истории повседневной жизни крестьян (*А. С. Позднякова*), современные принципы отбора и публикации источников по истории крестьянского движения в Марийском крае в 1917 — начале 1920-х годов (*А. А. Иванов, Т. П. Федяева*), письма в Уральскую областную «Крестьянскую газету» в 1920-е годы (*Л. Н. Мазур, О. В. Горбачев*), письма большевистским вождям как источник о настроениях крестьянства в 1924 г. (*А. С. Соколов*), материалы Иваново-Вознесенской губернской газеты «Рабочий край» о налоговых кампаниях в деревне в первые годы НЭПа (*И. А. Комиссарова*), документальные источники по голоду 1924 года в Центральном Черноземье (*И. Д. Петришина*), стенограмма Первой областной конференции колхозниц Урала (1929 г.) как источник по изучению советских сельскохозяйственных коммун (*О. М. Семерикова*), документы о работе студентов партийных учебных заведений в деревне в 1920-х — 1930-х годов (*Н. В. Тихомиров*), делопроизводство областного управления сельского хозяйства в послевоенные годы (*П. П. Полх*), сельскохозяйственная отчетность и ее фальсификация при Н. С. Хрущеве (*В. Н. Томили*), материалы единовременных статистических обследований в качестве источника изучения становления фермерского движения (*И. В. Логунова*). *О. В. Бершадская* рассмотрела подготовленный по материалам агроэкономического обследования 1927 года труд П. А. Нассонова «Сельскохозяйственное районирование Черноморского округа» в качестве источника по изучению аграрной истории региона. Роль документов федеральных архивов в объективном исследовании советской аграрной истории Нечерноземной зоны РСФСР в 1930 — 1980-е годы освещалась в докладе *А. И. Шewelькова*.

Ряд выступавших, помимо уже упомянутых исследователей из Новосибирска, на основе новых и малоизученных источников обращались к характеристике аграрной политики и ее реализации, региональных и этнокультурных аспектов сельскохозяйственного производства: анализу статистических показателей кормопроизводства в молочном скотоводстве Вологодской области в XX в. (*В. А. Саблин*), развитию совхозов периода НЭПа (*В. П. Николашин*), микроанализу особенностей коллективизации в Калмыкии (*Н. А. Шиханов*), взаимодействию политотделов МТС и совхозов с райкомами ВКП (б) в 1933–1934 годах (*Н. А. Зайцев*) и др.

В заключительный день работы сессии состоялся круглый стол «Участие историков-аграрников — ветеранов Великой Отечественной войны в организации и проведении научных сессий Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: к 80-летию Великой Победы». *Н. Ш. Катамадзе* проанализировала, как опыт участия в Великой Отечественной войне повлиял на формирова-

ние научных взглядов и исследовательских приоритетов историков-фронтовиков. С большим вниманием участники Круглого стола познакомились с презентацией *А. В. Журавеля* «Умное семейство Даниловых». В выступлении *Е. А. Тюриной* прозвучали интересные сюжеты с воспоминаниями о работе Данилова с историческими источниками в Российском государственном архиве экономики. Вне программы было заслушано весьма содержательное выступление *Е. В. Даниловой*, дочери выдающегося историка-аграрника.

Материалы XL сессии Симпозиума по аграрной истории, по сложившейся традиции, планируется опубликовать в очередных выпусках «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы».

XL сессия Симпозиума успешно выполнила свою главную миссию — укрепления связей между региональными научными центрами, продвижения инновационных методов исследования, расширения опорной источниковой базы аграрно-исторических исследований и сохранения памяти о великих предшественниках. Программа форума продемонстрировала значительный потенциал сотрудничества ученых десятков регионов России, а также представителей Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и других стран ближнего и дальнего зарубежья. Одной из основ такого сотрудничества стала заложенная В. П. Даниловым традиция реализации международных проектов публикации источников по истории советской эпохи. Только в предыдущие несколько лет были опубликованы с участием Центра экономической истории ИРИ РАН ряд фундаментальных документальных сборников совместно с архивистами Белоруссии, а также в рамках деятельности Российско-Казахстанской комиссии по сотрудничеству в области архивов. В ИРИ РАН Центром экономической истории регулярно проводятся «Даниловские чтения» с участием ученых ведущих научных и образовательных центров Китайской Народной Республики. Более четверти участников XL сессии составили молодые ученые, что свидетельствует о неиссякаемом интересе в научном сообществе к проблемам аграрной истории и перспективах дальнейшего развития данной научной тематики. Проведенное мероприятие наглядно продемонстрировало, что аграрная история сохраняет статус значимой области исторической науки. Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, в свою очередь, продолжает выполнять функцию важнейшей площадки для научного диалога, обмена исследовательскими работками и координации совместной работы специалистов.

И. Н. Слепнёв

XL сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы

40th Session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe

Igor N. Slepnev, PhD (History), Senior Researcher, Center for Economic History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russia. E-mail: witte@yandex.ru

10.08.1941 — 10.01.2026

Памяти Олега Борисовича Божкова

10 января 2026 года ушел из жизни замечательный ученый и человек Олег Борисович Божков — один из колоритнейших представителей ленинградского шестидесятничества.

Многообразными были интеллектуальные интересы Олега Божкова. По образованию журналист, по складу души активист-социолог, на протяжении нескольких десятилетий второй половины XX века он принимал участие в самых разнообразных социологических проектах исследования проблематики труда, культуры, политики в жизни, прежде всего, Ленинграда/Петербурга в плеяде таких известных социологов, как Борис Фирсов, Владимир Ядов, Андрей Алексеев¹.

1. *Божков О. Б.* (2004). «...Горизонт раздвинулся и стал намного шире» // Социологический журнал. № 1-2. С. 159–183.
Божков О. Б., Докторов Б. З. (2011). «Каким я был, таким остался» // Телескоп. № 4 (88). С. 2–5.

Склонному находиться, прежде всего, в гуще эмпирических исследований Божкову, между прочим, всегда была присуща и высокая теоретико-методологическая культура, о чем свидетельствуют его научные публикации, учебные курсы по теории и методологии социологического исследования².

Мне лично довелось познакомиться с Олегом Божковым уже в XXI веке изначально на площадках симпозиума «Пути России», где на наших сельских секциях он вместе со своей содокладчицей и соавтором Светланой Игнатовой³, к сожалению, так безвременно ушедшей из жизни, всегда выступал с интереснейшими и новейшими результатами их сельских социологических исследований Северного Нечерноземья⁴.

Наши периодические встречи не только на упомянутом симпозиуме, но также и на некоторых других научных мероприятиях Москвы и Санкт-Петербурга как-то сами собой переросли из любопытствующей симпатии в настоящую дружбу, в результате которой мы с ним, а также со Светланой Игнатовой и Ириной Троцук объединили наши сельские интересы в многолетнем исследовательском проекте РФФИ «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья». Финальные итоги проекта нами были обобщены и представлены в монографии «Сельское предпринимательство в Северном Нечерноземье»⁵, получившей достаточно высокую оценку в социологическом сообществе и оказавшейся в шорт-листе Грушинской социологической премии.

Обратившись к публикациям Олега Божкова, а также коллег о нем самом, я с удивлением обнаружил, что, оказывается, несмотря на многообразие его социологических интересов, он собственно в исследованиях в области сельской социологии стал принимать участие достаточно поздно, фактически после 60 лет, а изначально и до конца жизни оставался преимущественно социологом города

2. Божков О. Б. (2014). Социология: ориентир — классика. Предварительные итоги. СПб.: Эйдос.

Божков О. Б. (2020). О роли методологических процедур в социологическом исследовании // Судьба репрезентативных эмпирических исследований в современной социологии. К XII чтением памяти Валерия Борисовича Голофаства. СПб. С. 7–22.

3. Божков О. Б. (2017). Светлая память о товарище. Завершить начатое — дело чести // Крестьяноведение. Т. 2. № 4. С. 195–199.

4. Божков О. Б., Игнатова С. Н. (2017). Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) // Пути России. Война и мир. Т. XXII. М., СПб.: Нестор-История. С. 163–178.

5. Божков О. Б., Игнатова С. Н., Троцук И. В., Никулин А. М. (2022). Сельское предпринимательство в Северном Нечерноземье: социологические очерки по мотивам полевых наблюдений. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

и в особенности петербургского мегаполиса. Подтверждение этому может найти всякий, кто заглянет в перечень публикаций Олега Борисовича на e-library. И лишь в последние 20 лет его жизни появилось около 20 публикаций в сфере социологии села, проблематики малого сельского предпринимательства, фермерства, местного самоуправления, процессов сельско-городской миграции, преимущественно по результатам эмпирических исследований глубинки Северного Нечерноземья. Но более внимательно читавшись, вдумавшись прежде всего в биографические воспоминания и размышления Олега Божкова, я обнаружил, что так определили его жизнь и судьбу экзистенциальные сельские сюжеты из его детства и молодости, и становится вполне логичным и объяснимым возвращение на склоне лет городского социолога Божкова в лоно сельской социологии, во многом связанной с постижением коренных вопросов судеб человеческого выживания среди экологического кризиса.

Посудите сами, ведь именно северная деревня спасла жизнь маленькому ребенку, почти младенцу Олегу Божкову. Обратимся к его собственным воспоминаниям: «Родился я на 50-й день войны. Отец уже был на фронте. В мае 1942 года мы были эвакуированы под Бологое, в деревню Выползово. По Дороге жизни, но уже не по льду, а по воде. Это был небольшой караван из четырех барж, одну из них все-таки потопили, но не нашу. Когда мы приехали в Выползово, нас определили на постой к тётке Тане Сорокиной. Я был жуткий дистрофик. У меня было пузо-барабан. Я, естественно, не ходил, но был очень активным и ползал. И когда ползал, то все тётки в деревне рыдали. Потому что если ножки достают до пола, то ручки висят, а если ручки достают, то ножки висят. Я как конь-качалка ногами отталкиваюсь, руками подтягиваюсь. Когда сразу по приезде туда нам дали есть, я ни одной крошечки не оставил на столе. Крошечка упала — пальчик послюнил и подобрал. Но потом ничего, довольно быстро оклемался. Там все-таки были молоко, яйца... С хлебом было неважно...»⁶. Это про северное сельское выживание в судьбе Олега Божкова.

А вот как влиял на становление профессионального характера Олега Божкова Крайний Север и его экологический кризис: «В 1966 году меня комсомол мобилизовал... Что значит мобилизовал? Я сам напросился. Летом на Ямал собирался студенческий отряд. Огромный — 1200 человек... Райком комсомола выдал солидную бумагу. С этой бумагой поехал в Салехард. Договорился с редакцией газеты «Красный Север», они взяли меня в штат... С Севера я не домой помчался, а в Москву в ЦК комсомола, и приехал я туда с таким настроением: это просто преступление... Одной из проблем, с которой так ничего толком не удалось сделать, была проблема тундры. В тундре очень тонкий слой гумуса (плодородной почвы). А там

6. Божков О. Б. (2004). «...Горизонт раздвинулся и стал намного шире» // Социологический журнал. № 1–2. С. 160.

как раз газ и нефть, разведка идет. Трактор прошел по тундре — слой гумуса разворотил, следующий трактор по этой колее не идет, боится увязнуть. А поскольку по одной колее дважды не ездят, то ширина такой «дороги» кое-где достигает 1,5–2 км. Завезли буровую для поиска, поработали. Дизель перетащили на следующую буровую, а все остальное железо так там и валяется. Притаскивают бочки с горючкой, бросают их, и потом их никто не собирает. Тундра вся завалена. Земля разрушена, раскурочена. На много-много лет все погублено. У меня была такая статья: «Безумно богатая страна, и ничего нам не жалко». Жванецкий эти слова придумал независимо от меня, а я — задолго до него. Жванецкий продолжение написал: «Безумно богатая у нас страна, и ничего нам не жалко. Но главное богатство — люди»⁷.

Людские богатства российских городов и сел в связи с природой и культурой России сполна отразил в своем творчестве душевно и интеллектуально щедрый человек Олег Борисович Божков, чья жизнь и научное наследие навсегда останутся актуальными в памяти его друзей и коллег.

А. М. Никулин

7. Там же. С. 166–167.

Крестьяноведение

2026. Том 11. №1

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать . Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ
Тираж 50 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru